

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**ДВА МИРА
АЛЕКСАНДРА
ГРИНА**

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

РУССКИЙ МИР

04 Учеба на каникулах

06 «Для нас преград не было и нет»

12 Две сестры с улицы Чехова

ИНТЕРВЬЮ

16 «Язык невозможно отделить от культуры»

22 Между Кутузовым и БАМом

26 «Не имею права руки опускать...»

ИСТОРИЯ

32 Хроники Древней Руси

40 Загадки Дома Географии

48 Парижские путешествия Карамзина

НАСЛЕДИЕ

56 Два мира Александра Грина

62 Гордый замок

68 Усадьба двух поэтов

МУЗЕИ

КУЛЬТУРА

78 Авангардист соцреализма

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Псковские пути-дороги

Председатель правления фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Главный редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора
Ирина ИВИНА
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Илья БРУШТЕЙН
Александр БУРЫЙ
Ольга ДЯТКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Алексей КАРПОВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Елена ПЕТРОВА
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
Владимир БОРТНИКОВ

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностранных дел
России
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения
России
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры
России

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования
России

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям
МИД России
(председатель
правления фонда)

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
интеграции
национальной
системы
образования
и международного
сотрудничества

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки
России

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
государственной
поддержки
искусства
и народного
творчества
Минкультуры
России

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента
России
**(председатель
наблюдательного
совета фонда)**

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел
России
**(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)**

**КОРНЕЕВ
АНДРЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ**
Статс-секретарь,
заместитель
министра
просвещения
России

**КРОПАЧЕВ
НИКОЛАЙ
МИХАЙЛОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения высшего
образования «Санкт-
Петербургский
государственный
университет»

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры
России

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по межрегиональ-
ным и культурным
связям
с зарубежными
странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования
России

**НЕВРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества Неза-
висимых Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по международ-
ному гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**САДОВНИЧИЙ
ВИКТОР
АНТОНОВИЧ**
Ректор
федерального
государственного
бюджетного
образовательного
учреждения
высшего
образования
«Московский
государственный
университет имени
М.В. Ломоносова»

**ТАРАСОВ
СЕРГЕЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения выс-
шего образова-
ния «Российский
государственный
педагогический
университет
имени А.И. Герцена»

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по приграничному
сотрудничеству

**ФИЛИППОВ
ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВИЧ**
Президент
федерального
государственно-
го автономного
образователь-
ного учреждения
высшего образо-
вания «Российский
университет дружбы
народов имени
Патриса Лумумбы»

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций
России

**ТОРКУНОВ
АНДРЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор
Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

Популярность Международного лагеря «Русский язык для молодых европейцев» годами остается высокой

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО УОЦ «ГАРМОНИЯ»

УЧЕБА НА КАНИКУЛАХ

автор

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ЕСТЬ ЛИ СПОСОБ ОБУЧАТЬ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА И РАЗНОГО УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ? ЧТО МОЖЕТ ОБЪЕДИНИТЬ ГРУППУ, ЕСЛИ В НЕЙ – УЧЕНИКИ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ СТРАН, ГОВОРЯЩИЕ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ? КАК МОТИВИРОВАТЬ ДЕТЕЙ УЧИТЬ СЛОВА И ФРАЗЫ ЛЕТОМ НА ПЛЯЖЕ? У ПЕДАГОГОВ МИЛАНСКИХ РУССКИХ ШКОЛ ЕСТЬ ОТВЕТЫ НА ЭТИ ВОПРОСЫ.

ДВУХНДЕЛЬНАЯ СМЕНА Международного лагеря «Русский язык для молодых европейцев» традиционно проводится на берегу Адриатического моря, в Италии. В нынешнем году она прошла на золотых песках в городе Линьяно-Саббядоро с 6 по 19 июля. Лагерь, организованный миланскими русскими школами «Гармония» и «Мультигород» при поддержке фонда «Русский мир», собрал ребят уже в семнадцатый раз. В смене приняли участие 69 человек: дети в возрасте от 7 до 17 лет, вожатые и преподаватели.

Актерская игра, погружение в драматический сюжет театральной постановки – верный способ вовлечь в обучение детей во время летних

каникул на адриатическом побережье. Каждому ученику можно подобрать роль с объемом и сложностью текста, соответствующими уровню владения русским языком. На практике обучение проходит настолько эффективно, что педагоги называют свою методику театральной технологией.

«В этом году мы назвали лагерь «неземной сменой». Дело в том, что всё, от названий отрядов и девизов команд до вечерних мероприятий, – это добрые созвездия, придуманные ребятами, – говорит директор миланского учебно-образовательного центра «Гармония» Людмила Лазарева. – Помимо курсов русского языка в программу лагеря входят занятия в театральном, хореографическом, шахматном и фотокружке. Также у нас есть и школа юного журналиста».

По ее словам, занятия во всех кружках, а также спортивные соревнования и конкурсы проводятся на русском языке. Участники лагеря – дети-билингвы из смешанных семей, обучающиеся в русских субботниковых школах Италии и других стран Европы. В лагерь приезжают также дети из Израиля, Белоруссии и России. Уровень владения русским языком у всех разный. Занятия проводят педагоги-руссисты из Италии, Чехии, Швейцарии. Большой опыт и многолетняя

В ИТАЛИИ
ПРОЖИВАЕТ СВЫШЕ
170 ТЫСЯЧ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.
РАБОТАЕТ БОЛЕЕ
60
РУССКИХ ШКОЛ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ.
САМЫЕ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ
ДИАСПОРЫ НАХОДЯТСЯ
**В РИМЕ, МИЛАНЕ
И ТУРИНЕ.**

В феврале 2025 года в Милане состоялся финал X Олимпиады по русскому языку среди учеников русских школ дополнительного образования в Италии. В первом туре, который проходил заочно, приняли участие 600 ребят-билингвов из 20 русских школ дополнительного образования. В финал вышли 70 человек из школ: «Гармония» (Милан), «Русское слово» (Рим), «Знание» (Рим), «Русский мир» (Рим), «Кириллица» (Рим), «Радуга» (Флоренция), школа им. С.Я. Маршака (Дезенцано-дель-Гарда), Культурный центр им. Ф. Скорины (Рим), школа «Мир» (Каррара). Победители получили путевки в летний языковой лагерь «Русский язык для молодых европейцев».

практика помогают им поддерживать интерес детей к смене в этом летнем лагере: уже второе десятилетие число учащихся не снижается. Некоторые ребята приезжают каждый год, они уже помогают организаторам в качестве вожатых. «По сути, наш лагерь – российский «Артек» в миниатюре, с четким режимом дня, зарядкой, линейкой, морскими купаниями, насыщенной образовательной и развлекатель-

На их полках книги Джоан Роулинг соседствуют с Эдуардом Успенским, Астрид Линдгрен с Виктором Драгунским, а мифы Древней Греции – с современными детскими энциклопедиями.

«Гармония» – самая большая русская субботняя школа в Италии. Число учеников в ней с каждым годом растет. Так, в 2024/25 учебном году здесь занимались 550 учеников. Уроки приходилось организовывать в две смены из-за небольшого количества кабинетов. В школе работают 45 человек.

Так как программа соответствует российским образовательным стандартам, дети имеют возможность сдать ЕГЭ и поступить в российские вузы, чем некоторые из них успешно пользуются. В учебном заведении есть шахматная школа «Белая ладья», студия хореографии, кружок ложкарей для взрослых и детей, а также кружок живописи «Цветная палитра». С 2011 года в школе работает также шоу-группа «Пикколинки», которой руководит Людмила Дубяга. Ее участники стали лауреатами международных фестивалей и конкурсов в Риме, Милане, Сан-Ремо, Флоренции, Турине, Каннах, Копенгагене, Сочи. Они принимали участие в фестивалях «Россия – источник вдохновения», «Дорогами войны», «Альпийские встречи». А любители хорового пения посещают студию «Гармония», которой руководит Ирина Белоусова.

«Ежегодно мы проводим Фестиваль народного творчества, на котором наши соотечественники показывают свои работы, учат ребят народным ремеслам: работе на прялке, валянию, традиционной росписи, резьбе по дереву. Дети участвуют в театральных постановках, играя в мюзиклах на русском языке», – рассказала Людмила Лазарева.

Несмотря на то, что детям в течение года приходится осваивать двойную программу – итальянскую в обычной школе и русскую в субботней, – их не пугают и занятия в летнем лагере на каникулах. Здесь они не только усваивают традиции, язык и культуру своих предков, но и проводят время с друзьями. Директор «Гармонии» убеждена: субботняя школа, которую она возглавляет, – это и есть Русский мир в Милане.

ной программой», – отметила Людмила Лазарева.

«Гармония» – одна из русских школ дополнительного образования в Италии, которых в этой стране более шестидесяти. Занятия здесь проходят по субботам, после недели, проведенной в обычной итальянской школе. Зачем родители-соотечественники отправляют своих детей на учебу помимо национальной школы страны проживания? «Потому что они стремятся передать своим детям родной язык, традиции, любовь к России. Еще одна причина – несовершенство программы обучения в зарубежных школах, именно поэтому востребованы математика на русском языке и шахматы. Русские субботние школы – это «малая родина» родителей, Русский мир, который они передают своим детям», – уверена Людмила Лазарева.

И дело не в карьерных перспективах, считает педагог. Многие дети знают по три языка, русский они учат как язык семьи. Они много читают, выбирая произведения как западных, так и русских авторов.

В проекте принимают участие преподаватели русского языка из Италии, Чехии и Швейцарии

Усердные занятия летом невозможны без сильной мотивации

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО УЧОУ «ГАРМОНИЯ»

«ДЛЯ НАС ПРЕГРАД НЕ БЫЛО И НЕТ»

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В НЫНЕШНEM ГОДУ ДЕНЬ ПОБЕДЫ ВЕТЕРАН ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ ВМЕСТЕ С ВНУЧКОЙ ЛЕНОЙ ВСТРЕТИЛ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ – ЮБИЛЕЙНЫЙ ПАРАД ПОЛКОВНИК НАБЛЮДАЛ ЛИЧНО. И ВСПОМИНАЛ, КАК 24 ИЮНЯ 1945 ГОДА – ВО ВРЕМЯ ЗНАМЕНИТОГО ПАРАДА ПОБЕДЫ – ОН ШАГАЛ ПО ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ СТРАНЫ В СВОДНОМ ПОЛКУ ВЫСШЕЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

<<Т

ОГДА КАЗАЛОСЬ, что идет какая-то мощная волна, какая-то непреодолимая сила, которая способна смети все на своем пути, – говорит ветеран Великой Отечественной войны, которому в 2025 году исполнилось 102 года! – Такого парада прежде не было – по качеству личного состава его сложно превзойти. Шли ровные ряды сильных, красивых людей – в основном это были Герои Советского Союза, дважды Герои Советского Союза, награжденные многими орденами и медалями. Бравые, подтянутые. Ордена звенели в такт шагам. Шли люди, которые только что выиграли тяжелейшую войну. Но в них не чувствовалось усталости. Это были настоящие победители. Они продемонстрировали и выправку, и строевую подготовку. Я восхищался этими людьми».

Дмитрий Иванович до сих пор не может забыть момент, когда герои войны бросали гитлеровские знамена и штандарты к подножию Мавзолея В.И. Ленина. Он с трудом сдерживает волнение, рассказывая об этом. «В этот миг меня переполняла неимоверная гордость! И еще мысли о враге: вот она – вся ваша мощь, вся ваша сила, теперь она повержена и брошена к ногам победителей. Вы получили то, что заслужили», – вспоминает Дмитрий Иванович. А еще он хорошо помнит, как в июле 1944 года по столице провели колонны пленных немцев. Дмитрий Иванов тогда учился в разведшколе в Москве и видел, как шли обросшие, грязные, оборванные гитлеровцы, еще недавно полные спеси. Теперь они понуро брели по московским мостовым в сопровождении солдат и офицеров дивизии НКВД.

МЕЧТА О СЛУЖБЕ

Дмитрий Иванов родился 21 февраля 1923 года в большом селе Старая Хворостань Воронежской области. Здесь он окончил семилетку, затем учился в райцентре, жил там же – на съемной квартире. Домой возвращался только на выходные. В те времена, говорит Дмитрий Иванович, дети рано становились самостоятельными: семьи были большими, взрослые много работали, на шее у родителей никто из чад долго не сидел. В семье Ивановых было пять детей, которых ссызмальства приучали к труду и самостоятельности. «И отец, и мать всегда нам внушали, что труд – это и есть главное в жизни. Будешь трудиться – будешь человеком. Ты должен быть честным и справедливым – так они нам говорили», – объясняет Дмитрий Иванович. Связать свою жизнь с армейской службой он мечтал с детства. В родословной семьи было немало тех, кто воевал. Два прадеда Дмитрия Иванова участвовали в Русско-японской войне, отец сражался на фронтах Первой мировой. «Всех перечислять не буду, скажу только, что у нас в семье сейчас три полковника: мой младший брат, мой сын и я, – улыбается ветеран. – Если перечислять всех военных в нашей семье, у меня не хватит пальцев на обеих руках. Так стоит ли удивляться тому, что я с детства тоже мечтал о военном будущем?» После окончания средней школы Дмитрий решил поступить в военное училище. Подал документы, а потом отправился в областной центр, чтобы узнать,

приняли его или нет. К его разочарованию, оказалось, что в тот год прием был небольшим, все места уже были заняты. Иванова направили в 23-й запасной артиллерийский полк под Воронежем, на станцию Масловка. Там в полковой школе молодой человек проучился три месяца и стал командиром орудия – полковой 76-миллиметровой пушки. Мать была сильно расстроена таким выбором сына. По этому поводу у него даже родились стихи: «Мать говорит: «Зачем в училище пошел?» // Я отвечал ей совсем прямо: // «Другой судьбы я не нашел». // Да как могло бы быть иначе? // Страна горела вся в огне.

// Я в это время роковое не мог остаться в стороне». 102-летний полковник, кандидат военных наук, живущий сегодня в Рязани, признается, что стихи времена от времени писал, издал даже два поэтических сборника. Учеба в полковой школе закончилась быстро, и новоиспеченный 18-летний командир орудия отправился на фронт. «Попал я на фронт совсем зеленым, – признается ветеран. – Чему я мог научиться за три месяца? Но зато патриотизма хватило бы на десятерых. Все думал, как я буду с немцами расправляться. Считал, что без меня никак, без меня война не закончится».

КОТ В САПОГАХ

Поначалу юного командира орудия отправили в Ярославль. «Это было в октябре 1941-го. Нас обули, одели, все на нас было новое. Но вид, конечно, у меня был совсем несолидный: рост – 172 сантиметра, вес – 56 килограммов. Худенький, совсем мальчишка. Так на меня и смотрели взрослые товарищи. А я все думал: вот если буду из орудия стрелять, буду точно в цель бить. Подготовлю состав расчета так, что все бойцы будут как на подбор. Сам обучу их так стрелять, чтобы клочья от врага лепетали. Вот такая злость у меня

внутри кипела», – вспоминает Дмитрий Иванович.

О своей молодости и неопытности ветеран говорит с иронией, рассказывает, как опытные бойцы подтрунивали над ним. «Старшие все время мне старались подсунуть цигарку – наставляли: мол, усы-то у тебя еще не скоро вырастут, но хоть руки будут прокуренные, пожелтеют, будешь ты мужичок, – улыбается ветеран. – Но я не курил: мне мать не велела».

Как-то в части выдавали новые валенки. Досталась обновка и Дмитрию Иванову. «Надел я эти валенки – приказ командира, ослушаться нельзя, – а они мне чуть ли не выше колен! Большие слишком. Стою я в них и думаю: ну настоящий Кот в сапогах! – смеется Дмитрий Иванович. – Решил я от этих валенок избавиться. Зашел в первый попавшийся дом в деревне, спросил: может, вам валенки пригодятся, а то мне они больно велики? Хозяйка говорит, мол, нам-то, конечно, они пригодятся. Очень обрадовалась, хотела меня отблагодарить. Постой, говорит, сейчас я тебя лучком угощу. А я про себя думаю: как же люди голодно живут, если лук – угощенье! Поблагодарил и от подарка отказался, объяснил, что я на довольствии, меня кормят».

Потом Дмитрия Иванова перебросили под Тихвин, на передний край линии фронта, и назначили командиром минометного расчета. Однако минометчиком Дмитрий Иванович пробыл недолго. Однажды к молодому человеку подошел старший лейтенант, стал спрашивать, кто он и откуда. Разузнав подробности, заметил: «Ты, наверное, выносливый должен быть мужичок, раз в селе рос». «Я ответил, что не особо болел. Раз только простился, когда в проруби чуть не утонул, – рассказывает Дмитрий Иванович. – А он и говорит: мне разведчики нужны. Сам удивляюсь, почему он меня выбрал». Так он попал в войсковую разведку.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

На новом месте Дмитрию сначала не понравилось: неделя прошла, вторая промелькнула, со служивцы на задания уходят, а он все автоматы чистит. Както услышал, что собирают группу для захвата в плен «языка». Вот и напросился. «Короче, навязался», — уточняет Дмитрий Иванович. Это потом он узнал, что у разведчиков все было заранее продумано: маршрут проложен, определено, кто бросается в окоп, кто прикрывает. Дебютанта, видимо, не стали посвящать во все детали, никто не ожидал, что он таким шустрым окажется... Перед рейдом все гремящее-шумящее сдали, даже тяжелую теплую одежду сняли, чтобы идти налегке, хотя дело в декабре было. У каждого только две гранаты и автомат. Ползли в темноте, лишь изредка в небо взлетали световые ракеты. Молодой разведчик оказался впереди всех. Пока полз, представляя, как он спрыгнет в окоп, как набросится на врага... В реальности все оказалось иначе. Немец оказался крепким. «Я на него прыгнул, а он меня с легкостью отшвырнул и стал душить. У меня силенок не было против такого противника, — вспоминает свое боевое крещение в разведке Дмитрий Иванович. — Я уже задыхаться начал, но все же смог вцепиться зубами ему в палец. Он руку и отдернул. А одной рукой он уже не так сильно сдавливал горло, и я смог дышать. Тут и товарищи подоспели, его прикладом автомата, как бойцы говорили, «доделали». Немца мы пригнали — по снежку, ползком. Потом он через переводчика спросил: «Кто первым на меня бросился?» Ему показали на меня, он только сквозь зубы прощедил: «Зря не придушил...»

Как признается Дмитрий Иванов, тот случай заставил крепко задуматься. «Это был хороший урок — нельзя переоценивать себя. Смелость без ума и хитрости — ничто. Голова должна быть холодной». Извлеченные из первого опыта уроки не раз помогли в дальнейшем — и под Ржевом, и на Курской дуге...

МОЛОДОЙ КОМАНДИР

С октября 1941-го до середины зимы 1942 года Дмитрий Иванов защищал Ленинград. Там получил ранение и был отправлен в госпиталь в Иваново. После лечения попросил направить его в военное училище: чувствовал, что не хватает ему специального образования. Но Дмитрия командировали на Калининский фронт, на курсы младших лейтенантов. Учился он отлично и примерно через три месяца получил звание. Затем его отправили на ржевское направление, причем командиром взвода разведки. «Принял я взвод, а там такие ребята — просто орлы. А я к ним — командиром. Стал думать, как мне с ними отношения строить», — говорит Дмитрий Иванович. Выучили уроки матери, которая всегда говорила: «Не зализавайся, слушай людей и поступай умно». Поначалу новый командир приматривался к подчиненным. На третий день собрал взвод и все рассказал о себе. Опытные бойцы оценили честность лейтенанта, отношения наладились, правда, время от времени они подшучивали над Ивановым. Он терпел, хотя признается, что порой чувствовал себя не в своей тарелке. Ходил с матерыми бойцами в разведку, что-то даже им подсказывал. «Нос никогда не здирал, постепенно учился. Потихоньку прижился, завоевал уважение. Стали ко мне прислушиваться», — вспоминает ветеран. Когда погиб командир полковой разведки, в штабе полка вспомнили про толкового молодого лейтенанта. Его и назначили начальником разведки полка. Было ему на тот момент всего 19 лет. До декабря 1942 года Дмитрий Иванов воевал на Калининском фронте. «Положение, скажу я вам, было очень тяжелое. Немцы сосредоточили здесь группировку для нападения на Москву. В это время и под Сталинградом положение было тоже трудное. Поэтому мы на Калининском фронте ограниченными силами сдерживали большое количество вражеских войск, — объясняет

полковник. — Под Ржевом наша армия потеряла более миллиона человек. Это оставило шрамы на сердце, которые никогда не исчезнут. Вот был рядом с тобой человек, и его уже нет. Привыкнуть к смерти невозможно».

Затем Иванова перебросили на Воронежский фронт. А это ведь родные места. «В начале января 1943 года нашу дивизию перебрасывали. Нас довезли до станции Графская, дальше мы пошли пешком на юг, в сторону Лисок. А родное село Старая Хворостань всего в 7 километрах. Подошел к начальнику штаба, объяснил, что хочу на дом родной взглянуть. Он только спросил, сколько времени мне понадобится. Я прикинул, что часа четыре мне хватит. Начальник сказал: «Садись на лошадь, только смотри не отстань», — рассказывает ветеран. Дмитрий Иванович поскакал в родную деревню. Подъехал к родительскому дому, а там... Последствия разорвавшегося поблизости снаряда и пребывания в доме врага поразили бойца. Сарай снесен, стена дома проломлена, потолка и дверей нет... «К счастью, я знал, что родные живы и перебрались в другую деревню. Но что фашисты сделали с родным домом! Такая злость во мне закипела, — вспоминает полковник. — Я никогда так не переживал. Если бы попались мне в этот момент врачи, расстрелял бы без разбора. И пусть меня потом отдают под военный трибунал».

На Воронежском фронте Дмитрий Иванов чуть не стал Героем Советского Союза. «У нас была группа из пяти человек. Четыре разведчика с автоматами, пятый с пулеметом. У каждого по три гранаты и боеприпасы. Присмотрели на переднем крае вражескую пулеметную огневую точку — на таких, как правило, сидели один-два пулеметчика. До переднего края нам нужно было преодолеть расстояние около 400 метров. Выдвинулись в темноте, но нас обнаружили из-за световых ракет. Мы были как на ладони, нас обстреливали со всех сторон. Пришло,

как говорится, повернуть телегу обратно. Вернулись на рассвете. Докладываю командиру полка, что неудачный у нас был поиск. «Поиск» – так назывался захват пленного, – поясняет ветеран. – А командир говорит: садитесь на танк. Задание такое: внезапно ворваться на шоссе, по которому отступает противник, и двигаться вперед, обстреливая отходящего врага». Группа выполнила приказ в точности. Ворвались на скорости на шоссе. «На танке два автоматчика слева, два справа, сзади пулеметчик. Немцы очухаться не успели – кинулись врассыпную. Те, кто позади, еще стреляют по нам, а те, кто впереди, разбегаются направо и налево. А была уже весна – по глинистой земле не так-то просто убежать. Так мы прокатали метров 700, использовав весь боеприпас, что у нас был, – вспоминает Дмитрий Иванович. – Вернулись, докладываю командиру полка. Он только сказал: «Молодцы. Раненые, убитые есть?» Когда узнал, что нет, еще раз повторил: «Молодцы!» Вот за этот подвиг нас и собирались представить к званию Героев Советского Союза». Помешала этому, видимо, халатность. Писаря направили на поле боя на следующий день, а он подошел к выполнению задания формально: посчитал только тех убитых, кто лежал вдоль дороги, а ведь на самом деле разведчики нанесли гораздо более серьезный урон противнику. За свой подвиг бойцы получили ордена Красного Знамени.

«Видно, не судьба была стать Героем Советского Союза, – улыбается Дмитрий Иванович. – Вообще, на войне четко ощущаешь, как тебя ведет судьба. Как-то шли мы в селе под Харьковом, вроде бы пустом. И вдруг нас обстреляли из пулемета. Троє раненых... Когда рядом разрываются снаряды, гибнут твои товарищи, а тебя смерть стороной обходит, остро чувствуешь – судьба играет. Все на волоске висели».

Был на волоске от смерти и Дмитрий Иванович. Во время боев под Курском рядом разорвался

снаряд, разведчика полностью засыпало землей. К счастью, рядом товарищ оказался, откопал. У Иванова из ушей шла кровь, из-за тяжелой контузии он ничего не слышал. Потом было долгое лечение и возвращение на фронт.

А судьба уже готовила нашему герою новый сюрприз. В часть прибыли два полковника из Москвы, подбирающие кадры для учебы в Высшей разведшколе. Командир Иванова доложил, что у него есть подготовленный человек. «Беседовали со мной долго, – говорит Дмитрий Иванович. – Но проверку я прошел». Дмитрий Иванов окончил Высшую разведшколу Генерального штаба.

НАДЕЖНЫЙ ТЫЛ

О своей послевоенной работе Дмитрий Иванович и сейчас рассказывает очень скруто – бывших разведчиков не бывает: «Был за границей, проработал определенное время, отозвали на другую должность в одну из больших стран». Довелось Дмитрию Иванову послужить и в штабе маршала Малиновского в Дальневосточном округе, и в штабе маршала Бирюзова в Приморском военном округе. А потом судьба снова устроила новый поворот: Дмитрия Ивановича направили в Тверь, где он стал старшим преподавателем в Военной командной академии ПВО (ныне – Военная академия воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова). «Я очень горжусь, что нашей академии было присвоено имя Жукова – это говорит о высоком уровне учебного заведения», – считает Дмитрий Иванович.

Около восьми лет Дмитрий Иванов был старшим преподавателем, потом пятнадцать лет – начальником кафедры. Как шутит он сам, должность занимал генеральскую, а генералом так и не стал. «Видно, опять же не судьба», – улыбается ветеран. Зато министр высшего и среднего специального образования СССР наградил Дмитрия Ивановича знаком «За отличную ра-

боту». Ветеран гордится своими учениками – множество выпускников академии разбросано по всему миру. Кстати, речь Дмитрия Ивановича и сейчас выдаёт преподавательский навык – остается только удивляться, как грамотно, последовательно и обстоятельно ведет рассказ человек в 102 года!

Ну а главным своим достижением Дмитрий Иванович считает собственную семью. «Я женился в 1946 году, в 23 года. Вскоре у нас родился первый сын. И когда мне нужно было уехать в длительную командировку одному, жена воспротивилась. «Где ты, там и я. Всегда и везде», – сказала она. И я с этим согласился. Правда, отправили меня туда, куда Макар телят не гонял. Зато я не разлучался с семьей. Мы всегда были вместе, вырастили двоих сыновей – Юрия и Александра. Прожили в браке 55 лет. Увы, моей жены не стало в 2000 году», – вздыхает Дмитрий Иванович.

Вот уже четверть века полковник Иванов живет без своей половины – Марии Семеновны. Чуть более полугода назад пришлось похоронить и старшего сына. Юрий Дмитриевич служил на космодроме Байконур, потом был начальником цеха на заводе металлокерамических приборов, работал заместителем главного энергетика НПО «Плазма», был изобретателем... А младший сын, Александр, пошел по стопам отца: он, как и Дмитрий Иванович, полковник, ему сейчас 71 год.

«Самое главное, что семья у нас крепкая. Ведь она для военно-го – настоящий тыл, – делится Дмитрий Иванович. – У меня двое внуков и одна孙女, правнуков поровну – три мальчика, три девочки. Сейчас я живу с семьей своей孙女 Лены и очень благодарен ей за это». Чувствуется, что вся семья любит и ценит дедушку. 19-летняя Маша во время нашей беседы с беспокойством следила за прадедом: переживала, как бы он не перегорел из-за долгого разговора. Самая младшая правнучка,

5-летняя София, так и норовила прижаться к дедушке. Как и разношерстные коты, которые во время разговора не раз подходили приласкаться. Думается, любовь, которой окружен ветеран, дает ему жизненные силы. Взглянешь на лучезарную Софийку, серьезную Машу или веселую 18-летнюю Катю – и понимаешь, что все в жизни Дмитрия Ивановича было не зря. Не зря воевал, не зря рисковал жизнью. Не зря получал награды. А их у Дмитрия Иванова немало: орден Отечественной войны 2-й степени, орден Красного Знамени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.», медаль «За боевые заслуги», орден Красной Звезды. Вместе с внучкой Леной Дмитрий Иванович побывал на Красной площади в мае 2025-го – юбилейный парад в честь 80-летия Победы 102-летний полковник смотрел с волнением. «Парад был грандиозный. И это не просто слова. На парад собрались представители 30 стран. Эти государства представили военные подразделения, которые наравне с нашими частями участвовали в параде. Китай, Вьетнам, Лаос, Корея, Египет, Куба и многие другие. Это делает честь нашей армии – ее уважают, ее ценят, – считает

полковник, кандидат военных наук Дмитрий Иванов. – Приятно было видеть, как был организован парад – четко, ясно, масштабно. Выправка, военная атрибутика, техника – все на высшем уровне. Особенно мне хотелось бы отметить работу оркестра. Раньше мы использовали несколько русских маршей, сейчас у оркестра очень богатый репертуар, сложные композиции, оригинальные обработки, и это очень украшает парад. Когда я любовался парадом, мне стало ясно: если мы захотим, сделаем все – для нас преград не было и нет. В этом я убедился окончательно».

ДВЕ СЕСТРЫ С УЛИЦЫ ЧЕХОВА

Семья
Морозовых.
1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

АВТОР

ОЛЬГА ДЯТКО

ЕСЛИ СПРОСИТЬ У ПЕТЕРБУРГСКИХ КРАЕВЕДОВ, ЧТО ИМ ИЗВЕСТНО ОБ УЛИЦЕ ЧЕХОВА, ТО ОНИ НАВЕРНЯКА ОТВЕТЯТ, ЧТО НА НЕЙ ЖИЛИ ИЗДАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ АЛЕКСЕЙ СУВОРИН, А ТАКЖЕ ПОЭТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТ. ОСОБО ДОТОШНЫЕ ВСПОМНЯТ, ЧТО ЗДЕСЬ, В ДОМЕ №10, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕТР ФРЕЗЕ СОЗДАЛ ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АВТОМОБИЛЬ... НО МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ ВАМ О ДРУГИХ ЖИТЕЛЯХ ЭТОЙ УЛИЦЫ. О ДВУХ СЕСТРАХ – ИРИНЕ И ЛЮДМИЛЕ МОРОЗОВЫХ, ВЫЖИВШИХ В САМОЕ СТРАШНОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ ИХ РОДНОГО ГОРОДА...

БЕЗЖАЛОСТНОЕ КОЛЬ-
цо блокады вокруг Ле-
нинграда сомкнулось
8 сентября 1941 года.
Осажденный город медленно
погружался в адский ужас: не-
скончаемые бомбардировки,

почерневшие оставы обгорев-
ших зданий, полыхающие пожа-
ры, завалы на улицах и очереди
в магазинах. «Мы жили на дро-
жашей земле, под воющим не-
бом, – писала в октябре 1941-го
поэтесса Ольга Бергтольц, кото-

рую называли «голосом блокад-
ного Ленинграда». – Наш слух
работал без нашего контроля,
ловя каждый звук – не сирена
ли? Не свист ли бомбы или сна-
ряда? Не немецкий ли самолет?
Наш или немецкий? В меня или
не в меня?» Тогда, в первые ме-
сяцы блокады, на улицах Ле-
нинграда было установлено
полторы тысячи громкогово-
рителей, транслировавших во
время вражеских налетов сухой
и тревожный звук метронома:
ритм 150 ударов в минуту – зна-
чит, объявлена воздушная тре-
вога, медленный стук – отбой...
А вскоре в городе появились
новые беспощадные вестники
смерти – мучительный голод и
лютый холод. Зима 1941/42 года
выдалась особенно суровой. Ис-
тощенные люди нередко умира-
ли прямо на улицах... Многие
уезжали в эвакуацию, покидали
город по льду Ладожского озера,
по нему же скучным ручейком
поступало в Ленинград продо-

вольствие. И хотя ленинградцы называли этот путь Дорогой жизни, преодолеть его удавалось далеко не всем. Караваны с людьми и продуктами безжалостно бомбили немецкие самолеты и обстреливали вражеские корабли...

А те, кто остался в Ленинграде, работали и выживали, несмотря ни на что. Некоторые из них писали письма и дневники, искренне рассказывая об изнурительной борьбе со смертью. В числе этих сохранившихся и пожелтевших от времени драгоценных страниц – дневники и переписка двух сестер: Ирины и Людмилы Морозовых, живших на улице Чехова в доме №16. Это история о том, как блокада изменила жизнь и судьбу двух юных ленинградских студенток. Родственники бережно хранят дневники, рисунки и письма, которые сестры отправляли друг другу, друзьям и родным во время бесчеловечной фашистской осады города на Неве.

«САМОЕ ЛУЧШЕЕ, КОНЕЧНО, ЖИТЬ В ЛЕНИНГРАДЕ...»

Когда началась Великая Отечественная война, Ирине Морозовой исполнилось 22 года, а ее младшей сестре, Людмиле, – всего 18. Родились они в обычной семье: отец был инженером, а мать – домохозяйкой. Довоенная жизнь шла своим чередом. Ирина увлекалась живописью и очень любила рисовать. Кроме того, она учились игре на фортепиано. Окончив школу, поступила в Ленинградский политехнический институт. Во время учебы в вузе выяснилось, что Ирина – хороший организатор. Она активно занималась общественной работой, стала членом бюро ВЛКСМ своего факультета, политруком школы медсестер, организовала при институте курсы медсестер запаса. В 1939–1940 годах работала в больницах Ленинграда, включая Центральный Краснодармейский госпиталь. Младшая, Людмила, тоже учились в музыкальной школе по классу фортепиано и мечтала о

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

профессии, связанной с кино. В 1940 году, после окончания средней школы, она стала студенткой Ленинградского института киноинженеров. Впереди у обеих сестер была целая жизнь. Но Великая Отечественная война нарушила все планы.

В июне 1941 года Ирина и Людмила устроились на работу в эвакогоспиталь №1170, который находился на набережной Обводного канала. Пережив первую, самую страшную блокадную зиму, летом 1942 года Людмила вместе с матерью Агриппиной Ивановной эвакуировались по Ладоге. Тогда же Людмила начала вести днев-

Людмила
Морозова.
1940 год

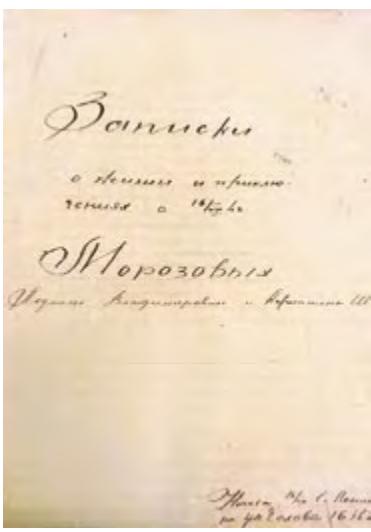
Агриппина Морозова.
Конец 1920-х годов

ник и назвала его так: «Записки о жизни и приключениях с 16 июля 1942 года Морозовых Людмилы Владимировны и Агриппины Ивановны». Начинается он словами: «С Ленинградом рас прощались 16 июля 1942 года. Навсегда ли, нет ли? Никто не знает...»

И буквально сразу идет подробный рассказ о том, как происходила эвакуация: «Самое трудное было – переправа через Ладожское озеро. Не то что трудно, но просто жуткий день, вернее, сутки...» А потом Морозовых ждал очень долгий путь в чужие края: «Как ужасно надоело ехать... Уже месяц, как мы в дороге...» – записывает Людмила в своем дневнике.

В Ташкенте девушка поступила в Ленинградский политехнический институт, который находился там же в эвакуации. Она очень скучала по своему родному городу и сделала в дневнике такую запись: «Самое лучшее, конечно, жить в Ленинграде (довоенном), и где бы мы ни жили, все будет плохо и не сравняется с Ленинградом. Всегда будем стремиться туда...» Людмила с нетерпением ждала вестей от сестры Ирины. Переписка между сестрами не прекращалась все блокадные годы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

Обложка
дневника
Людмилы
Морозовой

«КОНЧИЛИСЬ МОИ РАБОЧИЕ СУТКИ»

Ирина Морозова эвакуироваться не захотела. Она приняла решение остаться в осажденном городе, окончила краткосрочные курсы операционных сестер и сестер-тисковальщиц. Девушка была занята в перевязочной и операционной нескольких отделений госпиталя №1170.

Несмотря на тяжелый график работы, скучное питание и отсутствие нормальных условий для жизни, она умудрялась еще готовить доклады («Столбняк» и «Специфика работы сестры в сортировочном госпитале») и выступать с ними на госпитальных конференциях. Да еще и продолжала по-прежнему заниматься общественной работой, проводила для персонала «политинформации и занятия».

И что уж совсем удивительно – не оставляла занятия рисованием! Выздоровевшие бойцы увозили с собой свои портреты, выполненные Ириной. А в маленьком блокноте она зарисовывала цветными карандашами своих коллег-медсестер. Мало того, Ирина успевала писать стихи для стенгазеты, а сослуживцы вспоминали о ней как о хорошей шахматистке!

Но вот что она записывает в дневнике 6 августа 1942 года: «Работаю сутки, уже устала – это все мои ноги подводят. Славный мальчуган был сейчас на перевязке – 1925 года рождения, стоит босиком и говорит: «Где мои пимы?» Странно слышать здесь это название обуви. Мальчуган славный, говорит, как взрослый, да и не зря: ведь пулеметчиком был». А вот запись, сделанная на следующий день: «Кончились мои рабочие сутки. Устала: 101 перевязка – не шутка! Опять отнялись пальцы, едва пишу».

Спустя два месяца, 10 октября, она пишет: «...Суточное дежурство сдала лишь в 11 часов утра. Завтрак из пшенной каши с кусочком масла не утолил моего голода: я съела весь хлеб. А ведь надо сэкономить, завтра идти к бабусе, снести ей, да и... вообще. Что это за отсутствие воли?»

Ирина Морозова
во время
бомбардировки

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

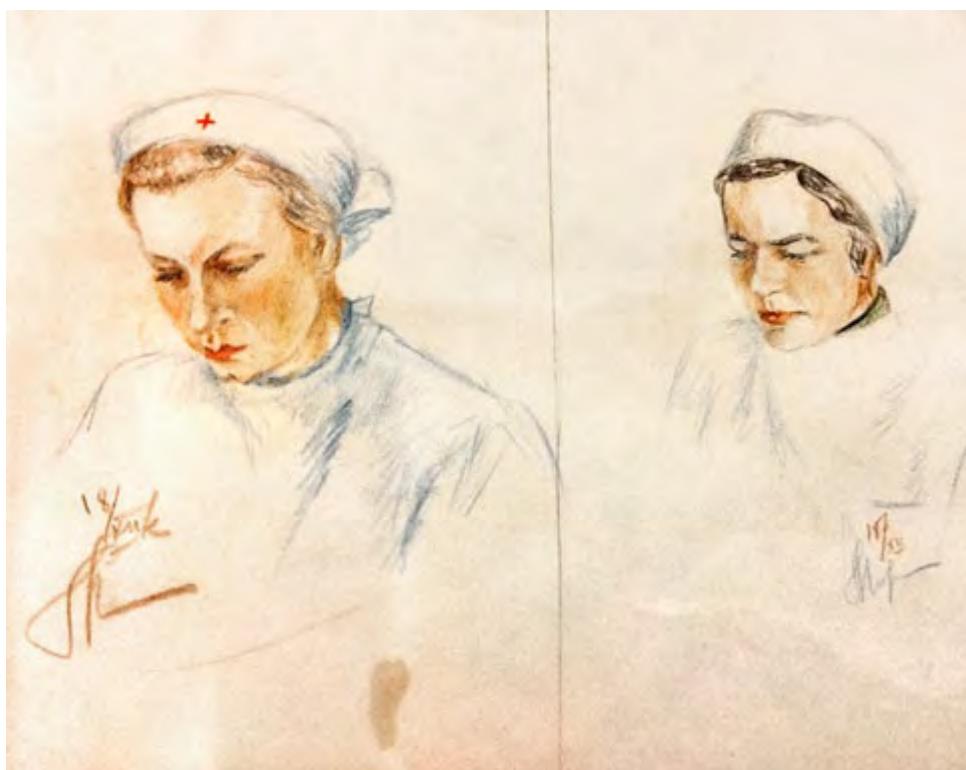
ЖИЗНЬ В ПИСЬМАХ

Ирина Морозова вела обширную переписку с друзьями и родными. В письме сестре Людмиле в августе 1943 года она сообщала, что тяжело заболела и очень хочет побыстрее выздороветь: «О, скорее бы стать нормальным человеком. Как я понимаю страдания больных!»

Несколько писем от родных и друзей, адресованных Ирине в 1944 году, посвящено освобождению Ленинграда от блокады. «Первые слова в этом письме хочу посвятить величайшему событию 1944 года – освобождению нашего города от когтей фашистских зверей», – писал Ирине однокурсник из Свердловской области.

А вот что Ирина Морозова написала сестре в мае 1944 года: «Сижу у репродуктора. Слушаю концерт Фрейдкова (Борис Фрейдков – оперный певец, бас. – Прим. ред.) из филармонии... вот пишу это письмо... Мамочка и Люсень-

Рисунки Ирины
Морозовой

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

Рисунки Ирины
Морозовой

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

ка, милые мои, хорошие, родные, пишу письмо и ясно вижу вас. Вам, знаю, тяжелы края чужие. Как мне здесь каждый час без вас. Как часто я мечтаю о прошедшем и вспоминаю все далёкое «давно». И всех друзей, сейчас уже ушедших, всех тех, кому уж в жизни все равно... Дорогие мои, очень прошу вас не смеяться, правда: это первое, вдруг сочинившееся стихотворение».

Во время войны Ирина Владимировна продолжала самостоятельно заниматься по учебникам и не прерывала связи с преподавателями и студентами Политехнического института. В 1944 году доктор технических наук, профессор Ленинградского политехнического института Хрисанф Кетов в письме советует Ирине Морозовой, как поступить с выбором темы для дипломного проекта и как пройти преддипломную практику.

СНОВА ВМЕСТЕ

С окончанием войны и наступлением мирной жизни семья Морозовых воссоединилась: вернулись из эвакуации Людмила и Агриппина Ивановна. Судьба распорядилась так, что обе сестры окончили Ленинградский политехнический институт. Людмила Владимировна работала в проектных институтах инженером, старшим инженером, руководителем группы. Занималась автоматизацией производственных процессов на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности и внедрением последних достижений в области автоматизации управления.

Ирина Владимировна окончила Ленинградский политехнический институт с красным дипломом по специальности «полиграфические машины», в дипломной работе представила конструкцию линотипа. Окончив вуз, с 1946 года работала в конструкторском бюро завода Ленполиграфмаш. С 1951 года стала ведущим инженером Центрального проектно-конструкторского и технологического бюро химического машиностроения.

На протяжении многих лет Ирина Владимировна Морозова руководила советом ветеранов госпиталя №1170, в котором работала в годы блокады. Она награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Личный архив семьи Морозовых оцифрован и размещен в фонде Президентской библиотеки.

Редакция благодарит
Президентскую библиотеку
им. Б.Н. Ельцина за помощь
в подготовке материала.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА

«ЯЗЫК НЕВОЗМОЖНО ОТДЕЛИТЬ ОТ КУЛЬТУРЫ»

БЕСЕДОВАЛ

ИЛЬЯ БРУШТЕЙН

КАК СТУДЕНТАМ-ИНОСТРАНЦАМ ЗА ГОД УДАЕТСЯ ВЫУЧИТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК НАСТОЛЬКО, ЧТО ОНИ МОГУТ НОРМАЛЬНО УЧИТЬСЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ? КАКИЕ ХИТРОСТИ И ПРИЕМЫ ПОМОГАЮТ НАЙТИ ПОДХОД К УЧАЩИМСЯ ИЗ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ МИРА? ЧТО УДИВЛЯЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ОБЩЕНИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТУДЕНТАМИ? ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» УЗНАЛ У ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА ПО РАЗВИТИЮ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ МГУ ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЧАСТНЫХ.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ МГУ им. М.В. Ломоносова ведет свою историю с 1954 года – именно тогда при университете были открыты первые языковые курсы для абитуриентов из-за рубежа. А уже в 1959-м оформился Подготовительный факультет для иностранных граждан, на который было возложено решение задачи по подготовке к обучению в ведущем вузе страны молодых представителей дружественных государств.

– Валерий Владимирович, за свою историю Институт русского языка и культуры МГУ несколько раз менял название. Но в разговорах ваших сотрудников до сих пор можно услышать: «Мы из Подфака»...

– Подфак, он же Подготовительный факультет, – не просто название, под которым мы работали с 1959 до конца 1991 года. Подфак – наша история, наш бренд. Подготовительный факультет для иностранных граждан стал первым подобным заведением в СССР и сыграл важную роль в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) в нашей стране. В дальнейшем этой работой занялись и другие вузы.

– Не секрет, что в советское время выделялись значительные средства из государственного бюджета на то, чтобы зарубежные студенты могли обучаться в СССР.

– После распада СССР такие программы сохранились, однако были заметно сокращены. Но оказалось, что Подфак способен сам успешно искать

и находить студентов. Правда, эти люди учились уже не на бюджетной основе, а за счет собственных средств или стипендий, которые предоставляют в их странах.

Нынешнее название учебного заведения, на мой взгляд, очень мудрое. Язык невозможно отделить от культуры, от культурного кода. Конечно, это относится не только к русскому, но и к любому иностранному языку, который человек изучает. Филологи нередко говорят о формировании вторичной языковой личности. Это именно то, чем каждый день занимаются сотрудники Института русского языка и культуры.

– Думаю, далеко не все читатели поймут определение «вторичная языковая личность».

– Давайте разберемся: как ребенок учит родной язык? Разве обучение состоит исключительно из заучивания грамматических правил и расширения словарного запаса? Нет. В первую очередь ребенок учится общаться на родном языке. Общение уже с юных лет происходит в рамках национальных традиций, представлений о вежливости, гостеприимстве, семейных отношениях и так далее. Используя родной язык, ребенок признает окружающий мир и одновременно осознает свое место в нем. Так и формируется его языковая личность. А вторичная языковая личность – это способность вести коммуникацию на иностранном языке таким же образом, используя те же самые языковые и культурные нормы, что и носители этого языка. Иными словами, мы не только обучаем иностранных граждан устному и пись-

Заместитель
директора
по развитию
Института
русского языка
и культуры МГУ
им. М.В. Ломо-
носова доцент
В.В. Частных

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

менному русскому языку, но и стремимся, чтобы они владели им так же, как и носители языка.

– Это выполнимая задача?

– Как правило, на 100 процентов эта задача невыполнима, хотя есть немало примеров, когда наши ученики достигают высочайшего уровня владения языком, удивляя россиян богатством, стилистической чистотой и образностью речи.

В Институте русского языка и культуры, на легендарном Подфаке, мы, как и наши предшественники, ставим перед собой задачу за 10 месяцев, то есть за учебный год, подготовить к обучению в МГУ человека, который начинает изучать русский язык с нуля. На всех факультетах университета могут подтвердить, что иностранные студенты достойно учатся вместе с нашими соотечественниками. Во время учёбы никто в МГУ поблажек иностранцам не делает. И ребята стараются. Способность успешно воспринимать университетскую программу – это высокий уровень владения русским языком.

– Как удается достичь таких результатов?

– Изучение иностранного языка можно сравнить с воспитанием ребенка. Мы стремимся передать студентам не только навыки грамотного выражения своих мыслей на русском языке, но и огромный пласт народной мудрости нашего народа. Хорошо говорить по-русски – это научиться понимать жизнь так, как ее понимают россияне. Иногда приходится слышать: «Русский язык, который преподается в университете, существенно отличается от языка улицы».

– Это действительно так?

– Это банальность. Но, как и в каждой банальности, в ней есть зерно истины. Наша задача – научить студентов нормативному литературному языку, на котором говорят преподаватели на уроке. А потом каждый дополняет свой русский язык, опираясь на собственный опыт общения. Кстати, как вы думаете, поймет ли иностранный студент, если кто-то из российских сокурсников в шутку скажет ему: «Ты у нас теперь богатенький Буратино!»

– Это выражение отсылает к сказке Алексея Толстого «Золотой ключик». Многим россиянам оно знакомо, даже если они эту сказку не читали... Трудно сказать, поймет ли такую фразу иностранец, тем более если он начал учить русский язык сравнительно недавно.

– Задача состоит в том, чтобы подобные выражения не застали наших учащихся врасплох. Мы стараемся показать студентам и язык «Слова о полку Игореве», и язык Пушкина, и язык блогеров, и язык юридических и финансовых документов, и язык студенческих чатов... Великий и могучий русский язык во всем его стилистическом многообразии!

– Вы ведь не только занимаетесь подготовкой зарубежных абитуриентов к обучению в МГУ, но и предлагаете индивидуальные и групповые языковые курсы?

– В Институте русского языка и культуры работает сектор стажировок. Он существовал и в советское

Совместная
лепка пельменей
с китайскими
студентами –
составная часть
программы
обучения
русскому языку

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

время. Я не только заместитель директора института по развитию, но еще и руководжу этим сектором. Подготовительный курс перед обучением в МГУ продолжается 10 месяцев. А длительность стажировок может быть разной: от одного месяца до года, иногда даже дольше. На стажировки приезжают студенты и аспиранты, изучающие русский язык в своих странах, русисты и слависты. Немало и представителей других специальностей: дипломатов, бизнесменов, инженеров... Кто-то хочет усовершенствовать свои знания по русскому языку по личным причинам, например из-за предстоящей женитьбы на россиянке или замужества с гражданином России... Кстати, прямо перед нашей беседой я получил сообщение от пенсионерки из Испании. Она хочет пройти у нас обучение, чтобы потом путешествовать по России, читать произведения русских классиков в оригинале и говорить с россиянами на одном языке.

– **Видимо, у этой дамы высокая мотивация!**

– Таких мотивированных учащихся и студентов у нас много. Но было бы наивно считать, что преподавателю иностранного языка, в том числе русского, приходится иметь дело только с мотивированными людьми, искренне любящими русский язык или стремящимися его полюбить.

Я думаю, мотивация учащегося – это 75 процентов успеха. Однако это не значит, что, если педагог столкнулся с немотивированными учениками, ему нужно опустить руки и снять с себя ответственность за результат. Низкую мотивацию можно повысить.

– **Убедить учащихся, что русский язык им нужен?**

– Убедить учащихся – это не значит вступать с ними в дискуссии и в нравоучительном тоне рассказывать о том, как важно им хорошо знать мой родной язык. Гораздо эффективнее, чтобы они сами пришли к этой мысли.

В 2004–2008 годах я преподавал русский язык в японском Университете Кобе. И при знакомстве с первокурсниками спросил их, почему они решили изучать русский язык. В Кобе на русское отделение филологического факультета ежегодно набирают 45 человек. Это значительное число! Что я с удивлением обнаружил? Из 45 студентов-первокурсников только пять сознательно выбрали русский язык в качестве своей профессии. Они рассказывали мне об интересе к русскому балету, к художнику Кандинскому, к фигуристу Евгению Плющенко, к Чебурашке, придуманному нашим писателем Эдуардом Успенским.

– **Как и почему остальные 40 человек стали студентами отделения русского языка?**

– Они говорили о том, что вообще-то стремились поступить на отделение английского языка. Но не набрали проходной балл на школьных выпускных экзаменах. На английское отделение их не приняли – оказались на русском. Но проблема заключалась не только в этом. В дальнейшем эти первокурсники и не собирались связывать свою жизнь с русским языком. В Японии считается нормальным, если будущая работа никак не связана с полученным образованием. Например, человек может пять лет отучиться на отделении

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

Общение с китайскими школьниками, изучающими русский язык

русского языка, а потом работать в банковской сфере, на муниципальной или государственной службе, в промышленности... При этом в Японии существует прекрасная национальная школа русистики, включающая и ученых-исследователей, и высококвалифицированных переводчиков, и увлеченных университетских преподавателей. Но востребован ли их опыт, если большинство студентов – «случайные пассажиры»?

В Японии довелось столкнуться и с другими специфическими особенностями, которые нужно было учить в работе. Как известно, в японской общеобразовательной школе царит жесткая дисциплина. Да и в семье ребенка, как правило, воспитывают строго. Но школьные годы заканчиваются. На первом курсе обычно большинство студентов еще учатся прилежно. Сказывается школьная застенчивость, многолетний навык целеустремленной работы, заложенный в детстве. Но это нередко учеба по инерции. А уже на втором курсе университета многие японцы и японки начинают понимать, что школа закончилась. В университете уже нет такого контроля, такой дисциплины...

– Удалось ли вам помочь студентам преодолеть трудности в обучении?

– Когда первый курс в Кобе завершился и я собирался в отпуск на родину, у меня возникла идея: организовать для студентов поездку в Россию. Многие охотно согласились, хотя это предложение было для них неожиданным. Могу сказать, что после путешествия в Россию отношение к русскому языку у ребят изменилось. Я увидел блеск

в их глазах! Они поняли, что Россия – это интересно, это классно! Особенно запомнился один студент, который во время всего первого курса держался очень отстраненно, практически ни с кем не общался. Наша поездка в Россию включала экскурсию в Тверь и общение со студентами местного университета. Для японской и российской молодежи была организована прогулка по Волге на теплоходе с дискотекой. Я обратил внимание, как изменился этот парень, когда попал на теплоход и увидел тверских студенток-красавиц. Его сердце как будто оттаяло. Он знакомился с девушками, шутил, флиртовал, что-то оживленно рассказывал на русском языке... Это был совсем другой человек! Через некоторое время стало известно, что этот парень на один год уехал в Томск по программе студенческих обменов.

– Вероятно, общение с девушками на теплоходе стало для молодого человека главным событием поездки в Россию!

– Изучение языка немыслимо без межкультурной коммуникации, без постижения культурного кода другого народа. Один эпизод, случившийся во время работы в Японии, убедил меня в этом. На стажировку в Кобе приехала группа студентов-японистов из МГУ. Мне надо было организовать для них совместную программу с японскими студентами-русистами. Японцы учат русский, русские – японский. Их общение было частью учебного процесса. За месяц пребывания в Японии студенты двух стран сдружились. И за несколько дней до отъезда японцы пригласили наших

Чествование победительницы олимпиады по русскому языку в китайской школе

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

ребят отметить успешное завершение проекта в ресторане. Я на этом вечере не был. Но на следующий день заметил, что студенты МГУ выглядели немного разочарованными. Оказывается, наших ребят смущило поведение студента по имени Мицуси. Мне рассказали, что Мицуси опоздал на встречу. Вроде бы ничего особенного... Но ребята очень удивились, когда, прия в ресторан, парень не присоединился к общей компании и ничего не объяснил. Весь вечер он сидел в стороне. А потом ушел, не дождавшись окончания мероприятия и ни с кем не попрощавшись. Наши студенты восприняли ситуацию как обидное и нелепое игнорирование. Все были уверены, что такое поведение Мицуси не имеет никаких оснований. Мол, прекрасно общались несколько недель, сдружились. А накануне расставания – такой неприятный сюрприз! Мне эта ситуация тоже была непонятна, ведь я знал Мицуси как открытого и душевного парня, который очень интересовался русской культурой. Сначала подумал, что у него что-то случилось в этот день. Может быть, какое-то горе обрушилось... Решил поговорить с японскими студентами. И открылось совсем другое видение происходящего. Мне рассказали, что Мицуси действительно опоздал. А в японской традиции пунктуальности отводится важная роль. Опоздав на вечеринку, Мицуси, по мнению японских студентов, вел себя идеально. Основа японской культуры – вежливость и смиренение, в некоторых ситуациях доходящие до самоуничижения. Мицуси сам себя наказал, отстранившись от общей беседы. Мол, я опоздал и не могу ме-

шать другим общаться. Именно поэтому он весь вечер сидел в углу. Потом ему надо было раньше уйти – он не стал никого отвлекать и ушел не попрощавшись. Японские сокурсники оценили его благородство и безупречные манеры. А россияне восприняли такое поведение как неадекватное. Могу привести еще один пример, когда людям разных национальностей сложно понять друг друга. Как-то по дороге на работу в Университет Кобе я увидел двух преподавателей-японцев, которых лично знал. Они друг с другом беседовали. Мое приветствие они явно услышали, меня увидели... Но почему-то никто из них мне не ответил. Они продолжали общаться между собой, как будто меня не существовало. Эта ситуация показалась странной, никаких конфликтов или недоразумений между нами никогда не было. Только потом я узнал, что японские правила вежливости запрещают двум людям прерывать беседу без каких-либо чрезвычайных причин. Общение друг с другом – это святое! И его нельзя прервать, чтобы с кем-то поздороваться, коротко ответить на звонок и так далее.

– *Это те самые случаи, когда традиции разных стран и народов «сталкиваются» друг с другом.*
 – Таких примеров можно привести немало. Все они показывают, насколько важно познавать культуру другой страны, изучая иностранный язык. В 1989–1992 годах я преподавал в Шанхайском университете. Это дало возможность адаптировать российские методики преподавания в соответствии с китайскими традициями. Например,

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

Открытие
Русского центра
в этнопарке
«Усадьба Волга».
Харбин, Китай.
2019 год

в Китае гораздо меньше распространена культура дискуссий, диспутов. Китайские учащиеся и студенты могут дисциплинированно готовиться к занятиям, с удовольствием выполнять письменные задания. Но если им предложить спонтанно высказать личное мнение на какую-то тему, это может вызвать недоумение. Вопросы преподавателя могут посчитать неуместными, провокационными.

– Полезно ли для преподавателя РКИ владеть языком своих учеников?

– Важно проявлять интерес к языкам и культурам других народов. Это помогает нести в мир русскую культуру. Когда я работал в Китае – учил в свободное время китайский язык, в Японии – японский. Не могу сказать, что овладел ими в совершенстве, но студенты чувствовали, что я искренне интересуюсь их странами. Это способствовало взаимопониманию.

Если у преподавателя и студентов нет общего языка, то таким языком становится русский. Приведу такой пример. Один раз во время занятия у меня сложилось впечатление, что китайские студенты не понимают смысла выражения «громкий резкий звук». Они уяснили, что означает понятие «громкий звук». Но что значит «резкий»? Конечно, это прилагательное есть в китайско-русском словаре. Но в данном случае интуиция подсказывала, что перевод неточный. Китайского аналога

слова я не знал. И тогда я быстрым движением достал из кармана ключи и бросил их в стену. Для всех в аудитории это было полной неожиданностью. Но студентам стало понятно, что любой звук может быть не только громким или тихим, но и резким.

– Валерий Владимирович, вы – автор и соавтор целого ряда обучающих курсов РКИ. Какие из них вам наиболее дороги?

– Наверное, в первую очередь каждый преподаватель и ученый-исследователь думает о тех проектах, которые осуществляются в настоящий момент. Из работ прошлых лет хотелось бы особо отметить видеокурс «В Москву? В Москву!», который увидел свет в 1996 году. И мне очень приятно, что он продолжает оставаться актуальным. Коллеги используют его в процессе занятий. Курс состоит из шести учебных фильмов продолжительностью 10–11 минут. И одновременно это – короткометражное кино. Снимались известные артисты, к примеру Любовь Соколова, Нина Русланова. Каждый фильм имеет свой сюжет, в котором обыгрываются типичные разговорные ситуации при обучении иностранному языку: семья, работа, город, праздник, выходной день и так далее. Задача учащихся состоит не только в том, чтобы понять содержание фильма, нужно еще и обсудить его на русском языке, ответить на вопросы преподавателя.

На мой взгляд, интересен и мультимедийный курс русского языка «Наши московские соседи», соавтором которого я являюсь. Он был создан в 2020 году. Изначально курс предназначался для преподавания русского языка испаноязычным студентам. Думаю, этот учебный проект прекрасно показывает, как современные технологии влияют на процесс обучения.

Сейчас вместе с коллегами я работаю над онлайн-курсом «Вас зовет Россия». Это видеоэкскурсии по регионам нашей страны. Они представляют не только природные и архитектурные достопримечательности, но и нематериальное наследие народов России: песни, танцы, обряды, особенности быта.

– Валерий Владимирович, а что у вас в ближайших планах?

– Мой личный жизненный план простой: продолжать быть полезным и Институту русского языка и культуры, и Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова. МГУ – один из символов России, а его главное здание – одно из самых популярных мест в Москве и у жителей столицы, и у туристов.

В МГУ учились мои родители. После окончания МГУ я работаю в университете уже сорок лет. Моя супруга – тоже выпускница МГУ. Сын и дочь также успешно окончили наш университет. Быть частью университетской семьи – и радость, и ответственность.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАЛЕРИЕМ ЧАСТНЫХ

Запомнить
написание
собственной
фамилии
китайскими
иероглифами –
непростое дело!

АНДРЕЙ СЕМАШКО

МЕЖДУ КУТУЗОВЫМ И БАМОМ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

С РУБЕНОМ ДАРИО ФЛОРЕСОМ АРСИЛОЙ МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ НА ПРОШЛОГОДНЕЙ АССАМБЛЕЕ РУССКОГО МИРА В МОСКВЕ. ЗА БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КОЛУМБИЯ И В СВЯЗИ С 80-ЛЕТИЕМ ИНСТИТУТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО В БОГОТЕ ОН БЫЛ НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ И ДИПЛОМОМ ФОНДА «РУССКИЙ МИР». НА СЦЕНУ ТОГДА ПОДНЯЛСЯ ХУДОЩАВЫЙ КАРЕГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК С КОПНОЙ ЧУТЬ ПОДЕРНУТЫХ ПРОСЕДЬЮ ТЕМНЫХ ВОЛОС. ПРЕЗИДЕНТ ИНСТИТУТА ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО, АДЬЮНКТ-ПРОФЕССОР НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КОЛУМБИИ, ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК РУБЕН ДАРИО ФЛОРЕС АРСИЛА ПЕРЕВЕЛ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК РОМАН «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, А ТАКЖЕ ПОЗНАКОМИЛ ЧИТАТЕЛЕЙ КОЛУМБИИ, АРГЕНТИНЫ, МЕКСИКИ, ИСПАНИИ, ЧИЛИ СО СТИХАМИ АННЫ АХМАТОВОЙ, БОРИСА ПАСТЕРНАКА И АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО. ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЛИТЕРАТУРУ И КУЛЬТУРУ РОССИИ КОЛУМБИЙСКИЙ ПРОФЕССОР ОЖИДАЕМО ОКАЗАЛСЯ УВЛЕЧЕННЫМ И ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ.

— Г ОСПОДИН АРСИЛА, КАК И КОГДА состоялась ваша первая встреча с русской литературой?

— Мое знакомство с русской литературой началось с романа «Война и мир». У отца была довольно большая библиотека, и в один из вечеров я случайно наткнулся на томик в красном кожаном переплете. На обложке красовалась надпись золо-

том: «Полное собрание сочинений графа Льва Николаевича Толстого, перевод на испанский язык». Так произошло мое первое погружение в сложный и прекрасный мир русского классического романа. В «Войне и мире» меня сразу заинтересовала фигура Михаила Кутузова. Тогда я еще ничего не знал об этом выдающемся полководце, поэтому решил разыскать дополнительные сведения о нем. У нас дома

была прекрасная энциклопедия на испанском языке, изданная во Франции, очень подробная и обстоятельная. Кстати, она до сих пор весьма популярна в Колумбии. Каково же было мое удивление, когда я не нашел в ней ни единого упоминания о Михаиле Кутузове! Авторы многотомной энциклопедии просто проигнорировали его существование! Мне показалось это очень странным. В итоге моя первая встреча с русской литературой обернулась и первым столкновением со стереотипами о России, которые на протяжении веков создавали и продолжают создавать в Западной Европе. Тогда я еще ничего не знал о противостоянии между западными элитами и русским народом. Но у меня сразу возник вопрос: «Почему в словаре, где есть масса данных о великих деятелях Франции, Испании, Британии, Америки, нет никаких сведений о такой важной исторической персоне, как Кутузов?»

Что же до самого романа, то он буквально заворожил меня. Я будто сам стал частью мира, который создавал текст Толстого: наблюдал за ходом Бородинской битвы, слушал обсуждение предстоящего сражения на знаменитом военном совете в Филях, видел, как покидают Москву ее жители, как поджигают город... Не меньшим потрясением стали и характеры персонажей. Да, это были герои художественного романа, но для меня они превратились в реальных людей.

Я по-прежнему убежден, что в мировой литературе нет более талантливого рассказчика-реалиста, чем Лев Николаевич Толстой. Ни у одного другого писателя я до сих пор не нашел такой магии, такого высокого искусства передачи подлинности жизни. Понимаю, что подобный подход часто критикуется. Многие говорят, что литература – всего лишь игра словами, что это созданный, воображаемый мир, который не может подменить действительность. Между прочим, эту мысль рьяно отстаивал русский писатель Владимир Набоков. Он считал, что если читатель настолько погружается в повествование, что не отделяет себя от него, то это упрощает «проживание» художественного текста. Но я разделяю точку зрения древнегреческих философов, которые подчеркивали взаимосвязь личности и языка. Ведь язык с помощью образов, которые он создает в нашем воображении, влияет на человека, формирует его характер и убеждения, создает картину мира. Без языка нет личности – и наоборот. Лев Николаевич силой своего таланта смог продемонстрировать, что логос – по-гречески «слово» – тождествен жизни, тождествен человеку. Дар Толстого – способность описывать явление так, что ты воспринимаешь его как реальность, будь то битва или мирная жизнь. Впечатления от первого прочтения романа «Война и мир» остались у меня на всю жизнь.

– Почему в романе именно образ Кутузова привлек ваше внимание?

– Образ талантливого русского полководца выписан в романе одновременно и тонко, и реалистично. В трактовке Толстого он нисколько не по-

хож на романтического героя-воина, хотя этот генерал-фельдмаршал играет одну из главных ролей в крупнейшей европейской войне. Это удивительное совмещение в Кутузове личности исторического масштаба и обычного человека, которому чужд пустой пафос, произвело на меня большое впечатление.

Так, через «Войну и мир», я познакомился со вселенной русской культуры. Мне кажется, Толстой и сегодня по-прежнему очень актуален. Возьмите, например, размышления Наполеона, разглядывающего архитектурные памятники Москвы и мечтающего о том, как он заменит их более «цивилизованными» зданиями. Ведь это отражение общего отношения европейцев к культурам других народов, которое впоследствии назовут колониализмом. Подобный взгляд западноевропейских элит на Россию мы можем проследить на протяжении нескольких веков.

– Итак, вы читали роман Толстого в переводе на испанский язык. А какую книгу вы прочли первой на русском?

– Это был «Евгений Онегин».

– Нетривиальный выбор для иностранца, только что поступившего на подготовительный факультет Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы...

– Я поставил себе задачу прочитать «Евгения Онегина» на русском. Это был совет моих преподавателей по русскому языку, которые рекомендовали мне прочитать одну главу романа. Но я решил, что прочту все произведение. Вооружился словарями, включая словарь Ожегова, и каждый день читал по одной главе. Выписывал каждое незнакомое слово на отдельную карточку, туда же заносил его объяснение из словаря и перевод на испанский язык. Когда я закончил читать роман, у меня был собственный каталог всех незнакомых русских слов из романа с переводом на испанский и с определениями из словаря на русском. Потом я читал «Евгения Онегина», уже не прибегая к словарю, а заглядывая в свои карточки.

Многие филологи говорили о невозможности перевода этого произведения, о сложности понимания романа Пушкина, изданного на другом языке. Они считали, что «Евгений Онегин» – замкнутое явление русского языка. Мне это казалось странным, ведь сам Пушкин писал стихи и прозу на французском. Он пользовался литературными жанрами, зародившимися еще в Античности, продолжал и развивал традиции европейской литературы XVIII–XIX веков. Конечно, он виртуозно перерабатывал эти формы, укладывая их в свою особую строфу. Пушкинское чувство ритма, гармония и завершенность его произведений поразили меня. Я читал «Онегина» вслух, чтобы лучше понимать мелодику русского языка, и был ею очарован. Фонетические особенности русского языка помогали мне ощущать особую музыкальность пушкинского слога, а сопоставление в романе разных стилей речи порой просто поражало.

Кроме того, мне была интересна сама история, изложенная в романе. Наивная, чистая провинциальная девушка влюбляется в скучающего повесу из светских салонов Петербурга, она заворожена его пустой изящностью. И получает от Онегина горькую отповедь. А потом все меняется: сам Евгений теряет голову, встретив Татьяну в Петербурге. И она, уже замужняя дама, отказывает Онегину, хотя и не скрывает, что продолжает испытывать к нему самые глубокие чувства. Я полюбил эту историю. Мне было интересно наблюдать, как сюжет, ранее уже встречавшийся в европейской литературе, принимает оригинальные формы на русской почве.

— Вы взяли на себя риск переложить Пушкина на испанский язык. Но он не единственный русский поэт, которого вы переводили. Были еще Пастернак, Тарковский, Высоцкий, Ахматова... Почему выбор пал именно на них?

— Слишком обширный вопрос. Если позволите, я сфокусирую внимание на одном поэте — Арсении Тарковском. В его творчестве меня привлекло лирическое описание домашнего быта и простых предметов и явлений, сквозь привычную оболочку которых проглядывают глубокие смыслы. К примеру, у Тарковского есть стихотворение «Сколько листвы намело...» — это настоящая жемчужина. Листва для поэта — вполне привычные «легкие наших деревьев» и «кровли птичьих гнездовий», но в то же время она — «опора летнего неба», «охра и пурпур надежды на драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья». «Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни...» — просит Тарковский. Он приходит к пониманию необходимости единения с природой, наблюдая за, казалось бы, обычным явлением: как листья деревьев из зеленых становятся желтыми и в конце концов опадают.

Есть у Тарковского еще одно стихотворение — о старом доме, который покинули его обитатели. В этих строках чувствуется какая-то космическая боль от того, что людей, которые здесь жили, отмечали дни рождения, радовались и печалились, уже нет. Измерение времени, огромное значение домашнего очага и простых предметов домашней утвари, которые столько лет были с жильцами дома и в радости, и в горе... Красота быта со всеми его достоинствами и изъянами... Это очень тонко. Если русская литература XIX века часто показывала, как быт берет человека в плен, засасывает его, раскрывая губительную силу повседневности, то Тарковский замечает поэтику, скрытую в обыденной жизни. Этот реализм очеловеченных предметов мне также оказался близок. Подобным взглядом на мир Арсений Александрович продолжал традиции, например, писателя Михаила Осоргина, который в 1927 году написал рассказ «Вещи человека». Здесь также можно вспомнить и сборник рассказов «Чемодан» Сергея Довлатова, в котором предметы из старого чемодана сначала становятся

поводом вспомнить истории разных людей — женщин, детей, мужчин, старых и молодых, — а затем постепенно очеловечиваются сами.

— Вас не остановила даже женская поэтическая лирика, хотя в этом случае пришлось выступать в роли переводчика дважды: и между разными языками и культурами, и между женским и мужским миром.

— В русской литературе есть яркие женщины-поэты — Марина Цветаева, Белла Ахмадулина. Но мне особенно близка поэзия Анны Ахматовой. Как и Тарковский, она предельно простым словом могла передать сложно сконструированный мир своей лирической героини. Это умение показать сложное через простое занимает меня, поскольку я не только переводчик, но и писатель — в прошлом году был издан мой роман «Византийская монета». Я люблю наблюдать, как другие писатели выражают чувства своих героев, какими словами пользуются для передачи их взаимоотношений. Ахматова владеет искусством передавать в предельно простой форме сложную диалектику чувств — ревности, ностальгии, тоски, радости нежданной встречи.

— Что общего и чем, на ваш взгляд, различаются русская и латиноамериканская литература?

— Могу сказать, что меня привлекает в русской литературе. Она является общепризнанным образцом психологии, глубокого проникновения во внутренний конфликт человека, который находится в ситуации морального выбора. Человека, который, образно говоря, оказался на перекрестке, и его ответом на возникшую дилемму должен стать поступок. Русская литература, как и латиноамериканская, кажется мне глубоко поэтичной. Литература должна завораживать ясным словом, яркими персонажами. Например, такими, как герой в рассказах Борхеса или в «Докторе Живаго» Пастернака. Это обычные люди, оказавшиеся в неординарных обстоятельствах.

— О чем вы рассказываете своим студентам в институте? Что для них наиболее интересно в русской культуре?

— Столица Колумбии, где живет около 9 миллионов человек, — город с высокоразвитой культурой, его исторический центр составляют кварталы зданий и храмов в стиле барокко и неоклассицизма. Наш Институт русской культуры им. Льва Толстого находится в одном из таких кварталов, и многие слушатели из других стран Латинской Америки приезжают в Боготу, чтобы прикоснуться к культуре, в том числе и русской. Я рассказываю им о цивилизационном и культурном значении русского языка и русской литературы, которое растет по мере того, как мир становится многополярным. А историческое значение Западной Европы продолжает снижаться. Слушатели приходят на наши лекции по собственной воле, значит, им это близко. Но интерес колумбийцев к русской литературе доказывает и ряд других примеров. Так, мой перевод сборника даге-

Рубену Дарио
Флоресу Арсиле
вручают медаль
и диплом фонда
«Русский мир»
за большой
вклад
в продвижение
русского языка
в Республике
Колумбия
в рамках
XVI Ассамблеи
Русского мира.
Ноябрь 2024 года

Андрей Семашко

станского поэта Расула Гамзатова в прошлом году представили на книжной ярмарке в Боготе, а сборник современной русской поэзии, также переведенный мною, появился на крупнейшем фестивале литературы и поэзии в Медельине.

— Первый раз вы приехали в Россию почти тридцать лет назад. Затем бывали здесь неоднократно. То есть вы видели нашу страну на разных исторических этапах. Каковы ваши впечатления?

— В конце 1980-х годов, когда я учился в Университете дружбы народов в Москве, в составе студенческого стройотряда УДН участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Мы выехали из Москвы, поезд шел день, другой, третий, это была длинная, весьма длинная поездка в поселок Усть-Кут — очень далекое место. Зато я имел возможность увидеть удивительную красоту Сибири, и эти бесконечные русские ландшафты произвели на меня незабываемое впечатление. Так трудовые поездки, опыт работы с другими студентами помогли лучше узнать вашу страну.

Мне кажется, стройотряды не потеряли своего значения и теперь, потому что молодому человеку важно чувствовать себя не только отдельной личностью, но и частью большого общественного проекта. Это важно для формирования характера, для понимания, что вкладываяешь крупицу своего труда в общее дело. Особенно остро это чувствуется при сравнении с современной Латинской Америкой, где люди, увы, разобщены. И, возвращаясь к началу нашего разговора, хочу заметить: то, как русский язык описывает русские ландшафты, какие выразительные средства он при этом предлагает, формирует теплое, сердечное отношение к этой земле.

Вновь я оказался в Москве в 1996 году. Это было время слома и хаоса, СССР больше не существовал. Мы в Боготе также тяжело переживали распад Советского Союза. Было непонятно, что будет дальше, сохранился ли в столице Колумбии Институт русской культуры, который традиционно поддерживало советское правительство. В конце 1980-х я как раз вернулся из вашей страны, стал преподавателем русского языка в Институте дружбы с Советским Союзом, и вот три года спустя СССР распался. Это был большой удар по нашим убеждениям. Я лично очень болезненно воспринял происшедшие в вашей стране перемены. Было чувство растерянности, разочарования, безысходности — как дальше жить? В нашем институте прошло экстренное собрание, на котором обсуждался только один вопрос: закроют ли его или Бог и литература нам помогут?

Знаете, в некотором роде князь Мышкин и Дон Кихот Ламанчский близки по духу. Россия является литературной родиной «Идиота» — гениального произведения Федора Достоевского. А испаноязычные читатели и писатели все вышли из «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса. Так что мы тоже в определенном смысле идеалисты. Поэтому на том собрании мы решили, что ни за что не закроем институт — русская литература нас спасет. И действительно, Институт русской культуры им. Л.Н. Толстого работает до сих пор. Так что не только с практической, но и с метафизической точки зрения мы оказались правы.

Первые годы XXI века были для нас сложными, ведь новые рыночные отношения в вашей стране затронули и сферу культуры. В советские времена у института была поддержка со стороны СССР, например в подготовке преподавателей. И в Боготе было очень позитивное отношение к студентам нашего института, потому что Советский Союз выделял им десять бюджетных мест в своих вузах. С точки зрения культурной политики это было хорошей рекламой преподавания русского языка. Но после распада СССР мы потеряли эту привилегию, и без государственной поддержки России нашему институту было трудно выживать. Институт русской культуры им. Л.Н. Толстого известен в Боготе, все считают, что мы являемся Домом русской культуры. Он был основан в 1944 году усилиями колумбийцев, которые так выразили свое восхищение, уважение и любовь к стране, разгромившей фашизм. И, несмотря на все трудности смены эпох, мы продолжаем работать и сегодня.

Что касается второй части вашего вопроса, могу сказать очевидное: в нынешнем веке Россия вернула себе свойственную ей важную роль в мире. Я не политолог и не историк, но мне кажется, что пришло время вспомнить ту огромную историческую роль, которую Россия играла в XIX и XX веках. Ваша страна, безусловно, признанный авторитет в области культуры. При этом на глазах у всего мира происходит упадок западной цивилизации. Поэтому, мне кажется, XXI век станет веком России в новом, многополярном мире.

«НЕ ИМЕЮ ПРАВА РУКИ ОПУСКАТЬ...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ДОЧЬ ФИЛОЛОГА И БОЕВОГО ГЕНЕРАЛА, ОПЕРНАЯ ДИВА С МИРОВЫМ ИМЕНИЕМ И ВЫДАЮЩИМИСЯ ЗАСЛУГАМИ, ЧУТКИЙ И ЩЕДРЫЙ ПЕДАГОГ ЛЮБОВЬ КАЗАРНОВСКАЯ В СВОЕМ ПЛОТНОМ ГРАФИКЕ НАШЛА ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ О ВЕЛИКОЙ МУЗЫКЕ, САКРАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА, НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДОЛГЕ И ПРОБЛЕМАХ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ.

— **Л**ЮБОВЬ ЮРЬЕВНА, В МАЕ НЫНЕШНЕГО года исполнилось 185 лет Петру Ильичу Чайковскому. Тогда же на Московском международном кинофестивале состоялась премьера художественного фильма с вашим участием — «Отель «Онегин» Ирины Евтеевой. Поздравляю вас с неожиданным воплощением!

— Спасибо! Фильм делался три года, и была опасность превратить его в лекцию, пробег по произведениям Пушкина и Чайковского. Но получился фильм-готеск, комедия дель арте, выдержанная в законах анимации, с просветительской нотой. Сценарист и продюсер Ирина Марголина понимала, насколько близка мне эта тема — в характере героини Любы очень много от меня. А талант режиссера Ирины Евтеевой позволяет ей тонко чувствовать музыкальную и словесную палитру — она правильно выбрала тональность, насытила ее яркими красками, добавила в анимацию столько смыслов! Знаете, фактически с 18 лет я погружена в этот мир: мой великий педагог Надежда Матвеевна Малышева-Виноградова аккомпанировала Шаляпину, была педагогом-концертмейстером Оперной студии Станиславского. И первый спектакль, который она там готовила, — «Евгений Онегин». Я занималась по клавишу, где рукой Станиславского расписаны замечания всем исполнителям. Ее муж — академик Виктор Владимирович Виноградов, основоположник научной школы в языкоznании, — писал книги о Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Ахматовой, о языке Пушкина. Его именем назван Институт русского языка. Эта семья посвятила всю свою жизнь Пушкину и музыке. Вот мой мир.

— В книге «Любовь меняет всё» вы пишете: «Пушкин — это код русской души, а Чайковский — его музыкальный переводчик. Когда я пою Татьяну, я чувствую, как их гении сливаются в единый голос». Что такое «код русской души»?

— Код высочайшей русской культуры — Пушкин, Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков, Тургенев, Достоевский, Толстой... Это навигаторы по нашей исторической, культурной и генетической памяти. Вспомним слова Блока: «Нам внятно все — и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений». Раскинувшись на огромном Евразийском континенте, Россия впитала в себя смыслы и Востока, и Запада. И в ответ изначальность нашей духовной силы распространилась на очень многие земли. Космизм русской души, мудрость, знание законов природы, большая внутренняя сила, сила воинов духа, которым приходилось отстаивать свою землю в жестоких условиях, войнах, набегах — непокоренность духа русского и сейчас ощущается. Осмысление и принятие разных культур, которые втягивались в наше духовное поле и перерабатывались: Пушкина можно сопоставить с Гёте, Шиллером, философа Флоренского — с Иммануилом Кантом, французскими просветителями, с мудростью Омара Хайяма, с теми, кто писал «Махабхарату», «Рамаяну»... В индийском эпосе очень многое созвучно духу русичей, как ни странно! Что общего между такими языками, как русский и санскрит? Самые близкие языковые корни, мудрость Индии и сакральность русского языка. Осмысливая это, понимаешь колоссальный выплеск, когда в XIX веке Россия фактически «кормила» весь мир, особенно просвещенную Европу, талантами, которым все старались подра-

жать. Мериме признавался в том, что Пушкин инспирировал его на многие стюеты и, например, «Цыганы» дали импульс к созданию образа Кармен. Пушкин – концентрация всего лучшего, что было создано в мире, причем абсолютно без великоледаревного шовинизма, не умаляя достоинства других культур. Это высота духа!

– Вы – единственная исполнительница, кто не только поет, но и записал в пяти томах все 103 романса Чайковского!

– И плюс еще четыре эскиза к трагедии «Гамлет» в реставрации Бориса Асафьева. Это колоссальная, невероятно кропотливая, сложная, но интересная работа. Я узнала Петра Ильича в его неожиданных проявлениях: ему действительно внятно было всё. И трагедии, и радости женской души, и общечеловеческие вопросы. Надо много слушать его концертные увертюры и симфоническую музыку, и тогда камерный Чайковский предстанет в золотом шитье! Он обожал романсовый фонд, который был до него, – это фундамент русской романской лирики: Булахов, Алябьев, Верстовский, Титов, Варламов... И Чайковский, и Глинка выросли из этого. Но Чайковский очень неплакативен. Пер-

вый концерт для фортепиано – ярко плакативен, что у него бывает очень редко. И в опере, и в романсах это пастель мягких зарисовок, за которые его несправедливо журил Стасов: «Петр Ильич, с вашим талантом не нужно эти салонные штучки рисовать!» Художник высказываетя так, как чувствует его сердце. Порой у Петра Ильича текст превалирует над музыкой, а иногда музыка – над текстом. И умение читать, совместить то и другое дает исполнителю богатые возможности. В интимной манере Петр Ильич настолько изящен, искренен, что, когда поешь такие романсы, как «Я ли в поле да не травушка была» или «Кабы знала я, кабы ведала», слезы наворачиваются на глаза... Или романс «Примирение» – просто похоронный марш, герои хоронят свое сердце: «О, засни, мое сердце, глубоко!» И нахождение исполнителем нужного эмоционального тона в многослойности высказываний Чайковского – редчайший случай. Мало осталось людей, кто понимает, что такое «исполнительский стиль» во всех его проявлениях. Очень большое расточительство со стороны консерваторий, институтов, не приглашающих на мастер-классы тех, кто может очень много дать молодым вокалистам в сложной природе романса.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

— По произведениям Пушкина Петр Ильич написал всего два романса и три оперы. Почему не больше?

— Очень скромный Чайковский говорил, что Пушкин — сама музыка, главное — не нарушать целостность и гармонию пушкинского слова, сублисти его канон. Это отношение к слову-звуку — к логосу и его космическому проявлению, положенному на музыку. Романсы — особая территория чувства, которое, по мнению композитора, выражено у Пушкина настолько полно и сильно, что он сам может сделать лишь какие-то зарисовки.

А в оперном искусстве графичность пушкинского текста не работает. Композитор считал, что в «Евгении Онегине» не сможет воплотить пушкинское слово. Да и опера «Пиковая дама» мало имеет отношения к Пушкину, в ней создана любовная драма, роман Лизы с Германном, что в поэме Александра Сергеевича по касательной написано. Оперу «Мазепа» Петр Ильич не считал удачной. Могу с ним согласиться: там есть потрясающие места, а есть провисания. Эта музыка насыщена сильными драматургическими вкраплениями — крупными мазками дан портрет людей на фоне эпохи и зверской измены, которая очернила на века совершивших ее. Актуальность «Мазепы» сегодня очевидна: сколько мы пребываем в иллюзиях относительно дружбы, а сейчас вскрывается так много предательства...

— На западных сценах вам нередко приходилось отстаивать право русской культуры на уважение со стороны постановщиков, интерпретирующих на свой лад великие оперы Чайковского...

— Я отстаивала свои позиции, когда говорила режиссерам: а почему это так, объясните мне, в чем моя мотивация? Они отвечали: мы так видим. Мне было очень сложно с этим примириться, и я уезжала. Это боль не только нашей классики. У моей мамы был шок, когда она приехала в Амстердам на один из моих первых антажементов на Западе — очень современное прочтение партитуры «Маскарад» Верди: «Какая музыка, и — дурацкая суета ни о чем. Не понимаешь даже, какой век!» Но мне встречались феноменальные режиссеры — Атом Эгоян, Джуди Теймур. С каким пиететом они относились к партитурам и как хорошо знали музыку, начиная работать над постановкой! Они беседовали с артистами, советовались: что может значить такой аккорд? Странная интонационная мелодия — как проинтонировать это слово? А как здесь пластику тела соединить с экспрессией? Такая работа — чудо!

— Противоестественное и провокативное столкновение классики с современностью — современный тренд, безобидная «мода», а по сути — коверканье, искажение авторского замысла и зачастую подмена понятий...

— Я категорически против всяких издевательств над классикой. Если речь о театре эксперимента,

Кадр из фильма
«Отель
«Онегин».
Любовь
Казарновская
и Артур Ваха

то публика знает, куда идет, артисты понимают, на что подписываются. В «Травиате» будут, извините, голые зады и секс-клуб, в «Аиде» – афганская война, в «Евгении Онегине» – сумасшедший дом... В Перми богомоловская Кармен бросает в Хозе тампон, ее режут бензопилой. Это чесание правой ногой левого уха ради скандала.

Серьезный театр может использовать и современный язык выражения, и технологии, и смелые костюмы, но сохраняя уважение к первоисточнику. Обычно в пьесах и либретто есть конкретика: какой это период истории. Отказ от авторской заданности приводит умного зрителя к возмущению Станиславского: «Не верю! Мы наблюдаем огромный кризис оперного театра. Зритель по телевизору видит скандальные новости, бездарные концерты, слышит агрессивную риторику в ток-шоу. Зачем ему идти в театр и слушать музыку Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова, Пуччини, Верди в таком виде? Не хочется смотреть на сцену! Происходит ужасная деградация вкуса.

– А исполнители несут за это моральную ответственность?

– Многие солисты говорят: не хочется в этом участвовать, на нас тряпки грязные, какая-то коробка на сцене, не за что зацепиться актерскому начальству. Для актера должны быть «дорожные разметки», возможность оттолкнуться от настоящей драматургии и выстроить образ. Если этого нет, из чего рождать роль? Кто-то скажет: надо изнутри. Да, это правда. Но театр – искусство и переживания, и представления. Не может что-то быть в ущерб.

– Ситуация с русской классикой усугубилась. Какие-то люди решили ее отменить, вычеркнуть. Может, лучше пусть так, чем вульгарно ее извергать?

– Я убеждена, отменять классику нельзя ни при каких обстоятельствах. Запрет на исполнение русской классики после начала СВО в 2022 году говорит об уровне культуры и скучном духе. Это момент расчеловечивания – что и хотели с нами сговориться. Совершенно понятно, это не дурь, а целенаправленные действия, желание растоптать, уничтожить, унизить достоинство, лишить человека радости от таких вещей, как поход на концерт, в кино, в театр. Не вышло: без русской классики представить концертный зал или оперный театр в любой стране просто невозможно! Россия дала феноменальный выплеск красоты и невероятного духовного звучания на Земле! Отказ от этого обесточит всю культурную жизнь. Никому не позволено вытираять ноги о классику! Это всегда заканчивается плохо. Наоборот, надо усилить звучание классики! Но в честном, творческом виде.

– Культура – духовный щит нашей страны, как ни пафосно это звучит. Но практика показывает, что и сам щит нуждается в защите. Любовь Юрьевна, трудно сражаться за культуру?

– Вы спрашиваете, опускаются ли у меня руки? Нет, не опускаются! Потому что я очень хорошо знаю, что делаю... Да, трудно, я порой не могу прорваться сквозь завесу абсолютного непонимания того, что действительно нужно сейчас, как нужно работать с молодежью, что им нужно объяснить. Каким образом они будут ощущать себя частью этой громадной культуры? Не пускают, не дают моим ученикам участвовать в конкурсах – они выгодно отличаются. И договоренность между профессурой «ты мне, я тебе» очень сильно работает везде. Но я все равно делаю свое дело, потому что делаю не для себя, а для молодых ребят, которые в меня верят. Это продолжение традиции, которую я получила от своих великих педагогов – они мне заповедали передавать эти знания дальше. Я должна и буду это делать! Очень сильно чувствую, что я дочь боевого генерала. И муж мне иногда говорит: «Ты включила уже маршала, а не генерала!» Но когда смотришь на мясорубку, которая грубо рубит все на своем пути, становится отвратительно на душе. Стараюсь поскорее от такого настроения избавиться, не сидеть сложа руки. Я обязана передавать знания. В этом смысле я просто счастливый человек, очень повезло с семьей и со встречами с людьми, которые мне дали ориентиры по жизни. Не надо бояться называть вещи своими именами! Да, возможно, будут мстить и гадить, а что – Пушкину не мстили, Чайковскому не мстили?.. Когда есть такие примеры, я не имею права носить вешать и руки опускать.

– Вы неоднократно называли Пушкина и Чайковского «главными спутниками» вашей карьеры. Как они реагировали бы сегодня на свои юбилеи и признание?

– Совершенно спокойно, судя по письмам и Пушкина, и Чайковского. Как интеллигентные люди, осознающие свой особый дар. Конечно, любому художнику это приятно, но не более того. Даже если преклонения нет, важнее – постижение своей причастности к космическим энергиям, границам которым нет. Конечно, у них было это, может быть, у Александра Сергеевича даже в большей степени, хотя он и посмеивался над собой. У обоих было потрясающее чувство юмора и то ощущение своего дара, которое всегда предполагает огромный труд.

– А их реакцию на вызовы современности можно предположить?

– Они были бы в шоке от того, что происходит колоссальная ломка сознания, передел мира, ужасающие примеры идиотизма. И на вызовы времени они бы откликались своими произведениями. Как Пушкин откликался словом на все, что происходило тогда вокруг него, как болел душой за единомышленников и друзей – понятно, что он и сейчас не остался бы в стороне. Были бы его сатиры, острый гротеск, очень большая душевная боль. Поэтому что сейчас идет разложение нравственных основ человека и человеческого статуса. Может быть,

кто-то возразит: Пушкин сам был не ангел. И Чайковский был не ангел, и Достоевский, и Толстой... Но они мерили человеческий статус совершенно другими критериями. В их творчестве содержится высокая нравственность – вот что является мерилом! Это слышно в каждой ноте у Чайковского, это слышно в поэзии Пушкина: «Творец // Тебя мне ниспоспал, тебя, моя Мадонна, // Чистейшей прелести чистейший образец». Кто может так написать? «Я помню чудное мгновенье: // Передо мной явилась ты, // Как мимолетное виденье, // Как гений чистой красоты». Насколько человек должен глубоко чувствовать этот высокий нравственный ценз духа и души, насколько он должен быть возведен над мирским... И всякие замечания о том, что Петр Ильич был такой или сякой, а Пушкин – бунтарь, гуляка и прочее... Не нам их судить.

– *Мы не найдем в их творчестве пошлости, того, что Набоков считал проявлением явной бездарности, всего поддельного и враждебного искусству, что требует нравственного суда. А подлинно прекрасное не может быть пошлым...*

– Сегодня мы видим, как стопроцентная пошлость и в творчестве, и в самих современных авторах проела их насовсем! Ни человечность, ни моральные устои такого глубинного плана, как у русских гениев XIX века, сегодняшним попсовым «героям» вообще несвойственны. Петр Ильич мог проехаться по каким-то человеческим качествам, может быть, в чем-то свойственным и ему, но потом он высмеивал и себя. И создавал возвышенное музыкальное парение... Вообще, я считаю, что ангелом на земле быть невозможно. Но гении намного выше – в других измерениях. Здесь, в мире, проходишь очень серьезные уроки. Делаешь выбор, ошибки, какие-то шаги, которые тебе потом, может быть, не очень приятно вспоминать. Но это все – уроки. А что остается нам всем от гениев – от абсолютных эманаций Творца? Таких Эверестов достичь мало кому удается – это серьезно. И в горах бывают снежные бури, заносы, лавины, но это не делает горы ниже и меньше...

– *Происходит еще более чудовищный набег варваров – на нашу святую память: отменяют, замалчивают, воруют Победу нашей страны во Второй мировой войне. Для вас 80-летие Победы связано с памятью об отце. Поистине впечатляет биография генерал-майора, соратника Жукова и Малиновского, военного дипломата, автора книг по военной истории, преподавателя Академии Генерального штаба Юрия Игнатьевича Казарновского, участвовавшего в битвах за Сталинград, на Курской дуге, за Сахалин и Курилы... Как он оценивал послевоенное устройство мира, который сейчас продолжают перекраивать?*

– Мой отец, как военный и очень серьезный историк-аналитик, всегда был взвешен в оценках. На войну он ушел со школьной скамьи – сначала

С отцом, Юрием
Игнатьевичем
Казарновским.
2010 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

в Рязанское артиллерийское училище, потом на «катюшу»... На мои вопросы о перестройке он отвечал: «Я видел очень много и понимаю, что война не закончилась в 1945 году. Нас будут дальше давить, потому что мы показали слишком большую мощь русского духа. Никому это не надо. Противостояние будет...» Его послевоенная служба – в системе Варшавского договора: мы были очень долго в Германии, были в командировках в Словакии, Венгрии, Польше... Он говорил: «Я же чувствую настроение, притом что это страны социалистического лагеря и у нас должны быть одни интересы. Но нам не простят нашу Победу». И действительно – не простили. После развала Советского Союза у папы было очень нехорошее предчувствие: «Да, это была империя, во многом с ошибками, но наша мощнейшая держава могла противостоять коллективному Западу, который свою пасть разинул на весь славянский мир, на мощь русского человека, который знает, что такое Родина. Невероятные ценности нас держат и не дают нам упасть. Это великий наш русский язык, наша культура, наши устои, наши традиции...» Он прекрасно видел не только недостатки железного занавеса, но и его плюсы. Мы сумели сохранить в себе человечность, душу...

– *То есть 1990-е он воспринимал как поворот не в ту сторону?*

– Происходящее вызывало у людей его поколения очень большие опасения. Мы стали ориентироваться на Запад и во многом потеряли свою идентичность. Западные шоу прививали вкус нашей молодежи к безнравственному и бездушному, к отвратительным экспериментам на театральной сцене, в кино, в концертных залах... Папа все время говорил: «Это же только начало. Куда нас это заведет?» И сейчас мы видим, куда нас завело желание подражать всему чуждому. Нельзя огульно ругать все, и на Западе были настоящие и неве-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Любовь
Казарновская
в фильме
«Отель
«Онегин».
2025 год

роятно красивые взлеты культуры. Но для массового зрителя готовилось некое варево, под словом «авангард» пряталось совсем другое – бездарное и хамское отношение к истинным ценностям. Все превращено в бизнес: на многих площадках идет по несколько выступлений в день, чтобы как можно больше заработать денег, *there is no other way*, надо захватить все пространство. А если подобное становится идеологией – это просто страшно. Кроме слова «халтура», здесь больше ничего не рождается. Сколько калифов на час мы видели! Для них важны мишура, коленопреклоненные особы, поющие комплименты – их провозглашают звездами, вручая награды... И даже те, кто долго владел умами людей, как вдруг отвратительно они раскрываются. Алчность, абсолютное чувство все-дозволенности, презрение ко всем, кто говорит о творческих процессах, о проблемах, болевых точках в культуре! У них есть одна идеология – деньги и успешность. Но это самые страшные слова для творческого человека!

– Однажды вы сказали: «Песни военных лет – это молитвы, написанные кровью». Это ведь тоже классика, но – трудный жанр...

– У меня был проект, которым я очень горжусь, – «Полководцы и Музы». Я его сделала с фондом «Полководцы Победы» и Натальей Ивановной Коневой, дочерью маршала Ивана Степановича Конева. По письмам из домашних архивов детей и внуков мы восстановили привязанности наших

великих полководцев. Они все, за некоторым исключением, обожали классику – Чайковского, Россини, Бизе...

Наши военные песни написаны сердцем и кровью. Насколько исполнитель это слышит, уже другой вопрос. Но надо по-настоящему прожить эти песни сердцем. Можно поимпровизировать, но стоит ли за этим душевная боль или невероятная радость и торжество Победы – зритель и слушатель считывают тут же! Заметно, когда человек через сердце пропустил песню, когда у него самого все дрожит внутри, когда в нем звучит эта память поколений... И для нас это знаковые мелодии. Пробивает слеза, потому что за этим стоят жизни наших отцов, дедов, прадедов, матерей, бабушек, прабабушек. Они в тебе живут и откликаются...

Вы знаете, во время блокады Ленинграда, во время самых страшных и кровавых наших сражений действовал приказ высшего командования исполнять и транслировать по радио классические произведения. И из репродукторов звучала классическая музыка – и русская, и зарубежная, включая Верди, Бизе, Легара, Штрауса... У Юрия Нагибина есть рассказ: в самый жуткий период блокады, зимой 1942/43-го, в Александрийке играли «Сильву» Кальмана. И обессиленные люди шли в театр, не зная, вернутся они домой или нет. Музыка всегда спасала! Это народная дипломатия. Вот это хотели сейчас убрать, понимаете? Связи человеческие! А ведь то, что стало классикой, запечатлено на небесах. И отменить это нельзя!

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 1037-Й

Из «Повести временных лет»:
«В лето 1037. Заложил Ярослав город великий, у того же града Златые врата; заложил же и церковь Святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах Святой Богородицы Благовещения, затем Святого Георгия монастырь и Святой Ирины. И при нем начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы начали множиться, и монастыри начинали быть...»

Ничего подобного «великому граду» – новой киевской крепости Ярослава – Древняя Русь еще не знала. Не случайно немецкий хронист Адам Бременский в 70-е годы XI века назовет Киев «достойным соперником Константинопольской державы», а саму Русь – «орошенным садом», изобилующим «всякими благами». Помимо прочего киевскому собору Святой Софии предстояло стать вместилищем книжной мудрости; именно здесь была устроена княжеская библиотека. Слова летописца звучат настоящим гимном книгам и книжному знанию, столь любимым князем Ярославом:

«...И любил Ярослав церковные уставы, и священников любил весьма, особенно же черноризцев, и к книгам прилежал и читал их часто ночью и днем. И собрал писцов многих, и переложили те от грек на славянское письмо и списали книги многие, ими же поучаются верные люди, наслаждаясь учением божественным... Это ведь – реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими ведь в печали утешаемся; они – узда воздержанию. Мудрость бо велика есть... Ярослав же сей... любил книги и, много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам... И иные церкви ставил по городам, и по местам, поставляя священни-

ков и давая им от имущества своего урок, веля им учить людей, потому что поручено им то от Бога...»

Историки оценивают эпоху Ярослава Мудрого как исключительную в развитии русской книжной культуры. Говоря современным языком, в эти годы Русь пережила настоящий информационный взрыв, подобный тому, который переживаем мы сегодня, когда нам стали доступны ранее неизвестные источники информации. В XI веке такими новыми источниками информации являлись книги.

Книжники Ярославовой поры совершили настоящий прорыв в деле христианского просвещения своего народа. В этой связи летописец приводит знаменитое сравнение князя Ярослава с сестрой, плодами трудов которой питаются следующие поколения:

«...Как если некто землю разорит (вспашет. – Прим. авт.), другой же засеет, иные же пожинают и едят пищу неоскучевающую: так и сей. Ибо отец его Владимир землю вспахал и умягчил, то есть крещением просветив; сей же насеял книжными словесами сердца верных людей, а мы пожинаем, приемля учение книжное».

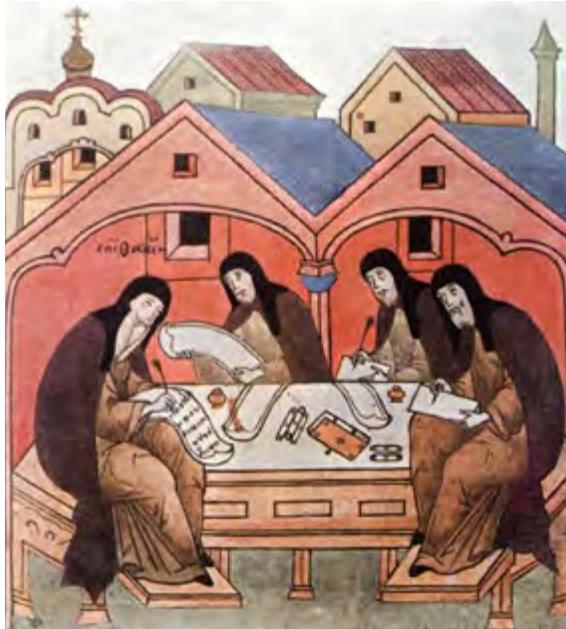
ГОД 1039-Й

Из «Саксонского аниалиста»: «В лето Господне 1039-е... В это время Казимир, сын Мешка, польского князя, вернувшийся на родину, охотно принял поляками, и взял в жены дочь короля Руси...»

(Перевод А.В. Назаренко)

Из «Повести временных лет»: «В те же времена отдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир за вено (выкуп за невесту. – Прим. авт.) людей 8 сот., которых полонил Болеслав, победив Ярослава».

Этому браку предшествовали новые драматичные события в истории Польши.

К 1037 году страна окончательно погрузилась в пучину полнейшей анархии. Предполагаемый преемник и старший сын Мешка II, князь Болеслав, вошедший в польскую историю под именем Болеслава Забытого, так и не сумел удержать доставшуюся ему власть. В 1038 году в Польшу вторглись войска чешского князя Бржетислава. Силезия с городом Вроцлавом была присоединена к Чехии; северные районы страны захвачены поморянами; Мазовия, то есть северо-восточная, лежащая за Вислой часть Польши, в наименшей степени затронутая мятежом и войнами, отпала от власти Пястов. Лишь в 1039 году младший сын Мешка, Казимир (по матери внука племянник императора Оттона III), при поддержке немцев сумел объединить под своей властью большую часть Великой,

Книгописцы.
Миниатюра из
лицевого Жития
преподобного
Сергия
Радонежского.
XVI век

а также Малую (с центром в Кракове) Польшу. Само собой разумеется, что Казимир предварительно признал себя вассалом германского императора.

Союз с киевским князем, скрепленный династическим браком, был, по-видимому, очень важен для нового правителя Польши: ведь только с помощью русских Казимир смог вернуть Мазовию. К тому же помимо военной помощи сестра Ярослава принесла своему супругу приданое, причем столь богатое, что, по словам польских хронистов, можно было говорить о настоящем обогащении страны. В известном смысле эти богатства можно рассматривать и как финансовую помощь, предоставленную Ярославом своему зятю. В ответ Казимир не только признал восточную границу Польши (то есть переход Червенских градов под власть Киева), но и освободил пленников, которые провели в Польше почти двадцать лет.

ГОД 1042-Й

Из «Повести временных лет»: «Пошел Владимир, сын Ярослава, на ямь, и победил их. И пали кони у воинов Владимира, так что с еще дышащих коней сдирали кожу – таков был мор в конях».

Новгородскому князю Владимиру ко времени похода исполнилось 22 года. Ярослав видел его своим преемником на киевском престоле и поручал важные внешнеполитические акции. Однако первый же самостоятельный поход князя оказался не слишком удачным. Воины вернулись в Новгород с победой – но при этом не столько с трофеями, сколько с потерями.

Конец года был ознаменован еще одним событием, отмеченным исключительно в немецких хрониках.

Из «Анналов» Ламперта Херсфельдского: «Король (Генрих III. – Прим. авт.) отпраздновал Воплощение Господне (Рождество 1042 года. –

Казимир I,
князь Польский.
Портрет работы
Я.-Б. Якоби.
1828 год

Прим. авт.) в Госларе... Среди послов многих народов оттуда отправились на родину опечаленные послы Руси, так как несли твердый отказ относительно дочери своего короля, которую надеялись просватать за короля Генриха».
(Перевод А.В. Назаренко)

Ярослав попытался скрепить наметившийся союз с новым правителем Германии (император Конрад II скончался 14 июня 1039 года) еще одним династическим браком. Дело в том, что после смерти в 1038 году Кунигильды, дочери датского и английского короля Кнута Великого, Генрих III оставался вдовцом, и это обстоятельство, казалось, благоприятствовало планам русского князя. К этому времени у Ярослава подрастало несколько дочерей – весьма ценный «товар» для осуществления династических комбинаций. В дальнейшем Ярослав сумеет показать себя блестящим мастером в этой сфере, однако его первая попытка устроить брак дочери с правящим европейским монархом закончилась неудачей.

Как оказалось, германский король и будущий император Священной Римской империи (им Генрих III станет в 1046 году) не жаждал породниться с киевским князем. К тому времени уже был решен вопрос о его браке с Агнессой де Пуатье, дочерью герцога Аквитанского (брак состоится в 1043 году). Вероятно, ситуация на западе волновала германского короля больше, чем на востоке.

Несостоявшейся русской невестой Генриха III, судя по всему, должна была стать Елизавета – старшая дочь киевского князя. Как явствует из скандинавских источников, в начале 40-х годов XI века Ярослав Владимирович отказался выдать ее замуж за конунга Харальда, будущего норвежского короля. Однако в конце 1043 года свадьба все же состоялась. Можно думать, что на решение киевского князя повлияла неудача переговоров в Госларе.

Поход
Владимира
Ярославича
на ямь;
мор коней
в его войсках.
Миниатюра из
Радзивиллов-
ской летописи.
XV век

ГОД 1043-Й

Год последнего похода русских на Царьград.

Из Софийской Первой летописи старшего извода:

«...На весну послал великий князь Ярослав сына своего Владимира на греков. И дал ему воинов многих: варягов, русь, а воеводство поручил Вышате, отцу Яневу¹. И пошел Владимир на Царьград в ладьях, и прошел

Император
Священной
Римской
империи
Генрих III.
Миниатюра.
Около 1040 года

пороги, и пришел к Дунаю. И сказала русь Владимиру: «Станем здесь на поле», а варяги сказали: «Пойдем под город (то есть к Царьграду. – Прим. авт.)». И послушал Владимир варягов, и от Дуная пошел к Царьграду с воинами по морю...»

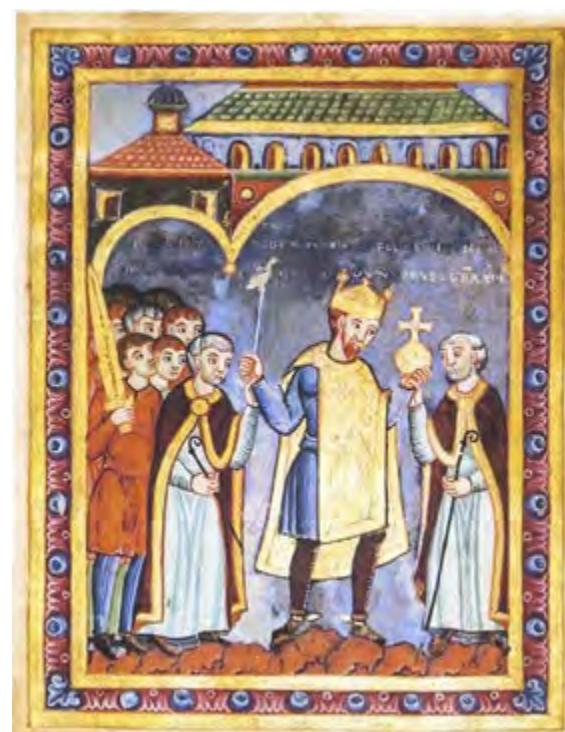
Зачем Ярослав послал своего сына в поход и каковы были причины войны – эти вопросы до сих пор вызывают споры среди историков.

Кажется, недоумевали по этому поводу и в самом Константинополе. Во всяком случае знаменитый византийский ученый и государственный деятель Михаил Пселл, один из самых образованных и сведущих людей своего времени, человек, близкий к новому императору Константину IX Мономаху (1042–1055), писал в своей «Хронографии» о «беспринчинной причине» похода росов:

«Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами».

(Перевод Я.Н. Любарского)

А затем Пселл дал некий экскурс в историю русско-византийских отношений первой половины XI века, из которого следовало,

¹ Сын Вышаты Янь, «муж смысленный» (то есть разумный), неоднократно упоминается в летописи. Вероятно, с его слов летописец и внес многие подробности в свой рассказ об этой войне.

что в течение по меньшей мере двадцати лет русы занимались исключительно тем, что готовились к предстоящей войне. Конечно же, это явное преувеличение, ибо отношения между двумя странами более чем за полвека, предшествовавшие войне, оставались – по крайней мере, внешне – вполне мирными. Хотя Ярослава не могла не тревожить крайняя нестабильность политической ситуации в империи.

Известно, что межгосударственные договоры того времени носили во многом личный характер и требовали обязательного подтверждения в случае смерти одного из правителей. Но за неполные четырнадцать лет после смерти Константина VIII (1028), последнего представителя мужской линии Македонской династии, в империи сменились четыре императора, и ни одного из них нельзя было назвать полностью легитимным. Между тем Ярослав никогда не забывал о своем родстве с Македонской династией. Императрица Зоя, дочь Константина VIII, приходилась родной племянницей его мачехе, царице Анне, а ведь все императоры, правившие после Константина VIII, получали права на престол лишь постольку, поскольку вступали в связь со стареющей императрицей: Роман III, Михаил IV Пафлагонин и Константин IX приходились Зое мужьями, а Михаил V Калафат был усыновлен ею. Сценарий появления очередного

обитателя константинопольского дворца всякий раз повторялся: новый претендент на престол очаровывал и утешал доверчивую и любвеобильную императрицу, а воцарившись, сразу охладевал к ней. При Пафлагонии Зоя оказалась почти в полной изоляции, а его племянник Калафат и вовсе попытался постричь свою приемную мать в монахини и даже выслал ее из Константинополя. Но это стоило ему престола, а затем и жизни. 20 апреля 1042 года, в тот самый день, когда императрица была сослана на один из Принцевых островов близ Константинополя, народное восстание в защиту «матушки Зои» потрясло столицу империи. Народ настоял на провозглашении императрицами-соправительницами Зои и ее младшей сестры, Феодоры, Калафат же был ослеплен

Поход князя Владимира Ярославича на Царьград. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

разъяренной толпой и вскоре скончался в ссылке. Спустя полтора месяца 64-летняя Зоя в третий раз вышла замуж – на этот раз за представителя одного из самых знатных семейств Византии, Константина Мономаха (по слухам, ее прежнего любовника). Но в глазах Ярослава новый император тоже не мог считаться вполне законным.

В этих событиях принимали участие и выходцы из Руси, прежде всего наемники, находившиеся на службе у императоров. Среди тех, с чьих слов князь Ярослав мог узнать все подробности произошедшей в Константинополе драмы, был норвежец Харальд Сигурдарсон – единогуброчный брат Олава Харальдсона (Олава Святого). Некогда обретший пристанище на Руси, он находился на русской службе, а около 1034 года во главе военного отряда в 500 человек объявился в Византии, где поступил на службу к императору Михаилу IV Пафлагонянину. Харальд участвовал во многих битвах в составе византийской армии. Принял он непосредственное участие и в расправе над императором Михаилом V, а затем оказался в заточении. В конце концов ему пришлось тайно, вопреки воле императора Константина, покинуть Константинополь и бежать на Русь. Причины, которые заставили его так поступить, неясны. Но известно, что примерно в это время или чуть позже в Константинополе вспыхнули беспорядки, направленные против русов. Византийский хронист XI века Иоанн Скилица этим и объяснял начавшуюся войну.

«...В то же время, когда в Византии (Константинополе. – Прим. авт.) произошла ссора с несколькими скифскими (русскими. – Прим. авт.) купцами и за нею последовала схватка, был убит некий знатный скиф. Тогда правитель их народа Владимир, муж горячий, охваченный большим гневом, раздраженный и обозленный случившимся, безотлага-

Императрица Зоя. Фрагмент мозаики собора Святой Софии. Стамбул. XI век

тельно, не ожидая удобного времени для отправления, соединив под своим командованием всех способных к битве, а также взяв с собою немало союзников из народов, проживающих на северных островах Океана (то есть норманнов. – Прим. авт.), и собрав толпу, как говорят, около 100 тысяч человек (явное преувеличение. – Прим. авт.) и посадив их в туземные суда, называемые однодревками, двинулся против столицы».

(Перевод Г.Г. Литаврина)

Из содержания русско-византийских договоров предшествующего времени мы знаем, что жизнь русских купцов защищалась законом. Соответственно, убийство «знатного скифа» могло быть расценено как прямое нарушение договора, действовавшего между двумя государствами. Но можно ли допустить, что Ярослав, политик весьма трезвый и уравновешенный, посчитал случившееся достаточным поводом для того, чтобы двинуть в поход громадную армию во главе со своим сыном? Едва ли. Так что относительно истинных причин войны историкам остается строить разного рода предположения.

Так или иначе, но весной 1043 года, вероятно, в конце апреля или самом начале мая, многотысячное русское войско выступило в поход.

В устье Дуная войско задержалось. Однако начавшиеся переговоры с властями империи (о них сообщают византийские хронисты) ни к чему не привели. Здесь же, на Дунае, обозначились какие-то противоречия внутри самой русской рати – между наемниками-варягами и «русью». Надо думать, киевские воеводы предлагали не спешить, может быть, даже прислушаться к тем условиям мира, которые были предложены императором ромеев, но варяги (а именно их летопись, в конце концов, назовет главными виновниками поражения) настояли на немедленном продолжении похода. Князь

Михаил Псевл и его ученик, император Михаил VII Дука. Миниатюра из Четвероевангелия Иоанна Каливита. XI век

принял их сторону и двинул ладьи к Константинополю.

Несмотря на то, что византийский флот переживал тогда не лучшие времена (в 1040 году он сильно пострадал от пожара в бухте Золотой Рог), в техническом отношении греки неизмеримо превосходили русских. Кроме того, император успел подтянуть к столице крупные

сухопутные силы, вызванные из провинций.

Решающее морское сражение произошло в июле 1043 года «в устье Понта», то есть около входа в Босфор из Мраморного моря, у самых стен Константинополя. Исход сражения определило техническое превосходство греков и прежде всего применение ими так называемого «жидкого» огня – той самой горючей смеси на основе нефти, секрет изготовления которой в Византии держался в глубокой тайне. Горевший даже на воде и не дававший спастись с горящих судов, он вселял в русских суеверный ужас, ничуть не уменьшившийся за прошедшие два столетия.

Из «Хронографии»

Михаила Псевла:

«Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем, выстроил их в противолежащей гавани напротив варварских членов и сам вместе с группой избранных синклитиков (в которую входил и Михаил Псевл, писавший эти строки. – Прим. авт.) в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно

Русско-византийская война. 1043 год. Лист из Радзивилловской летописи. XV век

Использование греческого огня. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век. Национальная библиотека Испании. Мадрид

возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, покинув стоянку и лагерь, вышли из противолежащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить...

Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам. [Суда] легко и стройно поплыли вперед, копейщики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремились к нашим судам. Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырявить римские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем

отчаялись и не могли придумать, как спастися.

В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство...

(Перевод Я.Н. Любарского)

Наверное, византийские авторы преувеличивали, говоря о разгроме всего русского флота уже в первом сражении. По-видимому, пострадала лишь часть русских кораблей; прочие предпочли отступить – главным образом, из страха перед «греческим огнем». Но беда редко приходит одна. В ночь после битвы на море поднялась буря, она-то и оказалась губительной для легких русских ладей. По свидетельству византийских авторов, буря добила остатки русского флота. Русские же летописцы объясняли неудачу похода исключительно последствиями бури, даже не упоминая о сражении в Мраморном море.

Из «Повести временных лет»: «И была буря великая, и разбило корабли руси, и княжеский корабль разбило ветром. И взял князя в корабль Иван

Творимирич, воевода Ярослава; прочие же воины Владимиrowы выброшены были на берег, числом 6 тысяч...»

Среди воевод Ярослава нашелся лишь один, кто согласился разделить с почти безоружным войском все тяготы пешего похода. Автор летописи вкладывает в уста воеводе Вышате слова, исполненные мужества и благородства:

«...И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился из корабля с ними, и сказал: «Если жив буду, то с ними, если погибну, то с дружиною!» И пошли, хотя в Русь [идти].

Византийцы все еще опасались русского войска. Два дня их флотостоял в константинопольской гавани, и только после этого было организовано преследование. Второе морское сражение произошло уже в Черном море, недалеко от Босфора, и закончилось победой русских:

«...Была весть грекам, что избило море русь, и послал царь, именем Мономах, за русью 14 хеландий (военных кораблей. – Прим. авт.). Владимир же, увидев с дружиною, что идут за ним, повернувшись, избил хеландии греческие и возвратился на Русь».

О поражении греков сообщают и византийские авторы:

Из «Обозрения историй»

Иоанна Скилицы:

«...Враг захватил четыре триеры с людьми, и все ромеи в этих триерах были перерезаны. Прочие же ромейские суда выбросились на мели, скалы и камни. При этом часть воинов утонула, часть была схвачена варварами и предана мечу и рабству, а часть (пешие и голые) спаслись в свой лагерь».

Теперь сын Ярослава мог вернуться домой с видимостью хотя бы какой-то победы, ведя за со-

бой немногочисленный полон. Вероятно, именно поэтому в некоторых поздних новгородских летописях сообщается о том, что поход Владимира на Царьград закончился победой русских, что, конечно же, ни в коей мере не соответствует действительности. На самом деле это была катастрофа.

Участь же ведомого Вышатой пешего воинства оказалась поистине ужасной. У Варны (в нынешней Болгарии) его настигло византийское войско. То, что произошло дальше, скорее напоминало избиение, чем битву. Большая часть русских была истреблена, около 800 человек, включая Вышату, взято в плен. «Вышату же схватили с изверженными на берег, и привели их к Царюграду, и ослепили множество русских...» – свидетельствует летописец.

Так трагически завершился последний поход русских на Царьград.

Но вот что удивительно. Без каких-либо видимых усилий со своей стороны всего за три года Ярослав сумеет не просто восстановить выгодные для себя отношения с Византией, но и добиться заметного их улучшения. Между Киевом и Константинополем начнутся какие-то непростые переговоры, продолжавшиеся до 1046 года. Как обычно, сами переговоры укрылись от внимания летописца, и он сообщил лишь об их результате:

«...По истечении же трех лет, когда был заключен мир, отпущен был Вышата на Русь, к Ярославу».

Очевидно, император Константин не меньше русских был заинтересован в урегулировании отношений. Прежде всего это объяснялось наличием у двух стран общего врага. Во второй половине 40-х годов XI века печенеги возобновят свой натиск на Византию. Воспользовавшись необычно суровой зимой (предположительно 1045/46 года), они перейдут

Предположительно изображение Елизаветы, старшей дочери князя Ярослава, Мономаха, имя которой историки называют лишь предположительно – Мария. А в 1053 году у четы родится сын – знаменитый в будущем князь Владимир Мономах.

Если верить скандинавским сагам, конунг Харальд отправился из Киева в «Миклагард» (Константинополь) и совершил все свои подвиги в Палестине, Южной Италии и на Сицилии исключительно ради того, чтобы добиться руки русской княжны Эллисив (Елизаветы), дочери Ярослава. И зимой того же года, в котором состоялся злополучный поход на Царьград, то есть в конце 1043 – начале 1044-го, Харальд добился своего.

Из Саги о Харальде

Сигурдарсоне:

«...И вот выдал конунг Ярицлейв за Харальда свою dochь Элисабет, а норманны зовут ее Эллисив...»

О том, что чувства Харальда к дочери Ярослава отнюдь не выдумка позднейших сказителей, свидетельствуют знаменитые «Висы радости» – поэтические строфы, сочиненные норвежским конунгом на обратном пути из Византии на Русь и посвященные прекрасной Эллисив. Всего насчитывалось 16 строф (хотя до нас дошло гораздо меньше), и каждая имела одинаковую концовку.

«Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности». (Перевод Т.Н. Джаксон)

замерзший на 15 локтей в глубину Дунай и вторгнутся в пределы империи, подвергнув ее северные провинции страшному разорению. Положение Византии, испытывавшей одновременные удары со стороны печенегов с севера и турок-сельджуков с юга, раздираемой внутренними мятежами, заставит Константина искать более надежных, испытанных временем союзников. И одним из условий договора, заключенного к 1046 году, станет возобновление династического союза двух правящих семейств. Четвертый сын князя Ярослава, Всеволод, получит в жены dochь императора Константина Мономаха, имя которой историки называют лишь предположительно – Мария. А в 1053 году у четы родится сын – знаменитый в будущем князь Владимир Мономах.

Монета с изображением на аверсе Харальда III Сурового, супруга Елизаветы Ярославны

Вид на Староладожскую крепость.
Ленинградская область

АЛЕКСАНДР ТИТКОВ/РИА-НОВОСТИ

Или, как перевел эти строфы в 1816 году в своей «Песни Гаральда Смелого» гениальный русский поэт Константин Батюшков:

**Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далёко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, сдвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вокруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает...**

Зимой в Новгороде была сыграна свадьба, а весной Харальд через Альдейтюборг (Ладогу) отправился сначала в Сигтуну (в Швеции), а затем в Норвегию.

Конечно же, согласие русского князя на брак своей дочери объяснялось не только пылкими чувствами его норвежского зятя. Как всегда, Ярослав искал для себя политическую выгоду.

В 1042 году Магнус, племянник Харальда и бывший приемный сын Ярослава и его жены Ингигерд (таковым он перестал считаться, став королем Норвегии), получил власть не только над Норвегией, но и над Данией.

Гибель короля
Харальда
Сурового в битве
при Стамфорд-
Бридже
в 1066 году.
Миниатюра
из англо-
нормандского
манускрипта.
XIII век

Теперь у Харальда появилось законное право претендовать на норвежский престол. И Ярослав, которого не могло радовать чрезмерное усиление Магнуса, решил поддержать поклонника дочери.

Перед отъездом Харальд имел долгий и доверительный разговор с Ярославом и его супругой. Речь, разумеется, шла о претензиях конунга на норвежский престол. Ярослав был готов помочь зятю, но с одним условием:

«Конунг (Ярослав. – Прим. авт.) попросил его, и также княгиня (Ирина-Ингигерд. – Прим. авт.), чтобы он любой ценой удержался от схватки с конунгом Магнусом, и им казалось,

что он ему будет более всего предан и верен своей мудростью и силой».

И действительно, Харальд и Магнус предпочли договориться миром, поделив в 1046 году Норвегию. На следующий год Магнус умер, и Харальд стал единовластным правителем страны. Дания же, в соответствии с последней волей Магнуса, досталась Свейну Ульвссону, племяннику бывшего правителя Швеции Олава Шёткуннинга (и, соответственно, двоюродному брату Ингигерд, жены Ярослава).

В историю Норвегии Харальд вошел с прозвищем Хардрада – Суровый Правитель. Он много воевал, предпринял даже попытку захватить Англию и погиб 25 сентября 1066 года в битве при Стамфорд-Бридже. Что же касается столь горячо любимой им Элизаветы, то вскоре, как это нередко бывает, он охладел к ней. Известно, что Елизавета родила Харальду двух дочерей. Однако спустя некоторое время Харальд женился вторично, а его первая жена доживала свои дни в Норвегии. Последний раз она упоминается в источниках под 1067 годом. ●

ЗАГАДКИ ДОМА ГЕОГРАФИИ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ОСОЗНАНИЕ ВЛАСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
ЧТО ДЛЯ РУКОВОДСТВА СТРАНОЙ НЕОБХОДИМА
КООРДИНАЦИЯ ТРИАДЫ ПРОСТРАНСТВО-ЗНАНИЕ-УПРАВЛЕНИЕ,
СТАЛО МОЩНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ ДЛЯ СОЗДАНИЯ РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ВОТ ТОЛЬКО ОСТАВАЛСЯ ВОПРОС:
КТО И КАКИМ ОБРАЗОМ БУДЕТ ОПРЕДЕЛЯТЬ ВЕКТОРЫ
БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА?

БИОГРАФЫ РУССКОГО географического общества (РГО) с удивительным постоянством обходят этот вопрос. Это настоящий камень преткновения, необыкновенно притягательный и взывающий к поиску ответов. Начнем искать их, обратившись к незначительной на первый взгляд записи из дневника великого князя Константина Николаевича, сделанной 22 марта 1861 года: «Вечером ездил в Географическое общество. Было рассуждение про русские колонизации вообще, и особенно про Амур. Очень интересно. Под конец и я говорил. Продолжалось до 11 вечера». За два дня до этого великий князь заседал в Сибирском комитете, «где толковали про колонизацию Амура и Уссури». Всего лишь два кратких упоминания геополитических сюжетов, связанных с продвижением России к Тихому океану, обсуждение которых в РГО затянулось почти до полуночи. Какие выводы извлек великий князь, оказавшись свидетелем непривычных для него дебатов с участием не только чиновников, но и путешественников, геологов, мо-

ряков, этнографов, гидрографов? Возможно, в этом «размене мыслей и сведений», формировавшем общественное мнение и выходившем за рамки чиновничего обсуждения, и скрыта главная тайна РГО? Об этой стороне жизни общества современники говорили мало. Они знали то, о чем мы сегодня подзабыли: РГО представляло собой центр общественных дискуссий, во время которых обсуждались и прорабатывались геополитические вопросы, предваряющие правительственные решения. Общество являлось для этого идеальной площадкой. Ведь здесь собирались люди, занимавшиеся вопросами развития страны, но видевшие их с различных точек зрения: на заседания РГО приглашались чиновники, предприниматели, ученые, журналисты и представители общественности. Иногда их число доходило до ста человек, а темы заседаний часто не имели ничего общего с вопросами «чистой науки»: налогообложение, банковская политика, промышленное освоение территорий России, проблемы гласности в финансовом управлении, землеобеспечение

крестьян. Результаты заседаний публиковались и обсуждались в печати. И после этого работа переходила в стадию реализации. Необходимо напомнить, что интеллектуальную сердцевину Николаевской эпохи составляли мысли о необходимости систематизировать, рационализировать и сделать эффективной систему управления страной. Но одно дело, когда управленические заповеди касаются административного аппарата и ведомственных правил, и другое – когда речь заходит об общественных учреждениях. Инструментарий власти неизменно должен был расширяться и, что самое удивительное для нынешних взглядов на эпоху императора Николая I, – наполняться демократическими началами. В особенности в том, что касалось методов изучения и управления имперскими территориями. Споры о них заставляли членов РГО искать новые подходы к решению государственных вопросов, отказываясь от закостенелых бюрократических схем.

Примеры подобных «исканий» обнаружились в служебной переписке РГО. Например, в октяб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет великого князя
Константина Николаевича.
Акварель с оригинала Ф. Крюгера.
Около 1850 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Санкт-Петербург, набережная Мойки, 12 – здесь провел последние
месяцы жизни А.С. Пушкин. Справа – часть фасада дома Пущиных.
Гравюра К.И. Тихомирова. 1880 год

бре 1845 года, когда обсуждался вопрос о создании Статистического отделения, прозвучало предложение избегать «порядка канцелярского и правил отчетности, в отделениях министерства существующих», поскольку в таком случае ни о каком «свободном соединении ученых» речи быть не может. Эту смелую идею высказал 18-летний великий князь Константин Николаевич: вне всякого сомнения, она была инспирирована его наставником, вице-адмиралом Федором Литке. Но ограничивались ли программные установки устроителей РГО одними лишь соображениями о «свободном соединении ученых»? Может быть, в своем воображении они рисовали более сложные и не столь легко обнаруживаемые сегодня задачи? Понять это непросто. В нашем распоряжении осталось немногого документов, которые позволили бы в деталях представить повседневную жизнь РГО или точно реконструировать заседания общества. Например, сколько человек участвовало в этих совещаниях и где они проводились? Хотя расположение первого Дома географии, который быстро приобрел репутацию «любимого детища» петербургской публики и превратился в «сборное место всей интеллигенции столицы», нам известно.

АДРЕСА РГО

Находился первый Дом географии на набережной Мойки (ныне – дом №14). Этот особняк принадлежал старинному роду Пущиных, тесно связанному с флотом. По проекту архитектора Богуслава Гейденрейха хозяева осуществили реконструкцию здания, надстроив третий этаж. Его и арендовало РГО. Поднявшись по парадной лестнице, посетители попадали в просторную прихожую и проходили в самую большую комнату квартиры с окнами на Мойку – зал общих собраний. Дальше путь вел в святая святых общества – зал собраний Совета, где встречались члены правления РГО: председатель, его заместитель, секретарь и 12 действительных членов. Сле-

дующее помещение занимала библиотека, и по сей день являющаяся самым представительным собранием трудов по географии в Европе. Царство книг сменялось царством документации – канцелярией, возглавляемой Александром Головинным. Это была совсем небольшая комната, зато из нее можно было пройти в любое помещение общества. При РГО находилась квартира смотрителя. Она располагалась в надворном флигеле и состояла из двух комнат и кухни. Общество арендовало также чердак и подвальный этаж с двумя людскими и ледником.

Михаил Иванович Пущин – хозяин дома, декабрист и младший брат Ивана Пущина, «бесценного друга» Пушкина, – обязался к переезду РГО «изготовить помянутую квартиру в возможно скором времени, полы, дверь комнаты во флигеле, кроме кухни и людских, сделать везде паркетными и стены обклеить обоями, устроить водяной калорифер, а в комнатах три камина». Специально оговаривалось, что Пущин будет «топить помянутую квартиру и парадную лестницу своими дровами, не производя угары и поддерживая в комнатах постоянно 14° по Реомюру (17,5°C) и отпускать дрова жителям Географического Общества, сколько понадобится». Кроме того, хо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Михаил Иванович Пущин
(1800–1869), декабрист,
младший брат Ивана Пущина

зяин должен был «стены обклеть обоями с золотыми багетами, устроить воторклазет, а в комнатах (установить. – Прим. авт.) два камина». В свою очередь, РГО обязалось следить за поддержанием порядка и чистоты в доме: «перекрашивать каждый год лестницу и каждые два года двери, рамы и полы, где нет паркетных», а также «вставлять и потом выставлять зимние рамы».

По условиям договора о найме, общество арендовало квартиру «на пять лет от того дня, когда примет ее и обязывается платить в год 1200 рублей серебром, выплачивая вперед по трети». Если же РГО пожелало бы продлить аренду, то хозяин «обязан не возвышать цену, а заключить контракт на тех же условиях, на сколько времени Общество пожелает». Договор был заключен на четыре года (1846–1850), а обязанность арендодателя не поднимать цену была ограничена десятью годами. РГО трижды перезаключало контракт с Пущиным – в 1851, 1855 и 1859 годах. В эти годы были организованы географические экспедиции Ричарда Маака на Амур (1855–1856) и Эрнста Гофмана на Полярный Урал (1847–1850). Здесь же, на Мойке, планировалась и Большая Сибирская экспедиция (1855–1862), результатом которой стали составление и публикация подробных карт Сибири.

За научными предприятиями РГО всегда стояли внешнеполитические интересы. В XIX веке началась «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Средней Азии, и без исследования территорий юго-восточного приграничья Российской империи нечего было мечтать о контроле над Бухарой, Кокандом, Туркестаном и неизвестными миру горными районами Тянь-Шаня, Тибета и Памира. Так что в сложной геополитической схватке за Азию скромный особняк на Мойке играл роль интеллектуального штаба. Здесь готовились пла-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Санкт-Петербург, набережная Фонтанки.
Здание Министерства народного просвещения,
где в 1862–1908 годах располагалось РГО

ны и инструкции для посольства бывшего военного агента в Лондоне, подполковника Николая Игнатьева, в Хиву и Бухару. Отсюда направляли на первый взгляд чисто научные экспедиции: востоковеда Николая Ханыкова в Хорасан и Герат, поручика Чокана Валиханова в Кашгар (Восточный Туркестан), молодого Петра Семенова (в будущем академика и вице-председателя РГО Семенова-Тян-Шанского) к истокам Сырдарьи и заоблачным вершинам Хан-Тенгри.

В 1862 году РГО перебралось с Мойки на Фонтанку, поближе к МВД, обосновавшись в нижнем

этаже здания Министерства народного просвещения (ныне – улица Зодчего России). Благодаря публикации в журнале «Нива» до нас дошло редкое описание зала заседаний общества: «Посредине первой залы расположен ряд больших столов, заключающих в себе шкафы для помещения карт большого формата; простенки залы заняты многочисленными библиотечными шкафами, в верхних частях своих стены украшены картинами <...> арки украшены бюстами знаменитых географов и этнографическими коллекциями – на первом плане представлена принесенная в дар Обществу секретарем его А.В. Григорьевым весьма ценная и редкая коллекция древнего оружия и утвари японцев; у одного из окон помещается стол библиотекаря и у следующего – стол казначея Общества; дверь посередине левой стены ведет в канцелярию Общества и в помещения ученого архива и склада изданий».

Архивные и библиотечные фонды РГО постоянно росли, регулярно пополнялись и коллекции материалов и экспонатов, привозимых из географических экспедиций. Обществу не хватало места. И в 1909 году оно въехало в специально построенное для него здание в Демидовом переулке.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Дом Русского географического общества в Санкт-Петербурге
с 1909 года

ТЕНЕВОЙ КАБИНЕТ ИМПЕРИИ

Все, что мы знаем о жизни РГО, чаще всего сводится к рассказам об экспедициях и официальным протоколам. Поэтому любой новый архивный документ вносит неожиданные нюансы в привычную историю общества. Неизвестному составителю – скорее всего, секретарю РГО – мы обязаны «Списком членов Императорского Русского географического общества по времени избрания: 1845–1877 гг.». Он хранится в роскошном кожаном переплете с золотыми вставками и представляет собой ведомость по учету кадрового состава. На первый взгляд это просто список – тщательный и скрупулезный. Каллиграфическим почерком в нем вносились рабочие пометы, фиксирующие важные изменения, происходившие внутри общества: смерти, перемещения по службе, изменения в чинах и т.д. Но давайте отвлечемся от формализма служебной документации и взглянем на список под иным ракурсом, распознав в нем набросок к социальному портрету РГО. В соответствии с требованиями устава 1850 года состав РГО выглядел следующим образом:

- члены общества («лица, принимающие деятельное участие в успехах наук... или могущие оказать ему полезное содействие»);
- члены действительные («располагал правом голоса

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Великий князь
Николай Михайлович,
президент Императорского
Русского географического общества
с 1892 по 1917 год

во всех собраниях общества, правом избирать и быть избранным на все должности в обществе»);

- члены-сотрудники («лица, изъявившие готовность доставлять постоянно обществу нужные ему сведения» с правом совещательного голоса);
- члены почетные («известные учеными трудами или покровительством географическим наукам»);
- члены-соревнователи (лица, принесшие в дар обществу единовременно не менее 300 рублей серебром);
- иностранные почетные члены;
- иностранные члены-корреспонденты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Императорское Русское географическое общество. Комната Совета

Три первые категории вполне укладываются в привычную иерархию общественной организации – это, собственно говоря, и есть главные исполнители РГО, его служебное тело. Иностранные представительство – дань международному престижу – немногочисленно. А вот оставшиеся две категории – почетные члены и члены-соревнователи – приводят к весьма любопытным наблюдениям. Их насчитывается 82 человека. Они составляют подобие символической иерархической пирамиды из нескольких ступеней: представители правящей династии, вельможи, государственные деятели и министры, предприниматели, ученые.

На верхней ступени располагались представители императорской фамилии. Главу пирамиды венчали две августейшие персоны: покровитель РГО – император Александр II и его брат, великий князь Константин Николаевич. Среди почетных членов были и другие представители дома Романовых: младшие братья императора, Николай Николаевич и Михаил Николаевич, наследник-цесаревич Николай Александрович, его братья Александр (будущий император Александр III), Владимир и Алексей, а также их двоюродный брат, великий князь Николай Константинович. К почетным членам РГО относились также герцог Максимилиан Лейхтенбергский, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, великий князь Михаил Павлович, герцог Георг-Август Мекленбург-Стрелицкий и президент Российской минералогического общества князь, 4-й герцог Лейхтенбергский Николай Максимилианович Романовский. В официальной истории РГО, составленной в советское время, о деятельности представителей правящей династии, двое из которых (великие князья Константин Николаевич и Николай Михайлович) до 1917 года возглавляли общество, предпочитали не говорить, подразумевая, что их

влияние было настолько скучным, что никак не отразилось на состоянии науки и государства. И если о великом князе Константине, главе либерального лагеря в правящей элите, фактически руководившем Великими реформами, умолчать было трудно, то великий князь Николай Михайлович продолжает оставаться в тени Истории. Хотя его можно назвать одной из выдающихся фигур династии Романовых. Интеллектуал, эрудит-историк, поглощенный поисками архивных рукописей, отличный энтомолог, чьи коллекции составили основу Зоологического музея. Он же – одаренный аналитик, «опасный радикал», поклонник парламентского строя, фронтендер, вокруг которого сплетались нити заговора против Григория Распутина. И он же – мученик «красного террора», расстрелянный у крепостной стены напротив Петропавловского собора в январе 1919 года. Говорят, за него пытался заступиться Максим Горький, напомнивший Ленину об исторических трудах великого князя. По легенде, вождь пролетариата ответил: «Революция не нуждается в историках»...

Почти все члены императорской семьи по-своему участвовали в работе РГО. Яркий пример – великий князь Николай Константинович, заслуживший репутацию паршивой овцы дома Романовых после скандала с исчезновением в 1874 году фамильных драгоценностей в Мраморном дворце. Он был объявлен «страдающим расстройством умственных способностей» и в 1881 году выслан в Ташкент, где и скончался в 1918-м. Между прочим, именно Николай Константинович превратил этот город в центр русского влияния на Востоке и немало сделал для географической науки. Он положил начало разработке планов строительства Среднеазиатской железной дороги, изучению бассейнов Сырдарьи и Амударьи, а также Голодной степи – солончаковой

Великий князь
Николай Константинович

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Книга великого князя Николая Константиновича «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги». На обложке автограф М.И. Семевскому, историку, общественному деятелю, издателю журнала «Русская старина» (Оренбург, 1878)

пустыни под Ташкентом. Кроме того, при нем приступили к ирригационным работам по строительству 100-километрового Романовского оросительного канала, благодаря которому началось сельскохозяйственное освоение местных территорий. Это – лишь два коротких штриха к портрету августейших особ в списке членов РГО, но они ярко демонстрируют роль «первого эшелона» в иерархической пирамиде общества.

Но что представляли собой следующие ступени иерархии РГО, задуманного как синтез умов и

усилий представителей разных социальных слоев и предполагавшего, что августейшие особы не обладают монополией на единственно правильное видение картины мира? Инструменты для воплощения геополитических стратегий находились в руках групп, располагавшихся на второй ступени пирамиды РГО – министров и сановных вельмож империи. Среди них – руководители МВД (Бибиков, Ланской, Валуев), министры народного просвещения (граф Уваров, князь Ширинский-Шихматов, Норов, граф и адмирал

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Императорское Русское географическое общество. Малый зал

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Императорское Русское географическое общество. Библиотека

Путятин, Головнин), министры финансов (Вронченко, Княжевич, Рейтерн), военные министры (князь Чернышев, Милютин), морские министры (светлейший князь Меншиков, барон адмирал Врангель), министр государственных имуществ граф Киселев, министр юстиции граф Панин, а также председатель Государственного совета граф Блудов.

Следующую ступень иерархии занимали губернаторы: наместники царства Польского (князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский и граф генерал-фельдмаршал Берг), кавказские наместники (князь Воронцов, Муравьев и князь Барятинский), генерал-губернаторы Восточной Сибири (Муравьев-Амурский и Корсаков), финляндские генерал-губернаторы (Меншиков и Берг), оренбургский генерал-губернатор Крыжановский и генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман. К ним примыкали представители военной и военно-морской элиты, а также духовные иерархи, несущие свою миссию по освоению российских территорий (митро-

политы Московский и Коломенский Филарет и Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, архиепископ Литовский и Виленский Иосиф, экзархи Грузии Исидор и Евсевий, архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иаков, а также католикос всех армян Нерсес V). И, наконец, группа почетных членов РГО, объединившая российских и европейских ученых. Таким образом, перед нами предстает своего рода теневой кабинет империи, за которым стояли институты власти: Зимний дворец, министерства, правительственные учреждения, губернаторские резиденции и научные институты. В его основе – общественная организация, цели которой заключались не только в собирании, обработке и распространении географических знаний о русской земле, но и в реорганизации системы управления имперскими территориями, которую следовало перестроить в соответствии с geopolитическими, технологическими, экономическими и политическими требованиями эпохи.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОСЬ

Но эффективность такой системы была бы эфемерной, если бы ограничивалась кабинетной работой и дебатами в залах РГО. Обществу сразу стало тесно в рамках, предложенных учредителями. В первые же месяцы существования оно оказалось под прессом общественного давления и критики. Вот одно из таких свидетельств: в высшей степени примечательна запись анонимного современника, критиковавшего Амурскую экспедицию Маака. По его мнению, она не имела никаких иных последствий, кроме обнаружения «особого вида кукушки» и семян «какой-то травки», за что, впрочем, руководитель экспедиции был пожалован по жизненной пенсиею и орденом Святого Владимира. Сходные чувства вызвали у анонима и научные результаты, полученные ученым Густавом Радде, который, оказывается, занят только тем, что «считает ноги у всех попадающихся жуков». А ведь он также неминуемо будет удостоен наград и «ему в Петербурге дадут тоже орден и содержание на всю жизнь, до которого

наш брат добивается 35 лет». «Нам бы надобны не жуки и кукушки, а указали бы гг. учёные, где железо на Амуре, где каменный уголь, где корабельный лес, где плодородная почва для земледелия, где какие приличнее разводить растения и в каких частях Амура какая приличнейшая система хозяйства, – пишет автор. – А то и указуют нам на богатства здешних насекомых и кукушек, да все-таки эти указания большинству из нас недоступны, потому что печатаются в Германии, и даже в нашей Академии, на немецком языке, чтобы свои не знали, а заграничные похваливали». С анонимным автором можно спорить, но трудно не испытывать сочувствия к этому человеку, бросившему вызов, казалось бы, раз и навсегда установленным правилам научной игры. Практическая направленность его обличий и есть тот самый путь, на который вольно или невольно вступило РГО. И чтобы ощутить, как новая идеология Николаевской эпохи набирала силу, обратимся вновь к вышеупомянутому списку, выбрав теперь членов-соревнователей в качестве отдельной «группы интересов».

Это всего 39 человек. Ответом на вопрос, много это или мало, послужат их краткие характеристики: предприниматели, купцы и благотворители, благодаря которым российская geopolitika материализовалась и принимала коммерческие масштабы, подстраивая под свои ритмы отечественную науку, политику, экономику и общество. Вот, например, Михаил Сидоров. Выходец из архангельского купечества, золотопромышленник, предпринявший колоссальные усилия для освоения Печорского края и организации арктического судоходства по Северному морскому пути. В Петербурге он прославился организацией знаменитых «Северных ночей», на которых угождал посетителей блюдами из оленины и солонины, хлебом из сосновой коры, потчевал на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Михаил Константинович Сидоров
(1823–1887), русский купец,
золотопромышленник,
общественный деятель,
зоолог

Василий Григорьевич Жуков
(1800–1882), коммерции советник,
сaint-петербургский
городской голова, табачный
фабрикант

питками из морошки и клюквы, а также настоящей на ягле водкой. Сидоров одним из первых увидел логику в наблюдениях современников, изпод пера которых вышли удивительные и спорные труды о влиянии «малого ледникового периода»: «В последнее столетие зима (если так называть время, когда реки остаются покрытыми льдом) в Архангельске на 4 дня сократилась, и, напротив, в Петербурге настолько же удлинилась...» Нужно быть прозорливым читателем, чтобы, подобно Сидорову, сделать следующий вывод об изменении климата: если потепление

превращается в реальность, то, значит, процесс этот протекает в Арктике опережающими темпами по сравнению с другими российскими территориями. А дальше последовали смелые предложения: из построенного порта в устье Печоры повести суда по Карскому морю и далее, по Енисею и Ангаре, тем самым приступив к промышленному освоению сырьевых запасов Русского Севера (леса, угля, золота). Взявшись за реализацию столь грандиозных планов, Сидоров в начале 1860-х годов подготовил экспедиции к берегам Новой Земли на дизельном ледоколе «Ермак», которые воз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Обложка «Альбома рисунков к путешествию на Амур» (С.-Пб., 1859)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОМ

Платон Васильевич Голубков
(1786–1855), русский купец,
коллежский советник.
Портрет работы В.Е. Астрахова.
1852 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОМ

Василий Александрович Кокорев
(1817–1889), предприниматель
и меценат, крупный коллекционер
и почетный член Академии
художеств. Гравированный портрет
работы В.Ф. Тимма. 1860-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОМ

Самуил Соломонович Поляков
(1837–1888), концессионер
и строитель железных
дорог в Российской
империи

главили Павел Иванович и Павел Павлович Круzenштерны. Закончились они неудачно, однако Сидорова это не остановило. В течение нескольких лет он пытался организовать пароходную экспедицию в Карское море, в случае успеха обещая заплатить смельчакам пуд золота. Своего он все же добился: в 1874 году финансируемая им экспедиция под руководством англичанина Джозефа Уиггинса сумела достичь устья Енисея, открыв морской путь в Сибирь. Среди членов-соревнователей были и другие, не менее яркие фигуры. Табачный фабрикант и миллионер Василий Жуков основал одну из престижнейших премий РГО. Немало сделал для общества золотопромышленник Платон Голубков, интересовавшийся историей проникновения России в Азию и финансировавший переводы и издание на русском языке трудов основоположника современной географии Карла Риттера. Крупнейший коммерсант Восточной Сибири Николай Игумнов, обосновавшись в Кяхте, прокладывал дороги в Забайкалье и приложил немало усилий к основанию судоходства по Амуру. Научные экспедиции по той же реке, организованные РГО, финансировал Степан Соловьев, прошедший путь от

подсобного рабочего на уральском горном заводе до крупнейшего золотопромышленника и филантропа, благодаря которому на Васильевском острове имперской столицы был разбит Румянцевский сквер. Городской голова Красноярска Петр Кузнецов обустроил 255 саженей набережной в своем родном городе и оплатил обучение Василия Сурикова в Академии художеств. Одесский городской голова Николай Новосельский стоял у истоков Русского общества пароходства и торговли и финансировал деятельность Русского бальнеологического общества. Иркутский купец и судовладелец Иван Хаминов организовал масштабное речное сообщение по Оби, Витиму, Байкалу, Лене, Селенге, а в бытность свою городским головой строил церкви, приобретал здания для приютов и жертвовал им крупные суммы. Деятельным обустройством железнодорожного сообщения и основанием банков занимался старообрядец-меценат и коллекционер Василий Кокорев, коммерсант с железной хваткой, получивший прозвище «откупщицкий царь». Состоял членом РГО и строитель девяти крупных российских железных дорог Самуил Поляков. Благодаря таким людям воплощались в

жизнь идеи, заложенные основателями РГО. Именно ожидание и подготовка переворота – геополитического, технологического, культурного, экономического, интеллектуального – стали центральной осью, вокруг которой формировалось Русское географическое общество. Конечно, речь не идет о том, чтобы объявить РГО центром принятия государственных решений, тем более – носителем интеллектуальной истины, предопределявшей российский геополитический курс. Не стоит и предполагать, что РГО подменяло собой Зимний дворец и иные правительственные учреждения. В деятельности РГО доминировали несколько иные правила, и, какой бы силой ни обладал союз просвещенной рациональной власти, холодного чиновничего расчета и утонченного интеллекта, могущество его оказалось бы недостаточно, чтобы задуманный переворот состоялся. Необходимо было, чтобы к участникам этого символического союза добавилась бы еще одна могущественная сила: общественность России – носитель того самого «русского народного чувства», поиски которого дали возможность стране понять свою сущность и истоки и привели к созданию РГО.

П.Н. Орлов.
Портрет
Андрея
Николаевича
Карамзина.
После
1836 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В

МАЕ 1836 ГОДА

22-летний гвардейский офицер Андрей Николаевич Карамзин взял отпуск «для поправки здоровья за границей» и отправился вояж по Европе. Он объездил Германию, Швейцарию, Францию, Италию, подолгу жил в Эмсе, Париже, Риме, Бадене и вернулся в Россию в середине октября 1837 года. Во время путешествия вел, как это было принято в то время, оживленную переписку со своими родными и знакомыми. Письма Андрея Николаевича Карамзина к его матери, Екатерине Андреевне, были опубликованы в историческом сборнике «Старина и новизна» в 1914 и 1916 годах.

**«УЖАСНО ЗАВОНЯЛО!
УРА!! МЫ ПРИЕХАЛИ!»**

22 декабря 1836 (3 января 1837) года Андрей Карамзин с восторгом написал матери первое письмо из Парижа, куда он прибыл, как и большинство путешественников в те годы, из Страсбурга: «Погода была серая, настоящая парижская: ближе, ближе, – завоняло! Ужасно завоняло! Ура!! Мы приехали». Как и многие наши соотечественники, он не мог поверить, что оказался в столице Франции: «Я в Париже! Приехал вчера, с тех пор твержу это себе, и все как-то не верится! Однако сомнения нет – я в Париже...» Воспитанный на французской культуре, Андрей Николаевич не испытал особого удивления от города, поскольку он воочию увидел тот самый Париж, о котором уже знал в мельчайших подробностях по книгам: «Въехавши в город, мне казалось, что я вижу его не в первый раз, так верно рисовало мне его воображение».

Вот любопытный факт. Многие французы нередко называли Петербург самым французским городом в России. А Карамзину парижские улицы напомнили родной Петербург, он так и писал: «Улицы – точно Гороховая в Петербурге».

ПАРИЖСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАРАМЗИНЫХ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

В 1789–1790 ГОДАХ, В САМЫЙ РАЗГАР РЕВОЛЮЦИИ, В ПАРИЖЕ ОКАЗАЛСЯ РУССКИЙ ИСТОРИК НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН. А В КОНЦЕ 1836 ГОДА, СПУСТЯ ПОЧТИ ПОЛВЕКА, В СТОЛИЦУ ФРАНЦИИ ПРИБЫЛ ЕГО СТАРШИЙ СЫН, АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ ПРОШЛО УЖЕ ШЕСТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ОЧЕРДНОЙ, ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРАЯ ПРИВЕЛА К ВЛАСТИ КОРОЛЯ ЛУИ-ФИЛИППА ОРЛЕАНСКОГО.

В столице Франции Андрей Николаевич оказался вместе со своими друзьями. Постоянными спутниками компании стала находившаяся тогда в Париже на лечении чета Смирновых: Николай Михайлович и Александра Осиповна (Смирнова-Россет. – **Прим. ред.**). В эту знаменитую фрейлину императорского двора, подругу и собеседницу многих русских писателей, включая Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Гоголя, первую красавицу Петербурга, Андрей Карамзин был и сам когда-то страстно влюблен.

ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ ТЮИЛЬРИ

Париж в описаниях Андрея Карамзина почти не отличается от Парижа его отца. Во многом совпадали и маршруты их прогулок: театры, рестораны, салоны, балы, палата депутатов. Если Николай Михайлович видел королевскую чету – Людовика XVI и Марию-Антуанетту – лишь на расстоянии, то Андрей Николаевич оказался на приеме во дворце Тюильри, совершив тем самым весьма смелый поступок. Дело в том, что император Николай I крайне неодобрительно относился к поездкам своих подданных в Париж, этот центр революционных потрясений. Даже родному брату, великому князю Михаилу Павловичу, монарх не позволил поехать в столицу Франции в 1837 году. Не побывал здесь и цесаревич Александр Николаевич, совершивший в 1839 году путешествие по Европе.

В таких обстоятельствах нанести визит королю Луи-Филиппу было и вовсе неслыханной дерзостью! Однако Андрей Карамзин получил предложение австрийского посла графа Рудольфа Алпоны отправиться в Тюильри и, как он писал, «с радостью согласился, хотя прочие русские этого не делают». Ему очень хотелось посмотреть, «что такое двор Короля-мещанина», то есть Луи-Филиппа, которого именовали «король-буржуа». В Тюильри Карамзин оказался вместе с груп-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Николай Михайлович Смирнов. Литография В. Вернера с оригинала Ф. Крюгера. 1835 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф. Жерар. Портрет Луи-Филиппа I в форме Национальной гвардии с копией Хартии 1830 года. 1834 год

пой соотечественников во главе с российским послом в Париже генерал-адъютантом, генералом от кавалерии графом Петром Петровичем Паленом. Королевский двор удивил Андрея своей простотой: «Весь двор Лудвига Филиппа (который состоит из одного *introducisseur des ambassadeurs* (вводителя послов. – **Прим. авт.**), и тот еще безносый) суетился, чтобы нас привести в порядок, наконец двери отворились – вышли Их Величества, начался *cercle* (круг. – **Прим. авт.**). Сперва король, потом королева с одной дочерью, за ней *Mademoiselle Adelaide* (Аделаида Орлеанская, или Мадам Аделаида, сестра короля Луи-Филиппа, с которой он был неразлучен. – **Прим. авт.**) с другой и, наконец, Орлеанский подходили к каждому, посол говорил имя, обменивались обычновенными плоскостями».

Луи-Филипп Карамзину не понравился: «Король – многопоклонный, жирный и обрюзглый старик, *avec un faux air de bonhomie*» («с фальшивым видом добродушия». – **Прим. авт.**). Читатель наверняка заметил, что Андрей Николаевич в своих записях часто использовал фразы на французском языке. Это и понятно: для русских аристократов французский был, по сути, родным. Он, однако, пытался по большей части писать по-русски, но получалось это у него не всегда. «Как ни старался, а все-таки ввернулась французская фраза», – писал Андрей Николаевич матери.

Королеву Марию-Амелию, племянницу несчастной Марии-Антуанетты, он нашел «сухой», дочери королевской четы показались ему «не дурными, но и не красавицами», Мадам Аделаида – и вовсе «ужасным монстром» (*monstrum horrendum*, как он пишет). А вот старший сын короля, герцог Фердинанд Орлеанский, Карамзину понравился: «Красавец и молодец во всех отношениях». Разговоры же с членами королевской семьи он нашел настолько неинтересными, что не считал нужным сообщать их содержание матери.

КОРОЛЕВСКИЙ БАЛ

Французы, приезжавшие в Россию, всё в нашей стране сравнивали с Францией и, не видя особого сходства, принимали различия за недостатки, а не особенности. Русские, оказавшиеся в Париже, порой тоже испытывали разочарование. С Карамзиным подобное случалось неоднократно. Так, спустя несколько дней после приема у короля, Андрей Николаевич был приглашен на бал в Тюильри. Конечно, он не мог не сравнить это событие с ежегодным новогодним балом в Зимнем дворце, причем явно не в пользу французского двора. Во-первых, русским путешественникам пришлось долго добираться до дворца: вместо обычных пяти минут они потратили целый час – вся улица была запружена каретами, ведь было разослано 4500 приглашений. А на балу в Зимнем дворце, как мы знаем, бывало до 30 тысяч гостей. Российский император оставался на балу в Зимнем дворце до конца торжества, после чего все чинно расходились. А король Луи-Филипп пробыл на празднике только до полуночи, королева и герцог Орлеанский появились лишь для того, «чтобы оказать честь», зато «принцессы танцевали до конца, т.е. до четырех часов утра». Во время ужина началась давка, «чего не было у нас в Зимнем дворце», как пишет Карамзин. И сообщает детали: «Ужин был накрыт в театре на 600 человек; сперва отправились дамы под предводительством королевы, и тут начался ужасный беспорядок. Все бросились за ними и придавили дам; адъютанты, которые исполняли должность квартальных – с большим трудом отогнали мужчин и заперли двери в столовую. После возвращения дам, когда повели мужчин, та же история: всем места не было – а все голодные, особенно отличалась национальная гвардия... которая так и рвалась в столовую. Тут надоб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Э. Виолле-ле-Дюк.
Женский банкет
в Тюильри.
1835 год

но признаться, что блестящий двор короля-мещанина сделался похожим на кабак».

Андрею Николаевичу, несмотря на то, что он не ужинал, было весьма любопытно попасть в зал. Ему это удалось, хотя и не без усилий: «Шампанское и Бордо (впрочем, последнего разбора) лились рекой, и гости тешились вдоволь».

«ПАРИЖСКИЕ БАЛЫ НЕ ЧЕТА НАШИМ!»

А какими он нашел салоны и балы не коронованных особ, а парижского высшего света? Надо сказать, их он посещал исправно.

Однажды он поехал на бал-маскарад: «Зала прекрасная и ярко освещенная, наполненная пестрыми масками; шум, крик, хохот и бешеные танцы, пьяных мало, а веселы все». Что интересно, Андрей Николаевич, как и его отец, никак не мог понять, откуда у небогатых парижан были деньги на развлечения: «Я не понимаю, откуда нищий класс берет деньги для своих удовольствий: за вход платят 5 франков, каждый проходит avec sa bonne amie (с подружкой). – Прим. авт.), кроме того – издержки на костюм и еду, и итогу 20 франков!»

Побывал он и на балу у австрийского посла графа Аппони, приемы которого, в том числе завтраки, славились на весь Париж элегантностью. Андрей Николаевич оказался у Аппони вечером. Его поразили весьма скромные залы: «Народу толпилось тьма в четырех комнатах, порядочно освещенных, из которых ни одной не было больше Вашей столовой; танцевали в

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф.-К. Винтерхальтер. Фердинанд-Филипп-Луи, герцог Орлеанский. 1843 год

двух, в одной паркет, а в другой крашеный пол!!!»

Карамзину явно не хватало пространства для танцев: «Но здесь вальсировать опасно, места мало, а неискусные французы так и виляют вправо и влево; я действовал решительно и в два тура сшиб с ног три пары; знай наших!» Не понравилось ему абсолютно все: «Людей мало, буфет бедный, скверный чай, разливаемый из медного самовара, в сениях веревочный ковер!!! Одним словом, парижские балы не чета нашим! И не могут выдержать сравнения ни в пышности, ни в красоте женщин, ни в искусстве танцоров, ни даже в богатстве и щегольстве уборов». Любопытно, что французы, бывавшие в России, тоже были не в восторге от русских салонов и балов: их поражало обилие угождений и отсутствие разговоров на политические темы, а политика, как писал Карамзин про парижские салоны, «вытесняет здесь все другие предметы в разговоре».

Конечно, Андрей Николаевич не мог не рассказать о парижанках. И, как и другие наши соотечественники, самыми красивыми дамами в Париже он считал русских женщин: «Красавицы нет ни одной! Хорошеньких много. Лучшими на бале были графиня Завадовская... и Александра Осиповна», то есть Смирнова-Россет. На одном балу наконец-таки он встретил двух очень красивых девушек: «Если б не Париж, то я влюбился бы, ей Богу, влюбился бы! Но здесь совестно».

ПРЕПОДАВАНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809–1882). Акварель П.Ф. Соколова. 1834–1835 годы

ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО И «АНГЛИЙСКИЕ ВЫДРЫ»

В годы Июльской монархии, в условиях весьма напряженных отношений между Россией и Францией, император Николай Павлович не придавал первостепенного значения посольской миссии в Париже, полагая, что не стоит

Л.-Ф. Пикар.
Бал-маскарад.
1854 год

любезничать с «фальшивой» династией. Если в предыдущую эпоху, в годы Реставрации, когда посольство России во Франции возглавлял граф Шарль-Андре Поццо ди Борго, русское представительство было одним из центров не только политической, но и светской жизни, а русские аристократы, оказавшиеся в Париже, могли рассчитывать на протекцию посла, чтобы задержаться в городе, то при граве Палене, послушно выполнявшем волю императора, ситуация изменилась.

Карамзин, вероятно, обратил на это внимание и выражал сомнения относительно деятельности российского дипломата: «И в общество трудно попасть, потому что и там никто не поддерживает: наш посол ведет себя как..., только что не сказал под рифму, а, право, стоит того: не говорю про нашего брата мальчишку, но про дам, не обращает ни на кого внимания, ни с кем не учитив, а иностранцам и здешним с кого же пример брать, как с нами обходиться, если не с посла, а оттого английские выдры пляшут на всех балах, а Полуектова (Любовь Федоровна Полуектова, урожденная княжна Гагарина. – Прим. авт.) с трудом выпрашивает себе инвитации».

Несмотря на то, что русские аристократы в Париже тогда были в моде, французы относились к ним зачастую снисходительно-высокомерно. По словам Карамзина, кроме обитателей предместья Сен-Жермен – средоточия старинной и легитимистской аристократии, то есть сторонников династии Бурбонов, – «все здесь нас ненавидят, а особенно партия правительства, а все политические специальности принадлежат ей».

Как и его отец, который во времена революции посещал заседания Национального собрания, Андрей Николаевич тоже страстно желал попасть на заседания парламента.

ПРЕПОДАВАНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ХВОСТЫ И КАМОРА

Июльская монархия ввела моду на политику, поэтому заседания палаты депутатов были важным не только политическим, но и светским мероприятием. Публика охотно посещала заседания, на которые можно было получить билет на «зарезервированные трибуны». У Карамзина такого билета не оказалось, и тогда он испробовал второй вариант: в парламент можно было попасть, предварительно отстояв очередь, первых счастливчиков пускали на заседание. Андрей Николаевич решил попытаться «и в этом хвосту дождаться очреди». «Эти хвосты, — пишет он, — одна из частностей Парижа: вообразите себе, милая маменька, что камора открывается в 12 часов, а на лестнице под открытым небом, в мороз, образуется хвост с 8-ми часов утра. Эти молодцы не имеют другого ремесла, и когда время открытия подходит, то они места свои продают охотникам; кто дает больше, тот становится ближе. Я заплатил 5 франков, стал 4-м, подождал полчаса, продрог и ушел». «Камора» — это *la chambre*, палата.

Однако в «камору» ему попасть все-таки удалось. За 15 франков он купил билет на заседание, где должен был говорить прославленный оратор легитимистов Пьер-Антуан Берье, а на известных риторов публика ходила как на знаменитых актеров. Так было и в случае с Берье: «Трибуны были набиты битком, мужчины с бородами и дамы в черных платьях — признак *faubourg St Germain*, который весь кинулся слушать своего фаворита. Всеобщее ожидание не было обмануто, он говорил прекрасно, говорил резкие истинны министрам и оппозиции...» Однако, как и многие наши соотечественники, в парламентских дебатах Карамзин усматривал лишь бесполезную болтовню: «Прекрасно, но к чему все это? О чём спорят депутаты? Зачем в продолжении двух недель переливают из пустого в порожнее... Дети! Англия премудрая, научи их».

Пьер-Антуан
Берье
(1790–1868),
французский
юрист и политик

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

лестное творение, как оно порхало между небом и землею...» Тальони он описывал так: «Высокая, стройная, гибкая, как лучший цветок прекрасного сада. Говорят, что вблизи она лицом не хороша, но моему обвороженному взору она и сквозь бинокль казалась прекрасною». Несмотря на то, что в Париже, по словам Карамзина, «танцовщиц хороших и хорошеных много», Тальони и Гризи он выделял особенно.

Однажды Андрей Николаевич попал в театр *Porte St Martin* (театр Порт-Сен-Мартен, оперный театр на бульваре Сен-Мартен), где смотрел трагедию Виктора Гюго «Мария Тюдор». Она ему явно не понравилась: «Я не знаю, куда Гюго спрятал свой гений, когда писал эту глупость — сцепление невероятностей даже без судорожного эффекта. Знаю только то, что *ce n'était pas Marie Tudor mais encore André tu dors*, потому что я не на шутку заснул и чуть не покатился со стула, когда на сцене кого-то зарезали». Речь идет о каламбуре: Мари Тюдорозвучно *André tu dors*, то есть «Андрей, ты спиши».

В другой раз, выходя из оперы, он увидел прославленного писателя Оноре де Бальзака,

ТАНЦОВЩИЦЫ И ПИСАТЕЛИ

Конечно, он активно посещал театры, смотрел игру прославленных танцовщиц Марии Тальони и Карлотты Гризи. Гризи он увидел в Итальянской опере, где давали «Анну Болейн», и был поражен ее талантом: «Я преступил против первой заповеди: «не сотвори себе кумира», и каюсь в том, что сотворил себе кумир в лице божественной Grisi. Холод и жар пробегают по телу от игры ея и от ея пения». Столь же сильное впечатление произвела на него и Мария Тальони: «И я, недостойный, смотрел на это пре-

Мария Тальони
(1804–1884),
прославленная
балерина.
Парижскую
публику Мария
покорила
в 1827 году
в «Венецианском
карнавале»,
с тех пор она
часто танцевала
в Парижской
опере.
Гравированный
портрет

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Карлотта Гризи (1819–1899), итальянская прима-балерина эпохи романтизма, первая исполнительница главной партии в балете «Жизель». Гравированный портрет

который был настоящим небожителем и первым модником для своих российских поклонников. Карамзину же он предстал совершенно иным: «Коротенький, толстый, краснощекий, в белом галстуке и шелковой douillette, il a l'air ridicule très peu comme il faut». То есть Бальзак в шелковом пальто для Андрея Николаевича слишком мало походил на человека *comme il faut*, а это, между прочим, было главным желанием писателя: быть принятым в высшее общество. Надо сказать, слава Бальзака к тому времени уже померкла, именно это и почувствовал Карамзин. «Что же касается до литераторов, каковы Balzac et C, то их здесь почти с собаками не отыщешь, — писал он, — их решительно не встретишь ни в одной гостиной; я до сих пор не видел ни одного человека, который бы знал Бальзака, или кого-нибудь из них; они точно в такой же чести, как у нас Греч, Булгарин и пр.».

Андрей Николаевич был частным посетителем салона знаменитой мадам Рекамье. Когдато первая красавица Парижа, Жюльетта Рекамье и в это время была хозяйкой одного из самых прославленных салонов, попасть в который было огром-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ной честью. Она славилась умением собирать у себя людей самых разных политических ориентаций и для каждого гостя находила доброе слово. Карамзин бывал у нее почти каждый день и отмечал, что «эти часы — одни из самых приятных в моем пребывании здесь».

Ф. Жерар.
Портрет мадам
Рекамье.
1802 год

Однажды мадам Рекамье представила Андрею Николаевичу какого-то старика, на которого он «мало обратил внимания». Какова же была его досада, когда позже Рекамье сказала, что это был прославленный писатель и политик Франсуа Рене де Шатобриан.

Как-то в театре Андрей Николаевич застал и королеву с принцессами, но без короля: «Но бедному Филиппу, как ни хочется повеселиться, но его в театр непускают. Чего доброго — подстрелят!» Дело в том, что король Луи-Филипп был рекордсменом по количеству покушений — целых восемь! Поэтому Луи-Филипп жил в постоянном страхе — на его ночном столике всегда лежали два заряженных пистолета и он никогда не гасил свет в своей спальне. Король редко покидал Тюильри, превратившийся для него в «дворец-тюрьму». В город он выезжал только в экипаже, обитом железом. Поэтому дворец Тюильри Карамзин называл «пышной темницей царствующего Колодника» и писал про Луи-Филиппа: «Он почти не выходит из дворца, и то разве с многочисленным конвоем; я пожалел о честолюбце, променявшем свою счастливую участь на терновый венец».

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ПАРИЖА

Побывал Карамзин или, скорее, пробежался со Смирновыми по галерее Лувра: «Мы пробыли в ней около полутора часа и, следовательно, ничего не видали». Посетил собор Парижской Богоматери, который произвел на него неоднозначное впечатление: «Наружность прекрасная. И свет ярко пробегает сквозь почерневшее от времени каменное кружево. Внутренность поражает своей нищетою, и архитектура ея вовсе не удивляет того, кто видел Страсбургский Мюнстер и Кёльнский собор». Его поразила пустота в соборе: «Я глядел с жалостью на этих пастырей без пасты».

Он поднялся на башню Нотр-Дама, чтобы посмотреть

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Т. Аллом. Большая галерея Лувра. Около 1844 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Первое издание романа В. Гюго
Notre-Dame de Paris. Титульный лист.
1831 год

на Париж с высоты птичьего полета: «Весь огромный, старый Париж, увенчанный туманами и дымом, перерезанный желтыми струями Сены, расстилается перед глазом». Он особо отметил, что именно роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», опубликованный в 1831 году, привлек внимание к теме этой святыни и необходимости ее сохранения: «Как ни гово-

Ш. Мерион.
Апсида собора
Парижской
Богоматери.
Середина
XIX века

ри, но Гюго придал *Notre-Dame* большой интерес!» Французы же его поразили прежде всего своим хвастовством: «Вообще удивительно, как французы хвастливы! Как много они кричали про *David et son école*, а посмотришь, просто дрянь...» *Давид* и его школа – это знаменитый французский художник Жак-Луи Давид, ведущий представитель французского неоклассицизма. В итоге Карамзин и сам перенял эту страсть к хвастовству и писал матери: «Позвольте похвастаться», а в скобках по-французски добавлял: «Это влияние прекрасной Франции».

ХОЛОД И ГРЯЗЬ

Мы привыкли, что «холод» – это квинтэссенция восприятия иностранцами России, однако Карамзин очень замерзал в зимнем Париже: 4 градуса ниже нуля переносились как лютый мороз, улицы были неимоверно грязными. Он писал о «непроходимой грязи Елисейских полей», а в другой раз и вовсе воскликнул: «Что за грязь Парижа! И грязь жидкая, липкая».

Как-то ему пришлось отправиться в Страсбург, и по дороге он очень замерз: был снег, а температура ночью опусти-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В парижском
трактире
1830-х годов.
Иллюстрация
к роману Э. Сю
«Парижские
тайны»

лась до минус 5–10 градусов. «Если бы не щелкание кнута и не холодные станции и трактиры, то мы бы могли думать, что едем по степям матушки России». Это весьма любопытный момент: ведь иностранцы воспринимали Россию как царство холода, едва ли не вечной мерзлоты. И только немногие из них, те, кто действительно хотел понять нашу страну, подчеркивали, что, несмотря на мороз на улице, в русских домах, будь то дворец или простая изба, всегда было жарко натоплено. Поэтому у Карамзина и возникло такое интересное сравнение: если бы не холодные помещения, он мог бы подумать, что находится в России. В российских трактирах иностранцев поражало отсутствие кроватей, а Карамзина во французских – холод. «А трактиры? Думаешь согреться, а в них холоднее, нежели на дворе. Огромные камины, заваленные снегом, в котором дрова горят, сияют, но не греют. Дороговизна ужасная. Обед не обходился нам менее 10 франков каждому». В одном месте, продолжал путешествен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Андрей
Николаевич
Карамзин.
Портрет работы
Л. Вагнера.
1840-е годы

ник, на ночлеге «мы сожгли на 15 франков дров, а поутру вода замерзла в рукомойниках». Аналогичное наблюдение касается и дороги: иностранцы, как правило, путешествия по российским дорогам описывали как удивительно скучные, а пейзажи как абсолютно

В.И. Гау. Аврора Карловна Демидова, урожденная баронесса Шернваль. 1845 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

непривлекательные. На Карамзина такое же впечатление произвели французские дороги: «Дорога скучная, пустая, горы теснятся только на самом шоссе, чтобы вас останавливать, а по бокам гладко и гадко».

О приезде в Страсбург русских путешественников сообщали газеты. Правда, весьма своеобразно: писали о прибытии князя Dolgomégu и графа Karamoni. «Каково? Граф Карамони (в других еще Karagnoni), право, не худо!» – смеялся Андрей Николаевич.

В очередной раз в Париже Андрей Николаевич оказался спустя десять лет, зимой 1847/48 года. К тому времени он уже был женат. Его супругой стала красавица баронесса Аврора Карловна Шернваль, вдова Павла Николаевича Демидова. В Париже они были с сыном Авроры Павлом. Что характерно, в этот приезд Андрей Николаевич, как в свое время его отец, застал революцию: в феврале 1848 года режим короля Луи-Филиппа пал, королевская семья была вынуждена бежать в Великобританию.

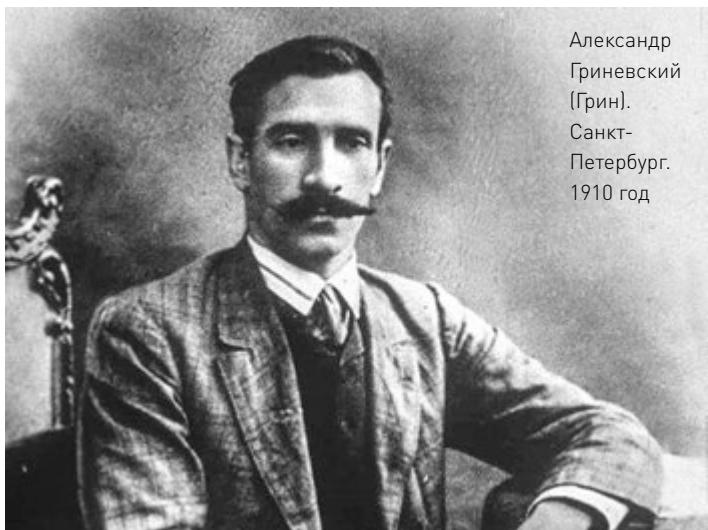
А 16 мая 1854 года Андрей Николаевич Карамзин погиб в ходе Крымской войны.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Вид Страсбурга. Церковь Сент-Этьен и канал Де Фо-Рампар. Литография Зандманна. 1840 год

ДВА МИРА АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Александр
Гриневский
[Грин].
Санкт-
Петербург.
1910 год

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

МОРЕ, НЕБО, МЕЧТА, ПОЛЕТ, ЧУДО – ВОТ, КАЖЕТСЯ, ПРИВЫЧНЫЕ ОБРАЗЫ ПРОЗЫ АЛЕКСАНДРА ГРИНА. ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ ОН ТОТ САМЫЙ ДОБРЫЙ СКАЗОЧНИК ЭГЛЬ ИЗ «АЛЫХ ПАРУСОВ». ХОТЯ ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ, КОНЕЧНО, КУДА СЛОЖНЕЕ. В НЕМ ЕСТЬ МЕСТО И МРАЧНОМУ РОМАНТИЗМУ, И СУРОВОМУ РЕАЛИЗМУ, И ФАНТАСТИКЕ. ОДНАКО ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЭТОГО В БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ. ЖИЗНЬ ЕГО СЛОЖИЛАСЬ ТАК, ЧТО СОБЫТИЙ В НЕЙ ХВАТИЛО БЫ НА ДЕСЯТОК НЕВЕРОЯТНЫХ РОМАНОВ. ПРАВДА, НЕ СЛИШКОМ ВЕСЕЛЫХ.

ГОРОДОК СЛОБОДСКОЙ Вятской губернии. Глухая российская провинция. Здесь 23 августа 1880 года появился на свет Александр Гриневский – будущий писатель Грин, создатель удивительной сказочной страны, названной литературоведами Гринландией.

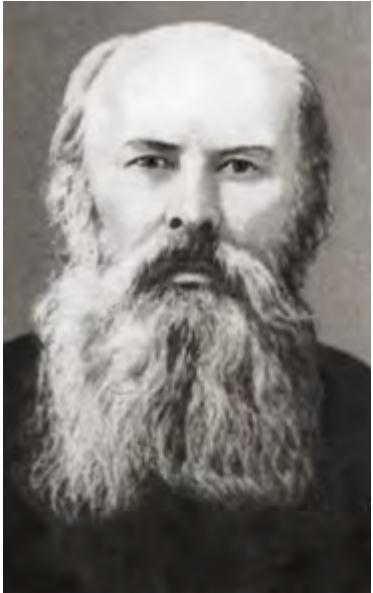
Место рождения кажется совершенно случайным, абсолютно не подходящим для мятежной души автора «Алых парусов» и «Бегущей по волнам». Так, в сущности, и было. Отец писателя, польский дворянин Стефан Евзибиевич Гриневский, в 20 лет был сослан в Томскую губернию за участие

в Январском восстании 1863 года. Через четыре года ему было разрешено переселиться под Вятку. В Слободском он работал то помощником управляющего фотоателье, то конторщиком на пивном заводе. Здесь и женился на 16-летней медсестре Анне Степановне Лепковой. У пары долго не было детей, только через семь лет родился сын Саша. Сразу после этого семья переехала в Вятку, где Степан Евсеевич получил должность бухгалтера в земской больнице.

Детство мальчика было непростым. Сначала его, как долгожданного первенца, баловали. Но затем дети в семье стали рождаться один за другим – Антонина, Екатерина, Борис. Отец выпивал, мать была измучена, быт становился все труднее, денег не хватало. Саша был предоставлен самому себе. Читать он выучился в 6 лет и читал все, что попадалось под руку, грезил о путешествиях, мастерил деревянные мечи, которыми сражался с зарослями крапивы, и луки, из которых стрелял птиц. Лес представлялся ему джунглями, мальчик воображал себя путешественником. «Слова «Ориноко», «Миссисипи», «Суматра» звучали для меня как музыка», – писал Грин в неоконченной «Автобиографической повести». Заметив любовь сына к охоте, отец подарил ему старенькое ружье, и местные колонии рябчиков, дроздов и уток стали нести заметные потери. В 1889 году Сашу отдали в подготовительный класс Вятского реального училища. В число лучших учеников он не входил, да и примерным поведением не отличался. «Я не делал ничего выходящего за пределы обычных проказ мальчишек. Мне просто не везло: если за уроком я пускал бумажную галку – то или учитель замечал мой посып, или тот ученик, возле которого упала сия галка, встав, услужливо докладывал: «Франц Германович, Гриневский бросается

Анна Степановна Лепкова,
мать писателя

Степан
Евзбиевич
(Степан
Евсеевич)
Гриневский,
отец писателя

галками!» — вспоминал писатель. На самом деле все было, конечно, сложнее. Грин-блин, как дразнили его одноклассники, был одинокой, индивидуалистом, казался дерзким. Ровесники с ним не дружили, а взрослые прочили ему безнадежное будущее.

Во втором классе Александр Гриневский написал сатирическое стихотворение об учителях в духе пушкинского «Собрания насекомых». Педагоги юмор подростка не оценили и исключили его из училища. Опасаясь побоев отца, несчастный собрался бежать в Америку. Мальчик продал за 40 копеек книгу из коллекции, доставшейся семье от его покойного дяди, купил фунт колбасы, сыр, хлеб и спички и уже хотел отправиться в путь. Но понял, что такое предприя-

тие требует определенных навыков и сил, которых у него нет. Прослонявшись по улицам города до темноты и продрогнув до костей, он вернулся домой. Ругань отца, слезы матери, проповеди и причитания продолжались несколько дней. Когда все успокоились, отец принялся ходить по инстанциям. Просил, унижался и наконец пристроил 12-летнего Сашу в городское училище, имевшее дурную репутацию. Сюда попадали в основном те, кого из-за поведения исключили из других учебных заведений. Через два года скончалась от туберкулеза мать Саши. Вскоре отец женился на вдове Лидии Борецкой, у которой был сын от первого брака. 14-летний Саша не поладил с мачехой, и его жизнь стала еще сложнее.

Пароход
«Цесаревич»

СКИТАЛЕЦ

Окончив училище в 16 лет, юноша решил покинуть дом. Засобираясь не куда-нибудь, а в Одессу — к морю, поскольку мечтал стать моряком и совершить кругосветное плавание. Отец дал ему 25 рублей, больше он ничем помочь не мог: дома оставались сестры и брат, сын мачехи, к тому же родился еще малыш. Большую часть денег Александр потратил на пароход до Казани и поезд до Одессы, что-то проел в пути. На месте он оказался почти ни с чем. Гриневский ничего не умел, в том числе и располагать к себе людей. Худой, угловатый, в смешных сапогах и нелепой соломенной шляпе, он каждый день слонялся по порту в поисках работы. Но все без толку. Он голодал, спал в ночных лежаках, болел, с ужасом думал о приближающейся осени. Наконец ему повезло: он получил место юнги на пароходе «Платон». Однако ему нужно было оплатить питание во время рейса, для чего требовалось 8 с половиной рублей. Грин пообещал, что заплатит, написал отцу. Тот ответил, что таких денег у него нет, и положил в конверт 3 рубля. Александр все равно отправился в рейс, надеясь, что все как-нибудь решится. Над ним смеялись, грозили снять с парохода за неуплату, но обошлось. Затем Гриневскому удалось устроиться на шхуну «Святой Николай», которая шла из Одессы в Херсон. А в 1897 году на пароходе «Цесаревич» Александр отправился в рейс до Александррии и обратно. Но и здесь не сложилось: Грин поругался с капитаном и был с треском уволен. Выхода не было: в июле 1897 года оборванный и нищий юноша вернулся домой. В Вятке он работал то писцом в канцелярии, то банщиком. Через год затосковал, его снова манила морская романтика. Теперь он отправился в Баку. Год на Каспии прошел еще хуже, чем на Черном море. Удивительно, как после всех скитаний он вообще выжил. Потом опять была Вятка, затем Урал. Гриневский работал лесорубом, золотоискателем, шахтером. Но ничего не получалось, и ему каждый раз приходилось возвращать-

ся к отцу. А тот, от греха подальше, снимал непутевому сыну комнату: отношения с мачехой у Александра совершенно разладились... В 22 года неприкаянный молодой человек попал под суд за попытку продать золотую цепочку, украденную его соседом по съемной квартире. Благодаря хлопотам отца он был оправдан. После этого Александр отправился служить в армию. Результат был предсказуем: армейская дисциплина и мятежная душа – явления несовместимые. За полгода службы Грин три месяца провел в карцере, а потом просто сбежал. Его поймали, он сбежал снова и приился к эсерам, которые вели активную пропаганду в армии. Грин проникся к ним симпатией. Революционеры же задали жизни Грина новое направление. Устав от вечных передряг, доведенный до отчаяния, он согласился даже стать террористом. Но все изменили несколько месяцев тихой, спокойной жизни.

Эсеры отправили Грина в Тверь «на карантин». «Карантин» – время, необходимое новичку, чтобы освоиться в новом городе, привыкнуть, показать себя честным обывателем. Думать о хлебе начинающему революционеру было не нужно, его обеспечивали. И вот в таких условиях Грин вдруг понял, что жизнь-то хороша и приносить ее в жертву какой-то идее – глупо. В общем, когда время пришло, он объявил кураторам, что не готов проливать ни свою, ни чужую кровь. Грина перевели в агитаторы и отправили в Севастополь.

Агитатор из Гриневского получился прекрасный. Пропаганду он вел среди матросов, психологии и образ жизни которых изучил во время плаваний. Его слушали. Нет – ему внимали. Эсер Наум Быховский как-то сказал Грину, что из него вышел бы хороший писатель. Слова эти запали в душу подпольщика. Впрочем, еще эту душу волновала любовь к соратнице Екатерине Бибергаль (партийный псевдоним Киска). Наверное, все могло сложиться хорошо, если бы эти чувства были взаимными, если бы мо-

А.С. Гриневский.
Страница из
дела Канцелярии
архангельского
губернатора.
Апрель 1911 года

лодые люди оставили политическую борьбу, занялись бы мирным трудом и сосредоточились на собственном счастье. Но... В октябре 1903 года Гриневского арестовали в Севастополе. Наказание могло бы быть самым суровым, но, пока тянулось следствие, пока заключенный раздумывал, как бы организовать побег, разразилась первая революция и Грина освободили по амнистии в ноябре 1905 года. Выйдя из Феодосийской тюрьмы, он отправился в Петербург, который посещать ему воспрещалось. Но что значат запреты, если там обосновалась после возвращения из Швейцарии Бибергаль? Красивой встречи не получилось. Киске нечем было ответить на порывы влюбленного. Вспылив, Грин выстрелил и ранил возлюбленную. Она выжила и даже не выдала Александра. Но он все равно снова попал в тюрьму – за нарушение режима. И тут началась новая страница его жизни.

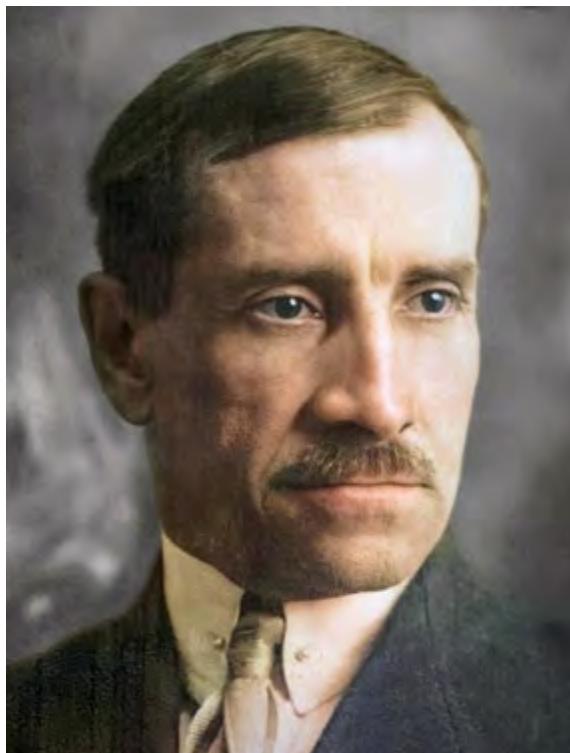
Вера Павловна
Абрамова
(Кали茨кая),
первая жена
Грина

КАК В РОМАНЕ

В 1912 году Грин напишет рассказ «Сто верст по реке». Сюжет совершенно умопомрачительный, поверить в его реальность практически невозможно. Беглый каторжник волей обстоятельств оказывается в одной лодке с благородной девицей. Каторжник молчалив и сердит, если и открывает рот, то чтобы сказать какую-нибудь гадость: например, что женщины – мировое зло. Дама, вместо того чтобы огнеть грубияна веслом, проникается к нему странным сочувствием и симпатией, а в минуту опасности еще и помогает. Они расстаются, героя постоянно преследуют, устав уходить от погони, он врывается в дом новой случайной знакомой, где падает к ее ногам, успевая крикнуть: «Я... весь; все тут!» А потом, как говорится, они жили долго и счастливо и умерли в один день. «Что за дикая фантазия!» – воскликнет читатель. Вообще-то это творчески переосмысленная история знакомства Грина с первой женой. Вера Абрамова (во втором замужестве Кали茨кая), дочь богатого чиновника, выпускница Бестужевских курсов, начинающая писательница, идеалистка, сочувствовавшая революции и работавшая на добровольных началах в Красном Кресте, сама пришла к Грину в тюрьму. В то время существовало движение так называемых тюремных невест, состоящее из женщин, готовых поддерживать политических арестантов. Нашли такую и Грину. И он к ней потянулся душой. А потом, когда его отправили в сибирскую ссылку, сбежал в первые же дни, раздобыл новый паспорт и отправился в Петербург, где сразу разыскал дом Абрамовых. «Вот и определилась моя судьба: она связана с жизнью этого человека. Разве можно оставить его теперь без поддержки?» – вспоминала позже этот эпизод Вера Кали茨кая. Отец не поддержал выбор дочери, и Вера ушла к Грину, снявшему маленькую квартируку на Васильевском острове. Жили

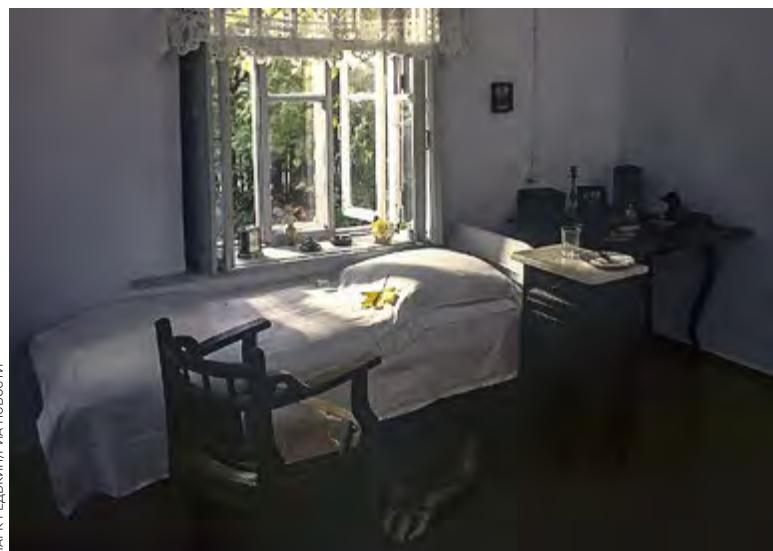
очень тяжело. Вера Павловна трудилась в лаборатории Геологического института, Грин писал, входил в литературную божему Петербурга, спешил жить, наверстывал упущенную молодость. Причем со всей страстью – сорил деньгами, пил. А Вера латала дыры в бюджете, терпела мрачного похмельного мужа и чем дальше, тем меньше его понимала. Так они протянули семь лет. И даже обвенчались, когда Гриневского разоблачили и отобрали поддельный паспорт. Его снова осудили, отправили на Север, в Архангельскую губернию. Вера Павловна последовала за ним. Это – жизнь.

А вот – литература. Первые рассказы Грина – «Заслуга рядового Пантелеева», «Слон и Моська» – были написаны по заказу партии эсеров. За них он получил гонорар в 75 рублей. И почти сразу после этого с приятелями-революционерами Грин разошелся. Дальше о своем богатом опыте он пишет уже без всякого идеологического управления. Критическому осмыслению подвергается этап общения с террористами («Марат», «Карантин»), скепсису – роль женщины в революции («Апельсины», «Маленький комитет»), заново писатель переживает тоску тюремного заключения, острую жажду побега, чтобы наконец отпустить прежнюю боль («На досуге», «В Италию»). В 1908 году

А.С. Грин

выходит первый сборник рассказов, «Шапка-невидимка». Никакой фантастики тут еще нет. Дальше – больше. В духе времени Грин уходит в декадентство, пессимизм, даже в хоррор и готику. Он мог встать в один ряд с Эдгаром По, Леонидом Андреевым, Федором Сологубом. В 1908–1909 годах выходят рассказы «Убийца», «Кошмар», «Маньяк». Кажется, на этом фоне может выделиться рассказ «Рай», но название – обман, это история о клубе самоубийц. В это же время Грином написан совер-

Комната
в Литературно-
мемориальном
музее
Александра
Грина. Феодосия

шенно жуткий рассказ «Окно в лесу». В нем уже появляются вкрапления иных миров в привычную реальность. Если позже иные миры Грина станут прекрасными южными землями, экзотическим Зурбаганом, то здесь смешение привычного и небывалого вселяет ужас. Лес этот бесконечно страшен, но еще страшнее в этой странной параллельной реальности люди. Выходом Грина на свою собственную дорогу можно считать новеллу «Остров Рено», написанную в 1909 году. Здесь появляются уже оформленная вымышленная страна и люди с необычными именами. И отчетливо звучит мотив индивидуализма, противопоставления героя-одиночки, стремящегося к свободе, всему остальному обществу. Грин и сам понял, что это новый этап. В этой художественной реальности он почувствовал себя наконец как дома, и рассказы об островах, кораблях, смелых, дерзких героях и прекрасных девушках стали появляться один за другим. Все это было так ярко, необычно, затейливо и, как ни странно, правдиво, что про писателя даже пустили слух, будто он убил и ограбил английского капитана и присвоил себе его рукописи. В 1912 году Грин вернулся в Петербург из архангельской ссылки. Конечно, он надеялся прочно закрепиться в литературном мире. Однако выходили его рассказы в основном в изданиях второго и третьего ряда. Исключение составляли публикации в «Русской мысли» и в «Современном мире», появившиеся благодаря дружбе с Александром Куприным. Но большая литература принимать Грина не спешила: «иностранные» сюжеты его рассказов казались слишком экзотичными, оторванными от русской реальности. Не исключено, что мешал еще и характер писателя, многим он представлялся угрюмым, едким, скандальным и странным. Жена, между прочим, тоже не выдержала его натуры и пьяных загулов. В 1913 году она ушла от Грина...

РАЗРЫВ МИРОВ

С 1914 года Грин сотрудничает с «Новым Сатириконом», «Нивой», «Отечеством». Работает неизменно плодотворно. И проза его очень разнообразна. Яркая, веселая история «Капитана Дюка» сменяется предчувствием большой войны, вылившимся в сюжет «Повести, оконченной благодаря пуле». С началом войны Александр Грин пишет несколько рассказов, проникнутых идеями пацифизма. Потом появляется тонкая психологическая новелла «Возвращенный ад», еще позже – философская повесть о столкновении противоположных миров «Искатель приключений».

В 1916-м писатель вновь вынужден бежать из Петрограда в Финляндию: полиция узнала, что он слишком дерзко отзывался о монархе. В город Грин вернулся сразу после Февральской революции. Свидетельствовало ли это о его отношении к историческим событиям? Едва ли. С идеалами революционной борьбы Грин рас прощался еще в ранней молодости – он категорически не хотел больше ни к кому прымять. Пожалуй, у него были надежды на общее обновление, но последующие события разбили вдребезги и эти наивные чаяния. Октябрьская революция и Гражданская война погрузили страну в хаос, повсюду царствовали нищета, болезни, страх. В 1919 году Грина мобилизовали в Красную армию, что только усилило его ужас от всего происходящего. Несмотря на то, что он заболел тифом, можно сказать, ему повезло: врачи сжалились над ним и отправили в Петроград – лечиться от туберкулеза.

В городе было не лучше: свирепствовал голод, жилья и работы не было. Помог Максим Горький, благодаря которому Грин получил комнату в «Доме искусств» на Мойке и паек. Его соседями были Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Вениамин Каверин. Но писатель почти ни с кем не общался. Был занят. Чем? Это невероятно, но именно в это самое тяжелое вре-

Александр Грин с женой Ниной Николаевной. Старый Крым. 1926 год

Комната, в которой Александр Грин в 1927–1929 годах работал над новыми романами. Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С. Грина

мя Грин пишет свою знаменитую оптимистическую феерию «Алые паруса». Позже в ней увидят революционный пафос, неслучайно ведь паруса алые, не зря ведь повестью восхищался Горький. Но это, конечно, спорно. Ближе к истине оказался Андрей Платонов, заметив, что в феерии «народ по-прежнему остался на берегу». «Алые паруса» Грина, скорее, о торжестве индивидуализма, о победе подлинно свободной личности, вырвавшейся из толпы. Такие личности могут обрести счастье с немногими, по-настоящему своими, с такими же избранными: они сами создадут себе ту жизнь, какую хотят. А общество их никогда не поймет. Этот мотив позже усилится и усложнится в «Блистающем мире», где на человека, умеющего летать, способного подняться над обыденностью, буквально объявляется

охота. В «Алых прусах» эта идея звучит еще еле заметно, ее заглушает пафос спасительности мечты в жизни человека.

Мечта, вера в прекрасное, несмотря ни на что, спасла и самого Грина. В 1921-м он встретил Нину Николаевну Миронову. Они были знакомы с 1918 года по работе в газете «Петроградское эхо», но не сближались: Нина была замужем, потом уехала из Петрограда. Но муж ее погиб на войне, сама она, вернувшись в город, оказалась, как и многие, в трудном положении. В таком же был и Грин. О том, что он в реальности наблюдал, что испытывал в послереволюционном Петрограде, Александр Степанович описал в двух, пожалуй, лучших своих рассказах – «Крысолов» и «Фанданго». В первом он показал, как на фоне всеобщей разрухи и отчаяния на белый свет выходит все самое гнусное, подлое, страшное – крысы, стремящиеся захватить мир. Во втором – изобразил, как умаляется человек в тяжелых обстоятельствах, как в стремлении выжить он отказывается от красоты, мечты, веры в то, что жизнь не сводится к добыванию дров, мыла и хлеба. Причем мрачный реализм тут сочетается все с той же летящей фантазией Грина, суровая правда жизни – с силой

Е. ГЛАЗАЧЕВА / РИА НОВОСТИ

мечты. И это двоемирие производит по-настоящему ошеломительный эффект.

Впрочем, эти рассказы будут написаны позже, когда беда отступит. А пока, находясь в тисках нужды, болезней, голода, Александр Степанович писал свою прекрасную сказку. И посвятил он ее Нине Грин. Писатель сделал ей предложение через месяц после новой встречи. Они прожили вместе одиннадцать лет – все, что остались писателю.

Первые годы жизни с Ниной Николаевной Грин почти не пил. Был постепенно налаживался. Писатель стал получать приличные гонорары. После публикации «Блистающего мира» в 1924 году он закатил настоящий пир. А еще семья смогла купить в Ленинграде небольшую квартиру. Но с появлением денег проснулись дурные привычки писателя. Снова начались запои, скандалы и неприятности. Обострились старые болезни. Квартиру пришлось срочно продать. Пара отправилась в Феодосию – за скромной и тихой жизнью, подальше от богемы и соблазнов.

Переезд в Крым благотворно сказался на творческой активности писателя – он пишет роман за романом. В 1925 году появляется «Золотая цепь», в 1926-м Грин заканчивает «Бегущую по волнам», в 1928-м – «Джесси и Моргиану», в 1929-м – «Дорогу никуда». Вот только пуб-

МАРК РЕДКИЙ/РИА НОВОСТИ

ликовать работы становилось все труднее. «Бегущая» ждала своего часа два года. Ее отклонили несколько издательств, а когда роман все же выпустила «Земля и фабрика», его добила критика. «Идеологический тупик», «идеалистическая философия», «творчество Грина чуждо нашей современности» – так писали о книге. Публикация «Джесси и Моргианы» – истории о любви, ревности, зави-

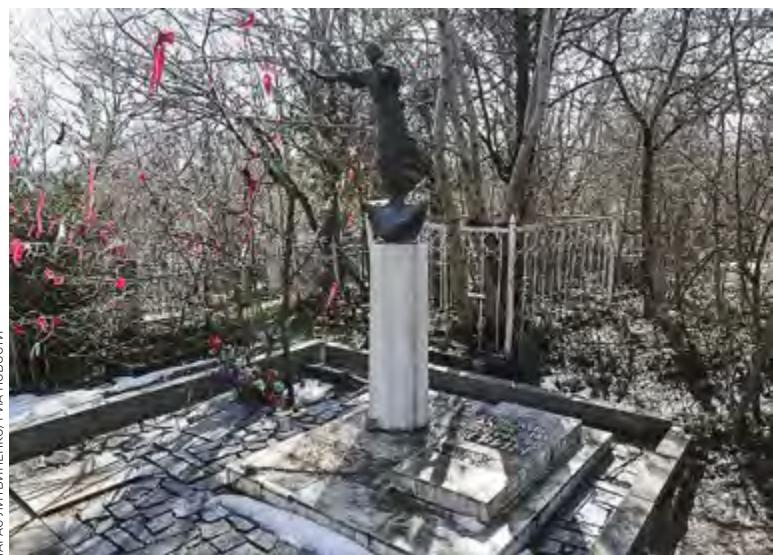
Феодосийский
литературно-
мемориальный
музей
Александра
Грина

сти, столкновении добра и зла без какой-либо социальной подоплеки – прошла почти незамеченной. Роман с названием «Дорога никуда» в год «великого перелома» мог быть и вовсе воспринят как откровенный политический вызов. Никаким вызовом он, конечно, не был. Хотя... Действие этого романа происходит в вымышленной стране, а общее настроение близко к упадническому. Это уже не роман о спасительности мечты, это роман о разочаровании.

В 1930 году советская цензура из-за невозможности Грина пойти с эпохой наложила запрет на переиздание уже написанных книг и ограничение на выпуск новых. Примерно в это же время Грин ведет тяжбу с частным издателем Вольфсоном, с которым в 1927-м заключил контракт на издание 15-томного собрания сочинений. Издательство было арестовано ГПУ, писатель пытался получить свои деньги несколько лет. Когда он этого добился, их съела инфляция.

Самым мрачным произведением Грина становится неоконченная «Автобиографическая повесть». Писатель работает над ней последние годы жизни, уже неизлечимо больной, подавленный безденежьем и отчаянием. В 1931-м печатаются отдельные главы повести, потом их издание прерывается. Грин обращается за помощью в Союз писателей, просит о пенсии, пишет о своем бедственном положении Горькому. Ответов нет. В мае 1932 года от Союза писателей пришел перевод на 250 рублей Нине Николаевне Грин – «вдове писателя». В это время Александр Степанович был еще жив, хотя и чувствовал себя очень плохо. 6 июля он позвал священника, исповедовался, 8-го – перестал дышать.

Александра Степановича Грина похоронили на городском кладбище Старого Крыма, что у трассы Симферополь – Керчь. Место его упокоения узнать легко: над могилой установлен памятник «Бегущая по волнам»...

Могила писателя
в городе
Старый Крым

ГОРДЫЙ ЗАМОК

АВТОР

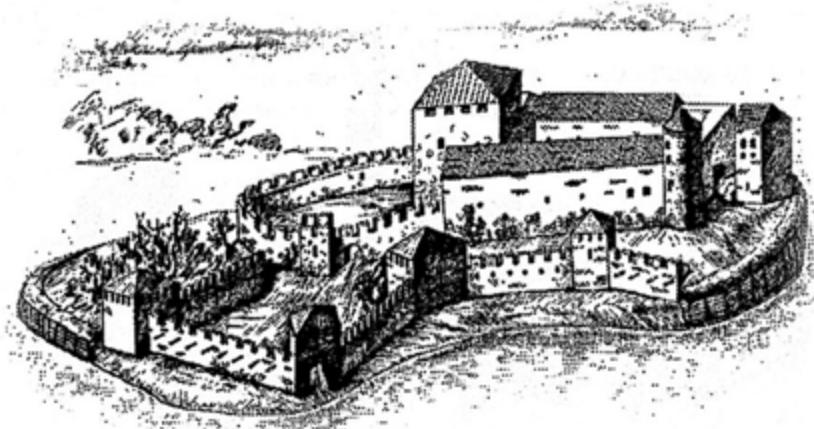
ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

СТЕНЫ ЭТОГО ДРЕВНЕГО ЗАМКА НА ОСТРОВЕ В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ НЕМАЛО ПОВИДАЛИ НА СВОЕМ ВЕКУ. ЗДЕСЬ СЕДЫЕ БАЛТИЙСКИЕ ВОЛНЫ ВЕДУТ БЕСКОНЕЧНЫЙ РАССКАЗ О КАНУВШИХ В НЕБЫТИЕ КОРАБЛЯХ, А ВЕТЕР ПОЕТ О ГЕРОЯХ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ. ВЕДЬ КОГДА-ТО ВЫБОРГСКИЙ ЗАМОК ВЫДЕРЖАЛ НЕМАЛО ОСАД...

рыми Великий Новгород вел оживленную торговлю. Тогда же в Новгородской Первой летописи появилась короткая запись: «Пришедши Свяя, поставиша город на Корельской земли». В том же году новгородцы во главе с князем Романом Глебовичем пытались отбить остров, но потерпели неудачу.

ЕГО ИСТОРИЯ НАЧАлась в конце XIII века. В 1293 году на побережье Финского залива высадились шведы. Они уничтожили местное карельское поселение, сожгли сторожевой пункт на небольшом скалистом острове и заложили на нем замок, назвав его Выборг («Святая крепость»). Дело происходило во время Третьего шведского крестового похода на земли финно-угорских племен, с кото-

Вид
Выборгского
замка
во второй
половине
XV века.
Реконструкция

За семь веков Выборгский замок много-кратно перестраивался, несколько раз горел, но все же устоял под натиском неумолимого времени

ГАЛИНА КИМ/РИА НОВОСТИ

СЕРДЦЕ ЗАМКА

Донжон Выборгского замка, его сердце – Башня Святого Олафа. Размеры и толщина ее стен (в основании до 5 метров) наводят на мысль, что изначально заморские захватчики планировали построить на острове только башню, в которой мог разместиться гарнизон. Однако шведско-новгородские войны не утихали. И после очередной неудачной осады новгородцев, в 1294–1295 годах, шведы решили усилить оборону, построив стену, окружившую донжон каменным кольцом.

В 1555 году Выборгский замок посетил с инспекцией шведский король Густав I Ваза. Осмотрел укрепления и распорядился перестроить их, ведь войны в то время уже велись с применением артиллерии.

Так норвежский художник Петер Арбо изобразил смерть Олафа Святого

Выборгский замок, с которым связано столько имен и событий, возведен на небольшом острове. Его длина – 170 метров, ширина – около 120. В своей основе остров – это надводный выступ одного из крупнейших гранитных массивов мира, Выборгского plutona. Скала разделена трещиной, заполненной крупными валунами. Да, Замковый остров фактически состоит из двух частей. На одной находится Башня Святого Олафа и постройки Нижнего двора, на другой – Главный корпус с внутренним двором. Разлом почти совпадает с расположением прохода с Верхнего двора во внутренний. Этот остров, разделенный расселиной, – своеобразный символ. Ведь построенный на нем замок одинаково связан и с европейской, и с русской историей.

Под руководством немецкого мастера Иоганна де Порте верхние ярусы донжона разобрали до уровня второго этажа. На этом каменном основании были возведены новые стены, уже из кирпича. Два яруса построили в форме четырехгранника, а три верхних – восьмигранника. Так башня стала семиэтажной.

Олаф II Святой, в честь которого названа башня, был королем Норвегии в 1015–1028 годах. Он прожил недолгую, но яркую жизнь, с юных лет участвуя в политических интригах и борьбе за власть, в том числе и на Британских островах. В 1013 году в Руане Олаф принял крещение, в 1015-м был провозглашен королем Норвегии и стал обращать поданных в христианство. Его женой должна была стать Ингигерд – дочь правителя Швеции Олафа Шётконунга; враждующие страны рассчитывали, что этот брак поможет установить мирные отношения. Но в итоге шведский конунг передумал и выдал Ингигерд за русского князя Ярослава Мудрого. А Олаф II женился на ее сестре Астрид.

Христианизация, борьба с язычеством и укрепление Олафом II королевской власти раздражали старую норвежскую знать. В итоге она поддержала претензии на Норвегию короля Англии и Дании Кнута Великого. В 1027 году началась война: Олаф, поддержанный своим тестем, напал на Данию, но потерпел поражение и вместе с малолетним сыном Магнусом бежал к князю Ярославу Мудрому в Новгород. А через два года король отправился в Норвегию, чтобы вернуть свой престол, но в битве при Стиклакладире был убит. В 1031 году норвежский епископ Гримкель «по решению всего народа» объявил о канонизации конунга Олафа. Волею судьбы он оказался последним святым, канонизированным до схизмы 1054 года. Так что Олафа Святого почитают и в католической, и в православной церкви...

Верхние этажи донжона сильно пострадали в начале XVIII века во время осады Выборга русскими войсками. Свой нынешний облик башня приобрела в XIX веке, когда над ее стенами был возведен барочный купол. Строительство завершили уже инженеры Российской империи.

ИМЕНА И СУДЬБЫ

Наместниками Выборгского замка обычно назначались представители знатных шведских семей. Пожалуй, самым знаменитым из них был Карл Кнутссон Бунде, которого называют «центральной фигурой истории Швеции XV века». В 26 лет он стал риксхёвитсманом (военным управляющим) королевства, потом регентом – фактическим правителем Швеции. Позже ему в управление была пожалована Финляндия, и резиденцией Бунде стал Выборгский замок. Наместник возвел новую оборонительную стену с башнями, перестроил под жилые покой третий этаж кастеля (главного корпуса), примыкавшего к Башне Святого Олафа, а под военные нужды возвел четвертый этаж. Бунде покинет Выборгский замок через шесть лет – в 1448 году, чтобы стать шведским королем Карлом VIII. Кстати, нынешний король Швеции – его прямой потомок.

По свидетельству хронистов, одним из самых одаренных и авторитетных наместников замка был Эрик Турссон Бельке, получивший этот пост в 1499 году. К этому моменту разлад в отношениях Русского государства и Ганзейского союза привел к сворачиванию торговых отношений между этими политическими игроками. Рыцарь Бельке быстро сориентировался в ситуации и, воспользовавшись шансом, превратил Выборг в центр транзитной торговли.

Его супруга, Гунилла Юхансдоттер Бесе, тоже вписала свое имя в историю. После смерти мужа в 1511 году она на протяжении двух лет управляла замком, обороняя его и от неприятелей, и от назначенного нового наместника, кандидатура которого не устраивала властную даму. Гунилла просто не пустила его в замок. Она же смогла возобновить мирные переговоры с Москвой, предотвратив тем самым новое нападение русских войск на Выборг. А в 1513 году добилась назначения на должность наместника своего зятя – лорда Тюне Эрикссона Тотта.

Замковый
кот Персей
надменностью
не уступает
средневековым
шведским
аристократам

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Однако стоит вспомнить и о том, кого считают основателем Выборгского замка. Судьба рыцаря Торгильса Кнутссона сложилась довольно драматично. Он был маршалом в правление короля Магнуса Ладулоса, а затем стал регентом при его сыне Биргерге Магнуссоне. Составленная неизвестным шведским автором «Хроника Эрика» сообщает, что в это время «мир и покой царили на просторах, лишь по законам все споры решали, люди про тяжбы не вспоминали». Организованный Торгильсом Кнутссоном завоевательный поход в карельские земли стал первым событием в русско-шведских отношениях, зафиксированным в анналах обеих сторон. Правда, участвовал ли сам регент в этом походе, неизвестно. Однако «Хроника» повествует, что в 1300 году Торгильс Кнутссон лично предводительствовал другим походом, в ходе которого у впадения Большой Охты в Неву шведы основали крепость Ландскрону. Правда, в следующем году новгородцы ее разрушили.

Торгильс Кнутссон управлял королевством двенадцать лет. После коронации Биргера Магнуссона он стал его доверенным лицом и ближайшим советником. Но через четыре года в результате дворцовых интриг рыцарь был брошен в темницу и казнен в 1306 году. Смерти Кнутссона требовали братья короля – Эрик и Вальдемар. Однако добра им в итоге это не принесло. Спустя одиннадцать лет Биргер Магнуссон пригласил их на пир, приказал схватить и заточить в подземелье, где их уморили голодом.

«Выборгский гром» на *Carta Martina* 1539 года – одной из самых ранних исторических карт Северной Европы

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОРПОСТ

С момента своего основания Выборгский замок (а после и возникший вокруг него город) привлекал особое внимание русских правителей – сначала новгородских, а затем и московских князей. И это неудивительно, ведь он являлся фактически главным шведским форпостом на землях, за которые спорили Русь и Швеция.

В 1322 году московский князь Юрий Данилович вместе с новгородцами попытал счастья в походе против шведов. Простояв под стенами Выборга месяц, они вынуждены были отступить. Не помогли даже «пороки» – камнеметные машины. Новгородская Первая летопись старшего извода сообщает: «Биша из шестью пороков, тверд бо бе, и избиша много немец в городе, а иных извещаша, а иных на Низ поведоша; и стоявше месяц, приступиша и не взяша его; но за грехи наши неколико муж добрых паде».

В 1495 году была предпринята еще одна попытка захватить замок, вошедшая в историю, а заодно и в легенду, как «Выборгский гром». Причем комендант Выборга вписал в нее свое имя совсем не так, как ему хотелось бы. Рыцарь Кнут Поссе, славившийся своей храбростью и боевым опытом, был назначен наместником Выборга в 1494 году, когда над Швецией нависла угроза очередной войны с Россией. Он сумел отстоять город, но запомнили его не как полководца, а как... колдуна-черно книжника.

Осенью рать великого князя Ивана III осадила Выборг. Дальнейшие события, по легенде, развивались следующим образом. Якобы чернокнижник Поссе сварил в котле адское зелье из ртути, жаб, змей и прочих гадов и 30 ноября, в решающий момент штурма, взорвал одну из башен крепостной стены. Правда, стоит напомнить, что в те времена в военных действиях уже активно использовался порох, так что для подрыва башни никакого колдовского

зелья не требовалось. Контрата-ка защитников города (в хрони-ках указывается, что комендант Помссе действовал «со сверхъ-естественной смелостью») до-вершила дело – русские вой-ска отступили. Кстати, это была единственная неудача в блестя-щей военной карьере русского воеводы Даниила Васильевича Патрикеева по прозвищу Щеня. Некоторые исследователи счи-тают, что в удачном для шве-дов исходе осады сыграла свою роль и гибель Ивана Андре-евича Субботы Плещеева. Пред-полагается, что именно этот представитель знатного бояр-ского рода командовал штур-мом. Смерть коменданта могла привести атакующих в расте-рянность и заставить отступить. Не случись этого, Выборг, воз-можно, мог стать русским на-двести лет раньше...

Гордый замок на острове по-корится только Петру Вели-кому. В 1703 году на берегу Невы Петр I основывает Санкт-Петербург. И прекрасно укреп-ленный Выборгский замок с большим шведским гарнизо-ном становится явной угрозой для новой российской столицы. В 1706 году царь лично возглав-ляет осаду Выборга, но она завер-шается неудачей. Не было судов, необходи-мых для блокады горо-да с моря, не хватало и артилле-рии. Следующий поход на Вы-борг Петр I предпринял в 1710 году. Русское команда-ние про-явило завидную изобретатель-ность: корпус под команда-нием генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина в марте, в сильный мороз, совершил пе-реход по льду Финского залива с острова Котлин к Выборгу (более 120 верст!). И 21 марта осадил го-род с суши, поразив гарнизон замка своим внезапным появле-нием. В мае к крепости прибыл русский флот, на два дня опе-редив спешившую на помощь осажденным шведскую эскадру адмирала Ватранга. Начался об-стрел крепости. Штурмовать Вы-борг не пришло-ось: комендант Магнус Шернстролле, не дождав-шись адмирала Ватранга, начал

Осада крепости
Выборг
1710 года.
Иллюстрация
из «Книги
Марской»
А.-М. Мале.
1715 год

Пересечение
эпох в Выборг-
ском замке

переговоры о капитуляции. По слу-чаю победы была выбита ме-даль с надписью «Взят дерзно-венный». Так Выборгский замок стал русским. Сообщая в письмах о взятии Вы-борга, Петр I писал, что с этого момента «конечное безопас-ние Санкт-Петербургу полу-чено». Теперь Россия обладала не только выходом к Балтийскому морю, опорным пунктом для подготовки продвижения рус-ских войск в Финляндию, но и мощной крепостью, обеспе-чивавшей безопасность Петер-бурга. После заключения в 1721 году Ништадтского мира, завер-шившего Северную войну, Вы-борг официаль-но стал частью Российской империи.

БАШНИ И ДВОРЫ

Здесь на каждом шагу – исто-рия. Взять, например, замковый мост. Конечно, не нынешний, построенный значитель-но позже. Речь идет о его ста-ринном предшественнике. В XVI веке Русская армия в очередной раз осадила Выборг. Но всего через три дня осада была снята благо-даря именно замковому мосту, точнее, его хитроумному ис-пользованию. Ночью по нему беспрестанно ездили повозки, их грохот убедил осаждавших, что на помощь защитникам горо-да идет большая армия. Рус-ские войска благоразумно ре-шили не рисковать.

Некогда на Замковом острове было восемь башен, до наших дней сохранились три: донжон, Райская башня, а также Баш-ня Сапожника. Последнюю от-личает необычная форма: у нее очертания неправильного пятиугольника, посколь-ку построена она на неровном скло-не скалы. Из названия ясно, что в мирное время в башне разме-щалась мастерская сапожни-ка. А когда начинались боевые де-йствия, ремесленники усту-пали место стрелкам.

Что касается Райской башни, то историки до сих пор раз-мышляют над происхождени-ем ее названия. Слово *paradis* («рай» – образовано от лат. *paradisus*) шведы заимствова-ли из латыни. Но у него есть и второе значение – сад, окру-женный стеной. Известно, что в Средние века ухоженные сады считались земным во-площением рая. Не исключено, что именно под стенами этой башни на южной сторо-не Замкового острова был раз-бит «сад пряностей», о котором вскользь говорится в выборг-ских отчетах. А еще эта башня могла получить свое название из-за парадных интерь-еров: в ней находилась одна из самых красивых комнат замка.

Замковые строения закручи-ваются вокруг Башни Свято-го Олафа по спирали, будто бы напоминая об извечном движении времени. Внутрен-

ФОТОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

После турнира

нее пространство Выборгского замка – система дворов, соединенных улочками или террасами. Причем к дворам относятся не только обширные площадки, но и узкие пространства между зданиями.

ПОД ЗНАКОМ МЕЧА

Самой древней находкой на Замковом острове стал меч эпохи Высокого Средневековья, обнаруженный недалеко от Башни Святого Олафа в 1982 году археологом Вячеславом Тюленевым. По сей день это единственный меч, который удалось найти на территории Выборга – города, веками бывшего местом русско-шведского противостояния.

Из полустертой надписи на клинке специалист по древнерусскому оружию Анатолий Кирпичников выяснил, что этот меч выковал оружейник по имени Этцелин (или Этцель). Какими путями меч, изготовленный во Франкском королевстве в конце XII века, оказался в Выборге, неизвестно...

Находка получилась символичной. В замке, ставшем в 1960 году музеем, в наши дни проходят рыцарские турниры и стать звеницей о стали. На фестивале «Средневековые дни в Выборге», который проводится в замке каждый год, встречаются две эпохи – XIII и XV века. Это логично: замок на острове был заложен в конце XIII столетия, а основные события, с ним связанные, датируются как раз XV веком. А поскольку мы с мужем занимаемся исторической реконструкцией, бывать в Выборге доводилось не раз.

При моем непосредственном участии на турнире XIII века появилась дополнительная номинация – поединки на «полуторных» мечах, без щитов. Однажды на турнир я вышла рыцарем инкогнито. Три поединка подряд – с любым, кто ответит на мой вызов. Было удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение крыльев за спиной. А в финале – роза в дар неизвестному рыцарю от Суда Прекрасных дам и просьба раскрыть инкогнито, то есть снять шлем. Розу я сохранила...

В вечерних маневрах на Нижнем дворе замка участвовали рыцари, которые в реальности никогда бы не встретились, потому что их разделяло бы почти два столетия. Представители двух разных эпох сражались строй на строй. Под мелким дождем, под гаснущим синим небом, в золотом свете фонарей. На ограниченном пространстве без возможности маневра. С очень большой вероятностью, что тебя или сбьют с ног, или сам споткнешься.

Событий на фестивале всегда хватает: рыцарские турниры, вечерние маневры, танцы... Каждый день приходилось менять шелк на сталь и наоборот. Но здесь время будто бы замедляет свой бег. И удается любоваться тем, на что в вечной спешке повседневности обычно не хватает времени. Смотреть, как играют солнечные блики на воде, как на ветру колышутся листья, как перекликаются чайки, плавают и ныряют утки... А утром солнечный свет открывает порталы в иные миры... ☺

УСАДЬБА ДВУХ ПОЭТОВ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВСТРЕЧАЛИСЬ ЛИ ВАМ В ПОДМОСКОВЬЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ УСАДЬБЫ, В КОТОРЫХ ДО СИХ ПОР ЖИВУТ ПОТОМКИ ЗНАМЕНИТЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ? ПОЖАЛУЙ, ТЮТЧЕВСКОЕ МУРАНОВО – ЕДИНСТВЕННЫЙ ТАКОЙ ПРИМЕР: ДАЖЕ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА ОСТАВАЛИСЬ В НЕЙ. НО, КАК ГОВОРИТСЯ, ЕСТЬ НЮАНС: БОЛЬШИНСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПОЛАГАЮТ, ЧТО САМ ФЕДОР ИВАНОВИЧ В ЭТОМ ИМЕНИИ НИКОГДА НЕ БЫВАЛ...

ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ свидетельств того, что Тютчев (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2011 год, статья «Почти иностранец») приезжал в дом своей невестки Ольги Николаевны, не сохранилось, но сотрудники музея верят: такое вполне могло произойти. Тем более что именно в Муранове уже после смерти поэта долгие годы проводила летние сезоны его вдова Эрнестина Федоровна. Для нее здесь построили отдельный флигель,

в котором до сих пор проживают потомки поэта. В Мураново баварская баронесса перевезла обстановку рабочего кабинета и спальни покойного мужа, а также его личные вещи и архив. Тютчевские мемории заняли почетное место в господском доме, некогда построенном другим поэтом – Евгением Боратынским. Именно он в 1842 году по собственному проекту и возвел этот необычный особняк – всего за два года до своей трагической смерти в итальянском Неаполе...

ЗАМОК АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ

Первые упоминания о селе Мураново датируются XVI веком. За три следующих столетия имение сменило немало хозяев, принадлежало оно, в частности, и князьям Оболенским. В 1816 году Мураново приобретает дочь известного московского масона Петра Алексеевича Татищева Екатерина, вышедшая замуж за генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта. Их сын Петр страдал психическим заболеванием и был помещен в клинику, поэтому наследство разделили между собой пережившие родителей дочери. Одна из них, Анастасия Львовна, первоначально получившая во владение Мураново, стала супругой поэта Евгения Абрамовича Боратынского. Боратынский – незаслуженно забытый поэт пушкинского круга, непревзойденный мастер элегического жанра в русской литературе (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2014 год, статья «Во многом знании много печали»). В день своего 16-летия он, воспитанник престижнейшего Пажеско-

го корпуса, попал в некрасивую историю: вместе со своим однокашником Дмитрием Ханыковым украл у отца другого своего товарища черепаховую табакерку и 500 рублей, тут же потраченных на пустяки. Дело быстро раскрыли, и оба «благородных разбойника» вмиг были исключены из учебного заведения, лишившись возможности служить где бы то ни было, кроме как рядовыми в армии. Евгений был в таком отчаянии, что пытался совершить самоубийство. И даже после того, как в 1825 году Боратынский наконец получил чин прапорщика и вернул себе дворянские привилегии, шлейф глупого юношеского проступка продолжал отравлять ему жизнь. Свои чувства он доверял бумаге. Полные грусти элегии Боратынского Александра Пушкин ценил превыше собственных.

Отдушиной для поэта стала семья. Жена Анастасия Львовна

Е.А. Боратынский

подарила ему 9 детей, двое из которых умерли в младенчестве. Для своего большого семейства Боратынский обустраивает в Муранове райский уголок: полностью преображает усадьбу, реконструирует парк и возводит новый господский дом, где всем бы хватило места.

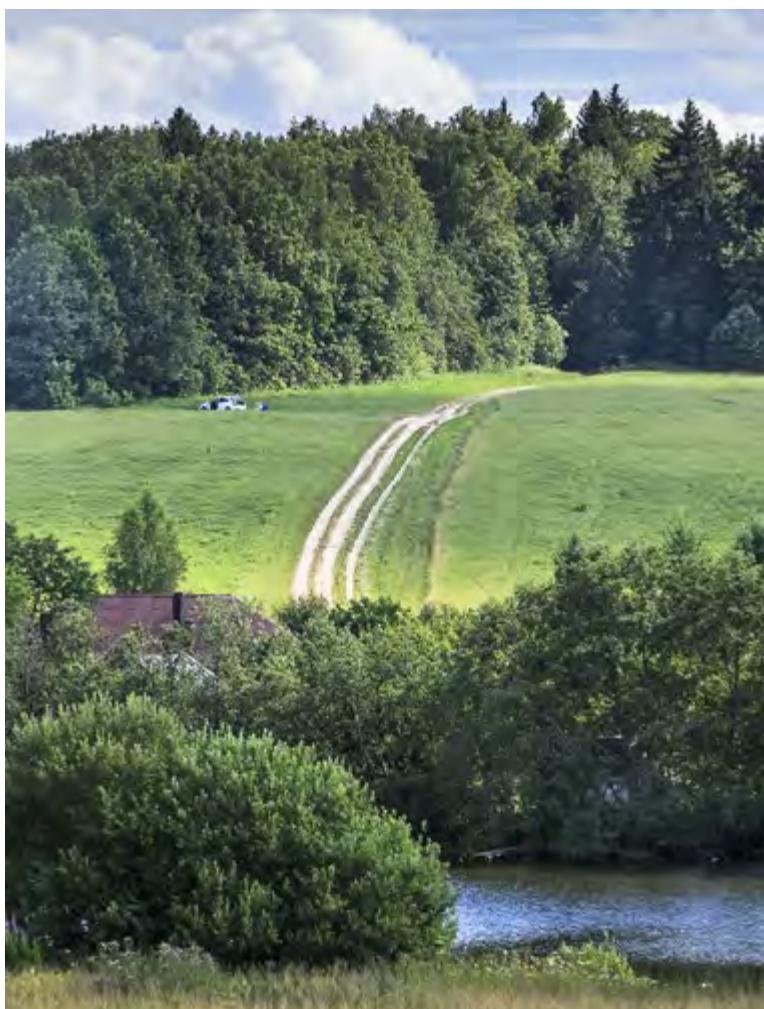

Медальоны с профилями супругов Боратынских

Особняк поэта-архитектора поистине уникален: построенный в эклектическом стиле, он будто совмещает в себе два разных дома – один деревянный, другой кирпичный. Отделанный розовым кирпичом фасад с эркером и башенкой отсылают к европейским замкам. К слову, основателем рода Энгельгардтов был рыцарь Карл Бернард, который во время Третьего крестового похода при осаде Акры спас жизнь французского короля Филиппа II Августа. За свой подвиг он и был наречен Энгельгардтом – «ангелом-хранителем» в переводе с немецкого.

В обновленном имении Боратынский прожил только один год. С выгодой продав мурановский лес, поэт с супругой и старшими детьми отправился в путешествие по Германии, Франции и Италии. Увы, в Неаполе у Боратынского усилились головные боли и, проведя в этом городе почти три месяца, он скоропостижно скончался летом 1844 года.

Вернувшись в Россию, убитая горем вдова больше не могла оставаться в мурановском доме, где все напоминало о супруге. Она уговорила свою младшую сестру заново разделить наследство, и в 1850 году Мураново досталось Софье Львовне. Взамен Анастасия Львовна становится хозяйкой казанских имений Энгельгардтов, куда и отправляется вместе с детьми. Дальнейшая жизнь Боратынских будет связана с Казанью.

Вокруг усадьбы – живописные леса и луга

ЛИТЕРАТУРНОЕ ГНЕЗДО ПОДМОСКОВЬЯ

В Мураново въезжает семья Софии Львовны. Любопытно, но на протяжении нескольких поколений Мураново передавалось только от женщины к женщине, полноправных мужчин-хозяев у усадьбы больше не было. Тем не менее известной она стала благодаря талантливым мужьям своих владелиц.

Супругом Софии Львовны был друг Боратынского, литератор Николай Васильевич Путята. Через год после смерти поэта, впервые посетив имение на правах хозяина, он высоко оценил архитектурные решения своего товарища, оригинальность его мысли и тонкий вкус. Но при этом признавался: «Мураново – это роскошь для нас при наших средствах». Путята решил ничего кардинально не менять в усадьбе, только завершил задуманное поэтом: закончил отделку главного дома, отремонтировал старые хозяйствственные постройки и возвел несколько новых. Благодаря акварельным работам его брата Дмитрия Васильевича, неоднократно отдыхавшего в усадьбе, мы знаем, как выглядело Мураново в 60–80-е годы XIX века. Отдал Путята почести и литературному наследию Боратынского: в 1867 году он опубликовал в журнале «Русский архив» письма позата к нему, а также помог его сыну Льву в издании сочинений отца. В Муранове сохранили обстанов-

Гоголовская
комната

В Муранове
Боратынский
работал
над своим
последним
сборником,
«Сумерки»

ку рабочего кабинета Евгения Абрамовича и многие памятные вещи, которые его вдова не увезла с собой в Казань.

При Николае Васильевиче, который в 1866 году возглавлял Общество любителей российской словесности, Мураново становится по-настоящему литературной усадьбой. В гостях здесь бывали Сергей Полторацкий, Евдокия Ростопчина, Сергей Аксаков, Николай Гоголь и многие другие. Кстати, именно Гоголь познакомил Путяту с владельцем соседнего Абрамцева – писателем, авто-

ром сказки «Аленький цветочек» Сергеем Аксаковым. В 1849 году, возвращаясь из Абрамцева (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2019 год, статья «Место для гениев») в сопровождении Аксакова, Гоголь заехал в Мураново. С тех пор комнату на втором этаже дома, в которой он ночевал, стали называть Гоголовской. В нынешнем виде, по правде сказать, спальню она напоминает мало: вместо кровати в комнате стоит удлиненное кресло, лежать на котором не получится. Но в свое время, безусловно, такого дорогого гостя,

Н.В. Путята

С.Л. Путята

как Гоголь, размещали с большим комфортом. Впоследствии сын писателя, Иван Сергеевич Аксаков, женился на старшей дочери Тютчева. Анна Федоровна, как и две ее родные сестры (их матерью была первая жена поэта – Элеонора Федоровна. – Прим. ред.), была фрейлиной императорского двора и оставила весьма любопытные мемуары. Породнились с поэтом и Путята: средняя из трех их дочерей, Ольга Николаевна, в 1869 году вышла замуж за сына Тютчева от второго брака – Ивана Федоровича.

О.Н. Путята

Рабочий стол
Тютчева
в Кабинете
двух поэтов

Ф.И. Тютчев

ПОСЛЕ ТЮТЧЕВА

С самим Федором Ивановичем Тютчевым Путята был знаком еще с начала 1820-х годов, но нет никаких подтверждений того, что поэт навещал в Муранове как Николая Васильевича, так и семью своего сына, женившегося за четыре года до смерти отца.

В 1874 году в Мураново из Петербурга перевозится обстановка рабочего кабинета Тютчева, а спустя год – мебель спальни из дачи в Царском Селе, в том числе кровать, на которой скончался поэт. В том же, 1875 году Ивана Федоровича избрали мировым судьей Дмитровского уезда Московской губернии, и он переезжает в дом тестя вместе с семейством. Николай Путята умирает в 1877 году, и спустя некоторое время в его кабинете, в котором к тому времени уже находились письменный стол

И.Ф. Тютчев

и личные вещи Боратынского, разместился и стол Федора Ивановича. Сын поэта работал за ним и пользовался письменным прибором отца. С тех пор эту комнату называют Кабинетом двух поэтов.

Кстати, впоследствии Мураново пополняется личными вещами еще одной знаменитости: после смерти Ивана Аксакова в 1886 году Анна Федоровна перевозит в имение московский кабинет своего мужа. Известный славя-

Бабушкин флигель остается жилым и сегодня

Интерьеры усадьбы. На первом портрете сверху – Эрнестина Тютчева

нофил и публицист был частым гостем усадьбы Мураново.

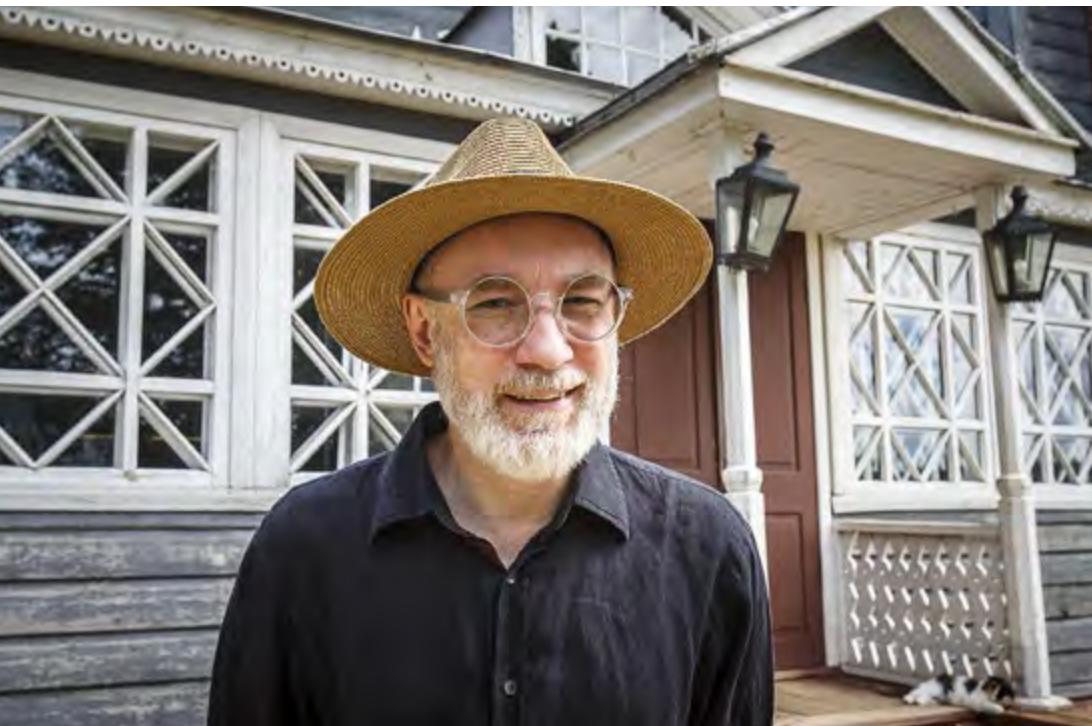
Для своей матери Эрнестины (второй жены Ф.И. Тютчева. – **Прим. ред.**) Иван Федорович возводит отдельный флигель, который его дети прозвали Бабушкиным. Домик построили на удивление быстро – всего за месяц с небольшим. Он предназначался для круглогодичного проживания, однако вдова Тютчева гостила в нем только в летний сезон. Своего мужа-поэта

она пережила на 21 год. В прошлом блестящая баварская баронесса, урожденная фон Пфеффель, на склоне лет не слишком отличалась от русских дворянок: занималась рукоделием, возилась с внуками. Правда, вышитые ею узоры, как полагают некоторые эксперты, больше напоминали родные – немецкие. Во флигеле и сейчас живут потомки Тютчевых. Один из них, прапраправнук Эрнестины Федоровны, Василий Евгеньевич

Многие предметы в доме украшены вышивкой Эрнестины Федоровны

Бегинин, более полувека проживший в Муранове, поделился замечательной историей. В его детстве к столу регулярно подавали пудинг из манки со смородиновым сиропом. Собирать летом ягоды для этого десерта было святой обязанностью тютчевской ребятни. Лишь спустя годы он осознал, что это блюдо, которое представлялось типично мурановским, на самом деле имело баварские корни. По признанию Бегинина, несмотря на все усилия, воссоздать вкус детства не получается, хотя ингредиенты, необходимые для приготовления пудинга, самые простые...

Любопытно и то, что по линии своего брата, Карла фон Пфеффеля, Эрнестина Федоровна приходится родней бывшему британскому премьер-министру, известному своими чудацествами Борису Джонсону. Кстати, некоторые члены семьи Джонсон посещали подмосковное Мураново.

От четырех разных женщин любвеобильный и непостоянный Федор Иванович Тютчев имел почти дюжину детей, но далеко не все из них продолжили род поэта. Более того, в дальнейшем фамилия Тютчевых и вовсе прервалась по мужской линии. Ветвь Пигаревых, совре-

В.Е. Бегинин

Красный угол в мурановской спальне Федора Тютчева

менных потомков поэта, проходит от Ивана Федоровича Тютчева. Своим четырем детям он постарался дать достойное домашнее образование: мурановский дом все больше стал напоминать «маленький университет». Две дочери и два сына Ивана Тютчева постоянно были при деле, отец с особой тщательностью подбирал для них учителей и гувернеров. Заботился он и о просвещении крестьянских детей: для них Иван Федорович построил в Муранове школу, в которой некоторые дисциплины преподавали его дочери. Неподалеку от господского особняка Иван Федорович соорудил Детский домик, в пристройке к которому жил любимец ребятни – ослик Анка. Этот маленький, будто игрушечный, домишко сохранился до наших дней.

Иван Федорович построил для детей игровой домик

КРЕСТИЛЬНАЯ РУБАШКА ОТ КНЯГИНИ

При жизни Ивана Федоровича, который скончался в 1909 году, никто из его детей не создал семью. Его дочери Софья и Екатерина стали фрейлинами императорского двора. В 1910 году Екатерина, которой был уже 31 год, вышла замуж за Василия Евгеньевича Пигарева, ухаживавшего за ней долгих десять лет. У супругов родились трое детей. Пигарев служил чиновником особых поручений в Управлении московского генерал-губернатора, а позже стал секретарем великой княгини Елизаветы Федоровны и принимал участие в ее благотворительной деятельности: помогал в организации Движения помощи бедным семьям и строительстве Марфо-Мариинской обители, был членом правления Иверской общины сестер милосердия. Сама великая княгиня дважды посетила Мураново, в частности в августе 1916 года в церкви Спаса Нерукотворного крестила сына Пигаревых Николайчика. Елизавета Федоровна лично сшила для малыша крестильную рубашечку, которая и сейчас хранится в семье: до сих пор потомки Тютчевых-Пигаревых используют ее при крещении новых членов своего рода.

Другая дочь Ивана Федоровича, Софья, замуж так и не вышла. До 1912 года она занималась

В домовой
церкви Спаса
Нерукотворного

воспитанием четырех великих князей, но была уволена императрицей Александрой Федоровной из-за конфликта, связанного с Григорием Распутным. Полагают, не слыхав этого, прямолинейная и пребывавшая Софья Ивановна вполне могла бы окончить свои дни в доме Ипатьева вместе с семьей Николая II...

После отставки Тютчева вернулась в подмосковное Мураново, где жила вместе со своими братьями Федором и Николаем и сестрой Екатериной. Она пре-

подавала крестьянским детям в школе, а также увлеклась гомеопатией, лечила местных жителей. Тем из них, кто особенно нуждался в помощи, давала деньги. В музее хранится примечательный шкафчик-аптечка, преподнесенный в качестве благодарности Софье Ивановне в 1920-е годы крестьянской семьей, у которой пала корова. А Софья Ивановна помогла им купить другую. Ящик с надписью «Великой добродетельнице Софье Ивановне Тютчевой», с резьбой, изображающей ска-

В.Е. Пигарев,
Н.И. Тютчев
и Е.И. Тютчева

Хранитель Муранова
Николай Иванович
Тютчев у своего
портрета

В советское время в церкви было устроено фондохранилище

зочных птиц и двух диковинных зверей, как рассказывает Василий Бегинин, сто лет кочевал по разным комнатам флигеля, висел он и в его спальне. В 2020 году родственники Софии преподнесли его в дар музею – теперь он экспонируется в так называемой Комнате потомков усадебного дома. Дворянская эпоха в имении Мураново завершилась со смертью матери семейства, Ольги Николаевны Путяты, в 1920 году. За два года до этого она вместе с сыном Николаем Ивановичем,

до революции надворным советником и чиновником особых поручений, решила передать усадьбу и мемориальные предметы государству. В 1918 году Регистрационная комиссия Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса выдала Муранову охранную грамоту. Революционный ураган обошел усадьбу стороной: в то время как соседние барские дома грабили и сжигали, Мураново судьба уберегла. Рассказывали, правда, что как-то раз в

дом едва не ворвалась толпа погромщиков, но Николай Иванович обратился к ним с речью и напомнил, сколько среди них было крестников Тютчевых и людей, которым помогло семейство поэта. Разграбление не состоялось.

Тот самый резной шкафчик, подаренный Софье Ивановне

РАБОТАТЬ ПОТОМКОМ

1 августа 1920 года Музей Федора Ивановича Тютчева в Муранове открылся официально. Но даже после этого многие местные жители продолжали по привычке называть Тютчевых барами. С родным домом семья сохранила особую связь. Бывшие фрейлины Софья и Екатерина на общественных началах работали в музее и водили экскурсии, следили за парком. Так, в первые годы посетители Муранова нередко видели, как Софья Ивановна сама пропалывала грядки.

Николай Иванович, в 1924 году назначенный пожизненным хранителем музея, остался жить в главном доме – в пристройке на втором этаже, где до революции были комнаты прислуги. Его сестрам разрешили обосноваться в Бабушкином флигеле. На его балконе Софью Ивановну в 1928 году и изобразил художник Михаил Нестеров – друг семьи, неоднократно посещавший усадьбу. Вообще-то изначально он задумывал парный портрет Софьи и Николая, но, закончив его, решил, что вместе они смотрятся не очень удачно. В итоге он написал отдельный портрет Николая Ива-

Кабинет хранителя усадьбы

Украденные и возвращенные часы с конями

новича в другом интерьере. Копия этой картины висит сейчас в мурановском кабинете Николая Ивановича. А оригинал хранится у Пигаревых.

Известный коллекционер и член Общества изучения русской усадьбы, Николай Иванович порой весьма экстравагантно относился к музейным экспонатам. Родственники вспоминали, что он, например, за-просто мог сбряхнуть сигаретный пепел в какой-нибудь

мемориальный предмет. В первые годы работы музея он даже не задумывался о том, что мелкие памятные вещи необходимо хранить в специальных витринах, и, если вдруг что-то пропадало, лишь философски произносил: «Ну вот, в очередной раз кто-то вынес свои впечатления!»

Примечательная история произошла с часами, украшенными изображением бога Хроноса, скачущего на колеснице.

По преданию, их после Отечественной войны 1812 года отец Федора Ивановича Тютчева выкупил у партизан, которые отбили ценную вещицу у французов, видимо, разграбивших какую-то русскую усадьбу. В первые годы работы музея в Муранове часы украл кто-то из посетителей. Спустя некоторое время пропажа обнаружилась на ближайшей железнодорожной станции Ашкуино. Воры, отпилив у коней ноги, поняли, что часы не золотые, а бронзовые, и в ярости выбросили их. После реставрации экспонат вновь занял свое место в экспозиции.

Молодое Советское государство изводило проверками: в 1925 году потребовали разузнать, в каких еще мемориальных усадьбах под видом научных сотрудников продолжают жить бывшие владельцы. Оказалось, всего в трех: помимо Муранова еще в Абрамцеве и Остафьеве (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2025 год, статья «Парнас государства Российского»). Тогда потомков от неминуемого выселения спасла небольшая приписка: Тютчевы, Мамонтова и Шереметев «удалены от эксплуататорских возможностей» и

остаются в музеях только потому, что обладают большими знаниями об этих местах. В следующую пятилетку гайки закрутили еще сильнее: большинство музеев-усадеб было расформировано. В 1930 году на несколько месяцев закрывают и Мураново, но благодаря заступничеству знаменитых деятелей культуры,

Изначально Нестеров написал парный портрет брата и сестры Тютчевых, но позже решил их «разъединить»

Директор усадьбы А.Е. Богатырев

таких как Ольга Книппер-Чехова и Василий Качалов, музей все же удалось отстоять. Скорее всего, из-за небольшого размера имения и невозможности использования его в других целях. К музейной работе привлекалось и новое поколение потомков – дети Екатерины Ивановны и Василия Евгеньевича Пигарева. Их сын Кирилл Васильевич водил экскурсии по дому уже с 10-летнего возраста, потом стал научным сотрудником. А после того, как в 1949 году Николай Иванович скончался, именно Кирилла Васильевича назначили директором музея-усадьбы. Кирилл Пигарев прославился как известнейший тютчевовед, издавший весь корпус лирики своего талантливого предка с научными комментариями стихотворений. Написал он и выдающееся биографическое исследование, посвященное Федору Ивановичу Тютчеву.

Возле усадебной церкви похоронены три представителя разных поколений потомков Тютчева: Иван Федорович, Николай Иванович и Кирилл Васильевич. Их родственники находятся на особом положении и сегодня, поддерживая связь с семейным гнездом. Как нам поведал директор музея, Александр Евгеньевич Богатырев, у него состоялся разговор с сыном Василия Евгеньевича Бегинина. Суть беседы сводилась к тому, что пока сотрудники музея не видят иных претендентов, кроме Ивана Васильевича, кто мог бы «работать потомком» в Муранове. Иван Васильевич заверил, что будет стараться.

Усадьба Мураново живет активной жизнью. В планах – создание экспозиции крестьянского быта в бывшей гладильной, восстановление утраченных школы и двух оранжерей. Здесь постоянно проводятся различные фестивали и праздники, а летом гостей зовут на сенокос и День варенья. И всем непременно советуют попробовать фирменные щи с квашеным ананасом, без которых Мураново уже даже сложно представить.

АВАНГАРДИСТ СОЦРЕАЛИЗМА

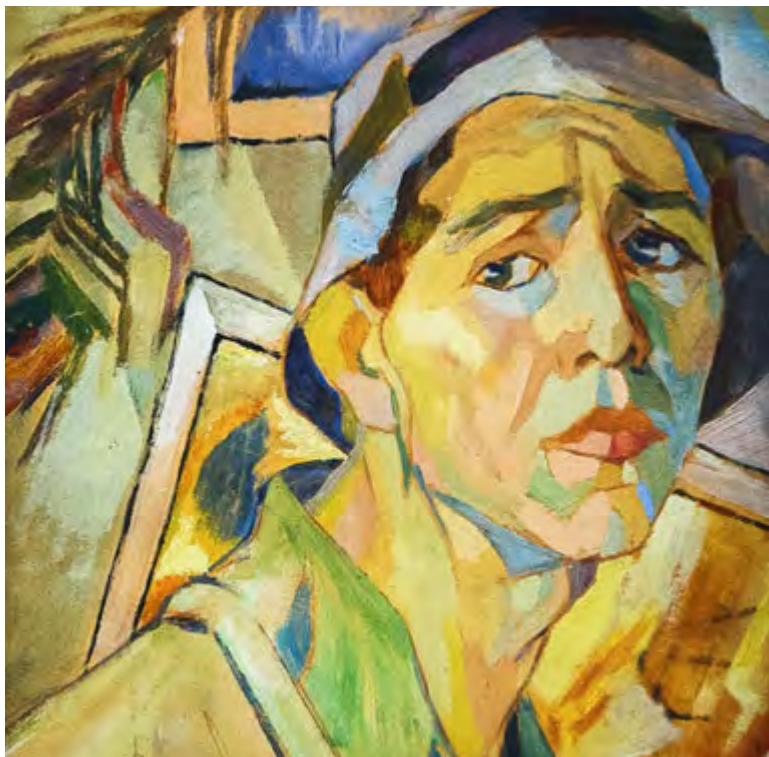
АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

АЛЕКСАНДР ДЕЙНЕКА – ХУДОЖНИК, ЧЬЕ ТВОРЧЕСТВО СЛОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ ВНЕ КОНТЕКСТА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ. «ЕСЛИ БЫ МЕНЯ СПРОСИЛИ СЕГОДНЯ, КАКОЙ ЦВЕТ ЯВЛЯЕТСЯ КАМЕРТОНОМ, СИМВОЛОМ НАШЕГО ДВАДЦАТОГО ВЕКА, Я БЫ, НИ МИНУТЫ НЕ РАЗДУМЫВАЯ, ОТВЕТИЛ – КРАСНЫЙ! – ПИСАЛ САМ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. – И НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЭТО ПОБЕДНЫЙ ЦВЕТ ФЛАГА МОЕЙ РОДИНЫ, НО И ПОТОМУ, ЧТО ЭТО ЦВЕТ ГОРЯЧЕЙ ЛЮДСКОЙ КРОВИ, КОТОРАЯ ТАК ОБИЛЬНО ПРОЛИТА НАМИ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА!»...

Автопортрет
в панаме.
Конец 1910-х
годов

«НАШИ МЫСЛИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧИСТЫ И КРАСИВЫ...»

«Сколько я себя помню, я всегда рисовал...» – вспоминал Александр Дейнека, родившийся 8 мая 1899 года в Курске. И мать, и отец будущего художника работали на железной дороге. Семья жила очень скромно. Главные впечатления детства Дейнеки – плавное течение реки Тускарь, городские пейзажи да бабушкины лубки, которые мальчик копировал без устали. Отец не одобрял его увлечения рисованием, а Саша, в отличие от равнодушных к искусству брата и сестры, засыпал над своими набросками собак, птицеловов, лошадей. Как-то отец взял сына с собой на работу. Маленький мальчик был поражен богатством красок на железной дороге: «И, конечно, я пришел в восторг от красных товарных вагонов, сверкающих рубинов семафоров, багровых массивных колес паровозов». Этот символ движения и прогресса позже воплотится в динамике работ живописца.

В Харьковском художественном училище, куда Саша поступил в 1915 году, занятия сводились к копированию античных масок и статуй, а ученики между тем увлекались модными течениями – от импрессионизма до футуризма. Через два года учебу прервала революция, училище закрыли, Дейнека вернулся домой. Преподавал рисование в женской гимназии, был фотографом в уголовном розыске. В курском журнале «Наш день» в 1918 году опубликовал свой манифест: «Кого не захватят наши дела? Кто останется к ним равнодушным? Яркие порывы, титанические размахи пролетариата – солнце – красочно хочется набросать тысячи самоцветных каменьев и запечатлеть эту героическую борьбу <...> Наши мысли должны быть чисты, чисты и красивы. Ярки и радужны они должны быть, солнечны, как свобода».

В разделе выставки «Воспоминания» представлены редкие даже для знатоков творчества

В НОВОМ ЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ (ГТГ) на Кадашёвской набережной развернут масштабный проект «Александр Дейнека. Гимн жизни». Здесь представлены живопись, графика и скульптура – многое впервые показывается в Москве. «На выставке более двухсот работ из наших фондов, – говорит директор Курской государственной картинной галереи имени А.А. Дейнеки Анна Корнеева. – Нужно было организовать соседство с работами Третьяковской галереи, которых здесь чуть более двадцати. Нам удалось добиться взаимодействия двух коллекций и показать на выставке лучшее из творчества художника. Здесь и его ранняя графика 1910–1920-х годов, и работы 1960-х, и декоративно-прикладные вещи, которые он создавал своими руками».

Выставка явно оспаривает давно приросший к Дейнеке ярлык соцреалиста, демонстрируя многостороннее творчество талантливого мастера. Да, испытания, которые выпали на долю нашей страны в XX веке, отозвались в работах художника, создавшего своеобразную летопись Страны Сове-

тов. И современная публика зачастую предвзято воспринимает его творчество из-за неоднозначного отношения к советскому периоду. С одной стороны, у части сограждан сохраняется негативный взгляд на эпоху и искусство того времени. С другой – сейчас ощутимо проявляется ностальгия по советскому, которую всем нам предлагается переосмыслить. В том числе и через художественный проект «Александр Дейнека. Гимн жизни».

Но не следует забывать, что в системе соцреализма Дейнека занимает противоречивое положение: его творчество – это один из самых ярких примеров конфликта между новаторством и вынужденным подчинением идеологическому диктату.

Директор
Курской
государственной
картинной
галереи имени
А.А. Дейнеки
Анна Корнеева

Дейнеки работы. «Это его первые живописные опыты. Дом, в котором он родился, беседка городского сада, мальчик в кепке, – отмечает реставратор Курской галереи Михаил Денисов. – С этих постимпрессионистических вещей Дейнеки начинается выставка: здесь есть те самые «-измы», которыми болело наше искусство начала XX века». В 1919 году Александр получил повестку в армию, его назначили руководителем художественной студии при Курском политуправлении: он писал плакаты для «Окон РОСТА», оформляя агитпоезда. Начальство заметило талантливого юношу и в 1921 году командировала его в Москву для продолжения образования на полиграфическом отделении Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас). Здесь он выбрал мастерскую известного теоретика искусства и мастера ксилографии Владимира Фаворского, который учил принципам композиции, опираясь на труды немецкого мастера неоклассицизма Адольфа Гильдебранда: «Пространство – первичная характеристика художественного образа, а миропонимание – пространствопонимание». Впоследствии Дейнека называл Фаворского «компасом в искусстве» и

Экспозиция ГТГ:
портреты
современников

Женский
портрет.
Начало 1920-х
годов

открыто защищал его от травли в 1948-м. «Я научился у Фаворского главному: композиция – это не украшение плоскости, а ее организация. Ритм линий, пятен, цвета – вот что создает энергию образа», – отмечал Александр Александрович. Среди его наставников были театральный художник Игнатий Нивинский (живопись, графика), Павел Флоренский (теория искусства), Роберт Фальк (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2021 год, статья «В ожидании

счастья») и Давид Штеренберг (авангардные техники). Дейнека называл Вхутемас «мощным фундаментом», но считал, что «без знания жизни, без того, что толкает тебя на творчество, искусство мертвое». Он сдружился с однокурсниками Юрием Пименовым (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2021 год, статья «Летописец и его страна») и Андреем Гончаровым, и в 1924-м появилась группа «Объединение трех». Наиболее известная работа Дейнеки того года – «Футбол». Уже в тот ранний период спорт становится для художника одной из основных тем – ей за свою жизнь он посвятит немало полотен.

Работать живописцам молодой страны было непросто: 1920–1930-е годы – время дефицита художественных материалов в СССР, вынуждавшего прибегать к аскетизму в колористике и сккупости форм в работах. «В первой половине XX века технология была не очень хороша практически у всех художников. Время было такое. Дейнека писал, что первые аэропланы были сработаны несопоставимо хуже привычных карет, как бы оправдывая то, что живопись нового времени не так совершенна в технологическом плане, как живопись, например, голландцев

Модель в зеленых чулках.
Конец 1920-х годов

«Чудотворец»: священник в церкви «воскрешает мертвца» – на носилках лежит гигантская колбаса, а рядом глумливая надпись «Воистину воскресе!». В Главлите сочли, что сюжет опошляет борьбу с религией, сводя ее до уровня базарного фарса. А кроме того, колбаса, по мнению чиновников, могла ассоциироваться у населения с дефицитом продуктов. Поступил в органы и донос из Ассоциации художников революционной России (АХРР), в котором Дейнеку обвинили в формализме и буржуазности. Якобы фигура попа на карикатуре была похожа на Христа с фрески Джотто «Воскрешение Лазаря». Тираж изъяли, а Дейнеку на полгода отстранили от работы в журнале.

XVII столетия, картины которых выглядят сейчас намного лучше и реставрируются проще», – поясняет Михаил Денисов. В 1924-м Дейнека начал сотрудничать с журналами «Смена», «Даёшь», «Безбожник у станка» и «Прожектор», в его работах индустриальные сюжеты соседствовали с антирелигиозными. В экспозиции представлены карикатуры художника, в них, в отличие, скажем, от рисунков в «Крокодиле», совсем нет снисходительной иронии – все беспощадно.

Воспринимая журнальную графику как некую лабораторию для экспериментов, Дейнека, не получив диплома, в 1925 году бросает Вхутемас. «Мне хотелось как можно скорее приступить к конкретным вещам», – вспоминал он позже. Но, откликаясь на злобу дня, молодой художник умудрился вызвать первый в его жизни (но далеко не последний) гнев критиков. В разгар антирелигиозной кампании 1925 года «Безбожник у станка» опубликовал карикатуру Дейнеки

Всевобуч
(Всеобщее
военное
обучение).
1921 год

Эскиз фрески
для кинотеатра
в ЦПКиО
им. Горького
в Москве
«Танец».
1934 год

СВОЕ ЛИЦО

В стремлении создать «новый стиль для масс» и «революционную современность» Дейнека вместе с друзьями из Вхутемаса в 1925 году основывает Общество станковистов – ОСТ. «Искусство должно быть выше правдоподобия жизни, оно должно быть самой жизнью» – так молодой художник обозначает кredo новой группы. Именно эти принципы и ранние опыты заложили основы соцреализма: динамика как отражение эпохи, графическая четкость вместо живописной мягкости, синтез кубизма и конструктивизма с фигуративностью, урбанистические темы – индустриализация, заводы, технологии, спорт и, наконец, новый человек – труженик и не-стигаемый победитель. Работы бунтаря Дейнеки отличались геометрией, гротескной анатомией, смелыми ракурсами, «режиссурой движения». Стиль его графических техник эволюционировал стремительно. Он мог сочетать на одном листе рисунок пером и гуашью, литографию и монохромную акварель, ритм плаката и античную гармонию («Молитва нэпача», «На рынке», «Текстильщицы»). Дейнека считал, что «движение – основа мироощущения современного человека. Спортсмен, летчик, рабочий у станка – их жесты полны внутренней силы. Задача художника – найти формулу этого движения».

И одновременно в его работах уже стал проявляться завораживающий парадокс: воспевая коллективный труд («На стройке новых цехов», 1926), он оставался индивидуалистом, не желающим работать как все. «Его приемы вальяжные, эффектные, аристичные, его работы легко узнаются, – говорит Михаил Денисов. – Как эксперту, мне приходится нередко видеть подделки разных художников. А вот Дейнека трудно поддается фальсификации. В нижнем слое он использовал темперу, одним мазком делал силуэт, мог применить мощный большой мазок, использовать черенок кисти,

Плакат
«Ударник,
будь физкультур-
ником».
1930 год

чтобы процарапать поверхность. Мог протереть тряпкой холст, чтобы светился белый грунт, мог не закрасить часть холста... И он все делал легко – это Дейнека!»

Художнику не раз приходилось отстаивать свое место в искусстве. В 1928 году АХРР выступила против ОСТа, обвинив членов общества в экспрессионизме, формализме и буржуазности. Дейнеку критиковали за схематизм, отрыв от народа и западничество. Своей «любимой вещью» того периода он назвал картину «Оборона Петрограда» (1928), где сохранил ключевые принципы Фавор-

ского, но адаптировал лаконизм графики в монументальность, как раз противореча «буржуазной» камерности. Здесь не только манифест нового стиля, это переданная через стальной ритм фигур трагедия Гражданской войны. Трансформация идеей привела Дейнеку к конфликту с ОСТом, и в том же году художник, откававшись от «производственного искусства», покинул общество, присоединился к Всероссийскому объединению работников новых видов художественного труда «Октябрь» и продолжил развивать монументализм.

«Вообще, Дейнека не стеснялся никаких влияний и с легкостью делал своеобразные пародии на темы работ других художников, – рассказывает Анна Корнеева. – Вот, например, «Натурщица» 1936 года, которую он называл «Моя Веласкезочка», явно подчеркивая отсылку к «Венере перед зеркалом» Веласкеса. Но в своей картине он переосмысливает композицию предшественника. И тот ли это Дейнека, который выполнял печатную графику? В «Натурщице» он крайне живописен. Это его современница, и он заставляет нас ею любоваться. В своих европейских командировках Дейнека посещал музеи, его восхищал Микеланджело: вот где тренированная мышца, вот на кого он хотел быть похож! На выставке можно проследить, как серьезно меняется его творчество на протяжении жизни. Но его работы всегда узнаются сразу».

Натурщица
(Веласкезочка).
1936 год

Дейнека нашел свой стиль как в темах, так и в форме подачи. И даже сегодня к его образам невозможно относиться спокойно: они зачастую режут глаз и продолжают разрушать шаблоны восприятия. В хрестоматийных работах Дейнеки «Мать» (1932) и «Будущие летчики» (1938), безусловно, есть авангардная пластика, но сколько здесь чистой звонкой лирики! Художник явно любуется своими героями.

Классический сюжет мадонны с младенцем он, ломая стереотипы, решает в неожиданном ракурсе («Мать»), но тихой нежности между самыми близкими людьми здесь не меньше, чем в работах мастеров Возрождения. Мы не видим лиц загорелых мальчишек («Будущие летчики»), но понимаем, что они в своих романтических мечтах рвутся в небо – к покорению и подвигу...

Спортивная тематика в скульптуре и живописи

Будущие летчики. 1938 год

ЛОЗУНГ СОЛНЦА

Судьбоносная встреча с уникальными творцами нового искусства привела Дейнеку в стан первопроходцев-идеологов, для которых самым важным в жизни было служение высоким идеалам и своей стране. Их постоянный поиск современных форм, совместные проекты, обмен идеями, взаимное влияние обогатили мировую культуру. Это знаковые имена: Маяковский, Мейерхольд, Эйзенштейн, Родченко.

Владимир Маяковский (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2015 год, статья «Сила слов») и Александр Дейнека познакомились в 1921 году во Вхутемасе, где поэт выступал с лекциями. Владимир Владимирович

Осенний букет. 1933 год

На выставке...

заинтересовался молодым студентом, критиковал его работы за «декоративность». У них было много общего: вера в новое искусство, эксперименты с ритмом – в стихах и линиях, любовь к лубку и алому цвету. Речь, конечно, не просто о красной краске, а о символическом значении цвета, выражавшего дух сложного времени контрастов и борьбы. Дейнеку даже называли Маяковским в живописи. Поэт давал советы молодому художнику: упрощение и лаконичность формы при глубине содержания, отказ от мелких деталей, расстановка акцентов, короткие лозунги, крупный план, гипербола в образах, которые должны привлекать внимание, передавать идею без пояснений и воздействовать на зрителя – «Плакат должен кричать!». Вместе они работали в «Окнах РОСТА», журналах «Красная нива», «Проектор», «Безбожник у станка», «ЛЕФ», выполняя заказы для Моссельпрома и ГУМа.

Кульминация их сотворчества – спектакль в Театре им. Мейерхольда (ГосТИМ) по пьесе Маяковского «Баня». Поэт участвовал в репетициях, настаивая на усилении сатиры: «Моя пьеса – баня, которая моет бюрократов». Александр Дейнека

Эскизы
театральных
костюмов.
1919–1921 годы

и Евгений Вахтангов занимались сценографией и костюмами из холста, жести и фанеры. Все получилось в стиле конструктивизма: вращающиеся платформы, движущиеся лестницы, «конвейер чиновников», представленных как заводные куклы. В униформе с орденами «главный начальник по управлению согласованием» – главначпупс Победоносиков (актер Максим Штраух) своими пустыми речами парализовал прогресс. Изобретатель Чудаков (Эраст Гарин) эксцентрич-

ной пластикой контрастировал со статичностью чиновников: «Я заставлю время стоять и мчать в любом направлении!» Фосфорическая женщина (Зинаида Райх) в серебристом костюме «разрушала мрак сцены» и под алым лучом прожектора приглашала в будущее всех, кто не утратил добродетель. В ряде сцен актеры произносили реплики из зала, вовлекая зрителей в действие. Рабочие в комбинезонах «встраивались» в конструкции как шестерни и выполняли цирковые трюки,

на киноэкранах шли проекции карикатур и чертежей «машины времени» – центрального символа пьесы. А в finale – фейерверк и полет в коммунистическое будущее, в 2030 год! Московская премьера состоялась 30 марта 1930 года и стала настоящим событием. Спектакль шел 2 часа 40 минут при аншлагах. Интеллигенция и молодежь приняли его с восторгом, рабочие не понимали аллегорий. Ученик художника Игорь Долгополов вспоминал, как Дейнека после спектакля искал Маяковского в театре, но тот на улице всматривался в лица зрителей и потом пласал: «Саша! Машина времени не сработала. Нас не поняли...» Критика развернула настоящую травлю спектакля. Писали о «смеси старых анекдотов,

дешевых каламбуров, грубой прозы, школьных утопий и популярной науки». Художника обвинили в «конструктивистском трюкачестве», лишь театральный критик Павел Марков заметил: «Дейнека дал не декорации, а чертеж новой реальности». После трех показов спектакль запретили. И только 19 июля 1951 года, в день рождения Владимира Маяковского, «Баня» транслировалась по радио в постановке Рубена Симонова с Игорем Ильинским в роли Победоносикова, имела оглушительный успех и была реабилитирована...

Мрачный Маяковский был на спектакле 10 апреля 1930-го, а 14 апреля его не стало. Дейнека посвятил товарищу и учителю несколько произведений. В 1941-м написан одноимен-

В оккупации.
1944 год

ный со стихотворением Маяковского «Левый марш»: моряки-революционеры шагают в едином строю. В том же году – «Владимир Маяковский в мастерской РОСТА»: поэт-трибун работает над очередным плакатом. В 1955-м появилось полотно «Стихи Маяковского»: молодежь в электричке читает сборник поэта. В 1964 году в интервью, говоря о Маяковском, Дейнека отметил: «Он был подобен факелу». И еще: «Какое счастье для художника найти в портрете своего героя. Я не портретист, но Маяковского я писал с настоящим волнением и горечью утраты. Я ограничил

Эскиз плафона для павильона «Дальний Восток» на ВДНХ «Переход лыжниц-буряток от Улан-Удэ до Москвы». 1939 год

Футболисты. 1948–1955 годы

его образ годами первых лет революции, самым напряженным временем его творчества. Он был моим учителем, потому что научил меня видеть в событиях главное, но что еще важнее – находить этому главному зрительную образность...

Знаменательно, что по приглашению архитектора Алексея Душкина именно Дейнеке в 1938 году выпала честь оформить станцию Московского метрополитена «Маяковская», где он сотворил поистине чудо, создав серию из 35 (сохранились 34) мозаичных плафонов «Сутки советского неба». На мозаиках в лазурном небе парят чайки, кружат самолеты, панируют парашютисты – и так много солнца, воздуха и свободы! Можно только догады-

Вечер в полях.
Пейзаж
со стогом.
1949 год

ваться, как эти сюжеты помогали людям, прятавшимся здесь от артобстрелов во время войны, когда станция стала бомбоубежищем и госпиталем. И сегодня, в повседневной суете, нам стоит чаще вглядываться в глубину этого дейнековского неба, полного красоты и радости жизни. А поднимаясь на эскалаторе, перед выходом в город, обратить внимание на мозаику-эпилог с известной цитатой из стихотворения Маяковского: «Светить всегда, светить везде!» И продолжить ее по памяти: «Вот лозунг мой и Солнца!...

ВСЯЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

И все-таки советскость Дейнеки – это сегодня тренд или архаика? «Я бы назвала Дейнеку не советским, а очень современным художником, – говорит куратор выставки от ГТГ Анна Пахомова. – Его полотна выглядят очень ярко, живо. И сегодня Дейнека выделяется так, как выделялся и в те годы среди художников, работы которых называют тяжелым словом «соцреализм». Он рисовал сюжеты, очень актуальные для своего времени, и ему было все это очень интересно. В его воспоминаниях есть такая фраза: «Обожаю всяческую жизнь!» Чем жила стра-

Стулья.
Конец 1940-х
годов

Лыжники. 1950 год

Я люблю живут в особое
родину с ее погодами, пейзажами,
лучшими городами, дорогами,
по которым люди вспоминают
будущий Илья самолетом, запаха
сладко-свежими. Я художник и
имею право быть лицом без определения
рода, я живу в своем городе, народе,
как живут молодежи, как на
хорошем, более или менее благополучном
за свое и будущее дело первых друзей
отчуждения, родины. Но я не только
символ и дух этого времени, я
художник в духе этого периода и
картинах изображаю будущее.
Когда иной вещи дают радость мо-
годам и старым – я знаю что в
традиции единство и другим
поколениям, которых помнит
большое искусство социалистиче-
ского реализма.

А. Дейнека

Автопортрет.
1948 год

на, тем, собственно, жил и Дейнека. Он не избегал и тяжелых тем, достаточно вспомнить его работы о Великой Отечественной войне. Дейнека ездил на фронт, и его рисунки и картины военных лет, которые представлены на выставке, действительно эмоционально тяжелы. «Оборона Москвы», «В оккупации», «Сбитый ас»... В 1942-м он пишет знаменитую «Оборону Севастополя». Или, например, серия рисунков «Берлин 1945 года» и венские зарисовки 1947-го... А в 1947 году он уже пишет «Эстафету по Садовому кольцу» – автопортрет в окружении молодежи. В конце 1940-х и начале 1950-х у него довольно много полотен, отражающих тему восстановления страны и новой жизни. Прекрасная работа 1949 года «На просто-

рах подмосковных строек» с молодой героиней на первом плане. И обратите внимание на последний раздел выставки – это работы 1960-х годов, Дейнека уже мэтр, Герой Социалистического Труда, академик. До последних дней своей жизни он интересовался происходящим вокруг. Сам он был позитивным человеком, и это осталось в его творчестве, в этих светлых картинах».

Внешне неприветливый и даже суровый, с острым ироничным взглядом, художник был дружелюбным и общительным с теми, кто его хорошо знал. Один из его учеников, Николай Ерышев,

вспоминал: «Дейнеку или боготворили, или терпеть не могли». Судя по богатейшему наследию, он много работал в мастерской, редко бывал дома и мало отдыхал. Его гражданский брак с художницей, дочерью участника восстания на броненосце «Потемкин» Серафимой Лычёвой про длился четырнадцать лет (1934–1948) и распался из-за творческих амбиций обоих. Со второй женой – Еленой Волковой – он познакомился в МГХИ им. Сурикова, где преподавал. Она училась на скульптора и была моложе Александра Александровича на 22 года. В 1959-м они поженились, и Елена Павловна стала хранительницей его наследия. Детей у художника не было.

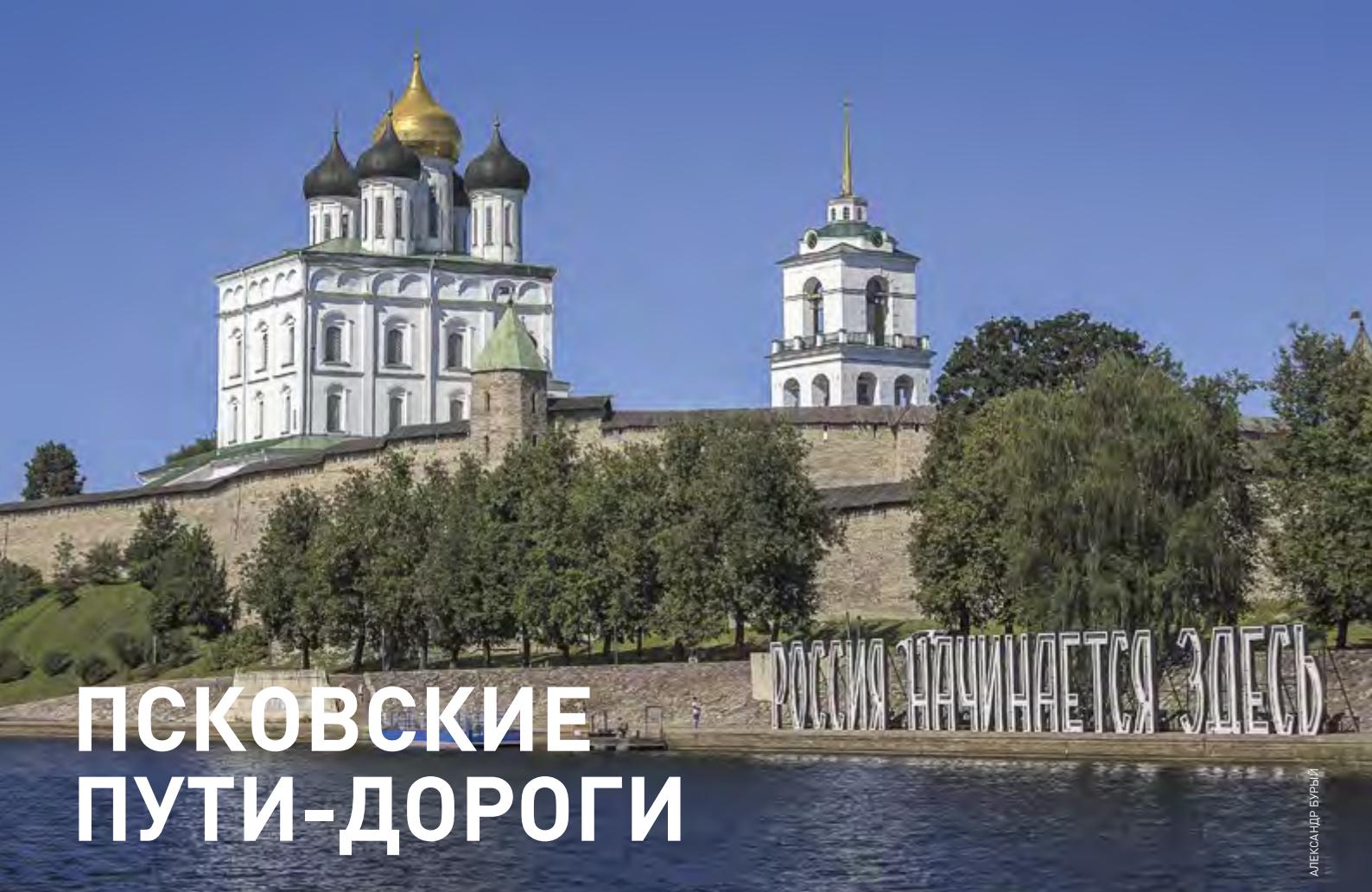
После инфаркта в 1966 году Дейнека редко появлялся в обществе. В своем доме в Подмосковье хранил работы, которые никогда не выставлял: акварели с курскими пейзажами, эскизы к не написанным картинам о детстве. Выращивал розы в саду. «Он знал каждый бутон, говорил с цветами...» – вспоминала ученица художника Элеонора Жаренова. Умер Александр Александрович в ночь на 12 июня 1969 года в больнице – от второго инфаркта. На похоронах на Новодевичьем кладбище Елена Волкова положила в гроб мужа его боксерские перчатки и кисть...

Эстафета. 1945 год

Портрет
С.И. Лычёвой.
1935–1936 годы

ПСКОВСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ

АВТОР

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

КАЖЕТСЯ, ЭТИМ ЛЕТОМ ВСЕ ЕДУТ В ПСКОВ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ИМЕННО ТАКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ СЛОЖИЛОСЬ У НАС ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ НЕУДАЧНЫХ ПОПЫТОК КУПИТЬ БИЛЕТЫ НА ПОЕЗД, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ ИЗ МОСКВЫ ДО ДРЕВНЕГО РУССКОГО ГОРОДА. СПАС ЛИСТ ОЖИДАНИЯ: В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ ЗАВЕТНЫЕ БИЛЕТЫ НАКОНЕЦ ПОЯВИЛИСЬ.

А ВЕДЬ ТАКОЙ АЖИО-таж может только радовать. Это ж сколько российских и иностранных туристов жаждет полюбоваться красотами Пскова – удивительного города, в котором органично сплелись современность и древность! Исследовать его можно бесконечно, ведь здесь на каждом шагу – удивительные храмы, палаты XIV–XVII веков и старые крепостные стены, выдержавшие не одну осаду. В какой-то момент даже устаешь восхищаться всей этой красотой. Но стоит оказаться перед чудом из XII столетия – собором Иоанна Предтечи – и вновь замираешь, любуясь его чистыми строгими линиями, серебряными шлемовидными купола-

ми и белоснежными стенами... А очнувшись, успеваешь запомнить слова гида, что когда-то он был главным храмом несокрушимого Ивановского монастыря, что несколько веков здесь хоронили псковских княгинь и что культурный слой «съел» уже полтора метра стен собора... Или Мирожский Завеличский монастырь, в Преображенском соборе которого можно увидеть фрески домонгольского периода удивительной сохранности! Или Кром с его мощными башнями, Довмонтовым городом и величественным Троицким собором. И как не подивиться на Снетогорскую обитель, где в октябре 1472 года по дороге в Москву остановилась Софья Палеолог – будущая супруга великого

князя Московского Ивана III? А древние псковские церкви? Какую ни возьми, каждая – настоящая жемчужина! Недаром ведь 10 памятников церковной архитектуры Пскова включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Но в этот раз мы исследуем не Псков, а его не менее интересные окрестности. Полюбовавшись на сияющий на берегу реки Великой девиз «Россия начинается здесь», мы отправились в путь. И первым пунктом нашего путешествия с краеведческим клубом «Отчий край» стал недавно отметивший свое 10-летие Музей Ледового побоища в деревне Самолве, что в 115 километрах от города.

Инсталляция «Россия начинается здесь» на берегу реки Великой у стен Псковского Крома

Чудо из XII столетия – собор Иоанна Предтечи бывшего Ивановского монастыря, древнейший храм Пскова

ЗАГАДКА ВОРОНЬЕГО КАМНЯ

Экскурсию для нас провел сам Владимир Александрович Потресов – журналист и писатель, один из основателей и научный руководитель музея. Он был участником комплексной экспедиции Академии наук СССР, проводившейся в 1956–1963 годах под руководством военного историка Георгия Николаевича Караева. В задачи, с которыми экспедиция успешно справилась, входило определение подлинного места сражения, решившего исход Русско-ливонской войны 1240–1242 годов. По словам первого исследователя района битвы, эстонского советского историка Эрнста Карловича Паклара, Ледовое побоище сыграло «исключительную роль в исторических судьбах не только Руси, но и всей Восточной Европы».

Значение победы, одержанной на Чудском озере великим князем Александром Невским (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2020 год, статья «Великая битва великого князя»), трудно переоценить. А потому так важно было установить место битвы, разыгравшейся, согласно Новгородской Первой летописи старшего извода, «на Чюдьскомъ озеръ, на Узмени, у Воронъя камени». Несмотря на такую на первый взгляд вполне однозначную формулировку, найти это место долгое время не удавалось ни российским, ни иностранным исследо-

Музей
Ледового
побоища
в Самолве

Владимир
Александрович
Потресов
проводит
экскурсию
по Музею
Ледового
побоища в
Самолве

вательям. Предлагались десятки различных вариантов, каждый отстаивал свою точку зрения. Отвергалась сама возможность того, что такая крупная битва могла состояться на тонком озерном льду, тем более весной, ведь, согласно летописи, бой состоялся 5 апреля. Что касается сомнений в прочности апрельского льда, вопрос разрешился достаточно легко: по свидетельствам современников, зима 1241/42 года была сухой и озеро хорошо промерзло. А вот относительно конкретной точки на карте споры не утихают до сих пор. «Принципиальная

ошибка изысканий, предпринятых до середины XX века для уточнения места Ледового побоища, заключалась в том, что все они базировались на незыблемости очертания берегов Теплого озера – древней Узмени, – говорит Владимир Потресов. – Это создавало неверное представление о гидрографических условиях, в которых действовало новгородско-псковское войско, исключало определение истинного места битвы». Теплым озером сегодня называют узкий пролив между Чудским и Псковским озерами, который в старины именовали Узменью.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Участники
экспедиции
Караева
1958 года

ОДИНОКОГРДА НОВОСТИ

Важным ориентиром для летописца был Вороний камень. Вероятно, в те времена он был действительно хорошо заметен. Некий высокий уступ изображен даже на иллюстрирующих сражение миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века. Казалось бы, ничего сложного: стоит только отыскать на Узмени большую приметную скалу («камень»), и все встанет на свои места. Но в том-то и дело, что ничего похожего в этой местности, отличающейся пологим рельефом, нет. Вороний камень стал воистину камнем преткновения для ученых. Как пишет историк Денис Хрустальев, «в районе Узмени <...> такого топонима нет». Нет в ближайших окрестностях и никакой скалы, которая хоть как-то подходила бы под описание.

Между тем еще экспедиции Караваева удалось обнаружить на дне у восточного берега Теплого озера крупный останец – обширную плиту красно-бурового песчаника, который, по мнению геологов, мог быть «основанием выдающегося камня-утеса». Когда-то он находился на северо-западном мысе Вороньего

Скульптурная композиция «Князь Александр Невский с дружиной» в деревне Самолве на берегу Чудского озера в Псковской области

острова, но за семь прошедших веков был размыт озерными водами, слажен льдами и оказался в воде на полутораметровой глубине. Проведенная в июне 2021 года экспедиция Центра подводных исследований Русского географического общества подтвердила наличие останца, который предположительно мог являться тем самым Вороньим камнем.

Материалы обеих экспедиций можно увидеть в залах Музея Ледового побоища в Самолве. Здесь реконструирован кабинет начальника первой научной экспедиции, Георгия Караваева, представлены его личные

вещи, фотографии, копии различных документов. В числе экспонатов – водолазный костюм «трехболтовка». Именно в таком работал водолаз, исследуя дно озера, макет которого с останцем Вороньего камня можно увидеть в экспозиции. Большой зал знакомит с предысторией и ходом Русско-ливонской войны, центральное место в нем занимает макет с реконструкцией сражения. Рядом – реплики средневекового оружия, модели древних судов и саней. Еще один зал посвящен Александру Невскому, его родословной, биографии и военным походам, а также об-

Экспонат в Музее Ледового побоища в Самолве

разу князя в поэзии, кинематографе, нумизматике, монументальном искусстве.

Один из наиболее значительных мемориальных комплексов, «Князь Александр Невский с дружиной», находится неподалеку от Самолвы, на берегу Чудского озера. Он был открыт в сентябре 2021 года – к 800-летию со дня рождения святого благоверного князя. Отлитые в бронзе воины возвращаются домой с победой; впереди на коне сам Александр Невский. Скульпторы изваяли его совсем молодым, таким, каким и был он в тот год своей славы: ведь в момент Ледового побоища Александру Ярославичу было всего 20 лет. Рядом с ним еще один всадник – это его младший брат, Андрей. Любопытно, что лица дружиинников Невского позаимствованы у вполне реальных людей: облик трех ратников был создан на основе летописных источников, а трое других имеют портретное сходство с бойцами Псковской дивизии ВДВ, погибшими в 2000 году в Аргунском ущелье. Так перекликаются ратные подвиги прошлого и современности.

Монумент
на горе
Соколиха

Мозаичное панно на обратной стороне монумента, обращенной к Чудскому озеру, изображает само Ледовое побоище.

Еще один памятник, точнее, бюст Александра Невского был установлен в 1992 году в селе Кобылье Городище, где в XV веке стояла деревянная крепость, защищавшая от непрошеных гостей с запада. А в ней – существующая и поныне каменная церковь Архангела Михаила, небесного покровителя воинства.

Но самый известный монумент Александру Невскому и его дружине высится возле Пскова на горе Соколиха. Он был открыт в 1993 году и, как значится в его описании, «олицетворяет единение и доблесть народа в борьбе с врагами, единство и неделимость Русской земли, ее соборность, в которой наши предки находили духовную мощь и опору». Щиты воинов на этом памятнике похожи на апсиды древних псковских храмов, а узоры их одежд напоминают поребрик и бегунец – базовые орнаменты кладки, характерные для псковского зодчества.

СОКРОВИЩА ТАЛАБСКИХ ОСТРОВОВ

На следующий день наш путь лежал к Псковскому озеру. Нам предстояло добраться до знаменитого архипелага Талабские острова. В него входят Талабск (он же – остров имени Залита или просто – Залит), Талабенец и Верхний (остров имени Беллова). До революции 1917 года все они были единым поселением: 12 марта 1821 года острова получили статус безуездного города Псковской губернии. Благодарные местные жители пожелали называться Александровским посадом в честь императора Александра I, который и даровал им этот статус. Со временем на островах открылись две земские школы, появились полицейский надзиратель и фельдшер.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефроня Александровскому посаду посвящены всего три строчки. На 3381 жителя (по переписи 1897 года) приходились две церкви – по одной на Талабске и Верхнем. Основным занятием местного населения было изготовление сетей и рыболовство – ловля и сушка снетков. Этим информация и исчерпывалась. Современные источники заметно многословнее. На сайте администрации Псковской области отмечается, например, что

Талабские острова

острова были заселены еще в XI веке. Благополучию свободолюбивого талабского народа (островитяне именовали себя талавами) способствовали богатое рыбой озеро и четкая организация жизни. По сути, это была «рыбацкая республика», не подчиняющаяся Пскову. Все обязанности у талавов были строго распределены: среди них были свои рыбаки, купцы, ремесленники и воины – гары (от слова «горазд» – силен, могуч). Каждый занимался своим делом.

Талабские острова сыграли важную роль во время осады Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581–1582

годах. Здесь смогли укрыться от захватчиков мирные горожане, формировались стрелецкие отряды, отправлявшиеся в бой, а талабские гары ценой своих жизней не дали врагам захватить Псково-Печерский монастырь. С Талабских островов собирал когда-то корабельных мастеров Петр I для строительства своей флотилии.

Рыбный промысел всегда был основой жизни талавов. Особой популярностью пользовалась местная мелкая рыбешка – снеток, которую сушили в специальных дровяных печах. К 1914 году на островах насчитывалось 49 заводов по сушке рыбы, из них 38 – на острове

Туристы
высаживаются
на острове
Верхний

Талабск. Рыбу продавали в Петербург, Москву, Ригу и Варшаву. Числились талабские рыбаки даже поставщиками императорского двора. Местные жители свои рыболовные традиции сохранили до сих пор: на Талабске по-прежнему продают сушеных снетков и всевозможную копченую рыбу. А рядом разложены сувениры. На память можно купить, например, расписные

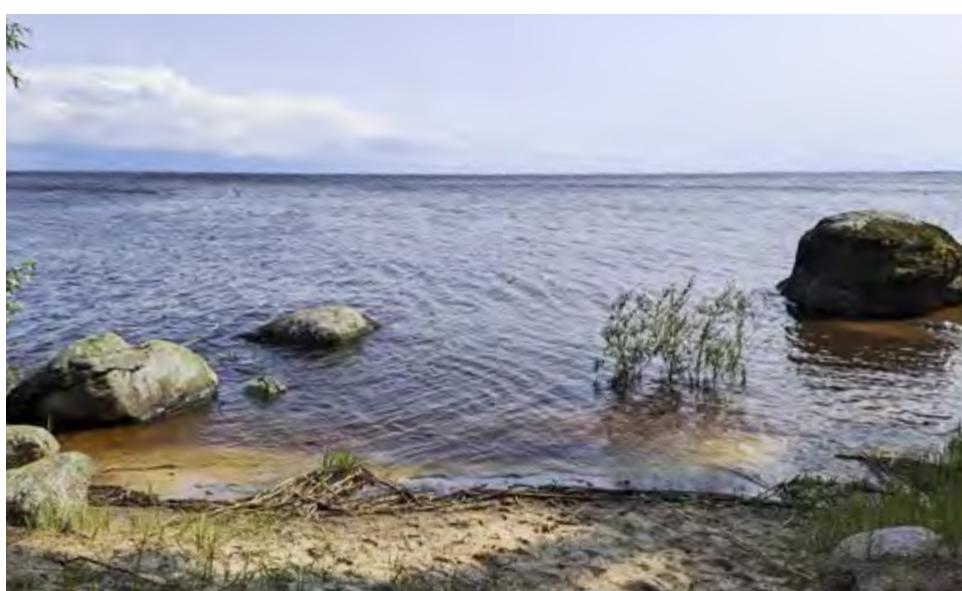
озерные камушки с рисунками на любой вкус. Раньше до Талабов из Пскова ходила «ракета», теперь же сюда добираются только на частных катерах либо из города, либо из деревни Толбица, что стоит в устье впадающей в Псковское озеро реки Толбы. Капитаном нашего катера, на оранжевом борту которого красовалась надпись «Сапсан», была отважная

Вид на острова
Талабенец
и Верхний
(Белова)
с острова
Талабск (Залита)

На Валунном
мысу

девушка Инна. Она уверенно управляла судном на поросших камышом крутых виражах извилистой Толбы и среди беспробойных волн Псковского озера. Остров Талабск (Залит) знаменит прежде всего тем, что на нем в 1958–2002 годах жил известный православный подвижник, протоиерей Николай Гурьянов (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2011 год, статья «Остров сокровищ духа»). Здесь он и был похоронен, дожив до 92 лет. К могиле отца Николая и его домику-келье продолжают приезжать паломники.

Достопримечательностью острова является и один из самых, наверное, необычных памятников В.И. Ленину. Небольшой бюст вождя на высоком постаменте перед бывшим Домом культуры «одет» соответственно суровым северным условиям – в меховую шапку-ушанку. А рядом с ним еще один бюст, большевика Яна Залита, которого в 1918 году утопили в озере белогвардейцы. Его именем и были названы остров и деревня на нем.

Самый большой из Талабских островов – Верхний. Здесь есть деревня, которая носит имя Ивана Белова – соратника Яна Залита. В отличие от почти полностью застроенного деревенскими домами Талабска на Верхнем сохранилась нетронутая природа: западная сторона острова поросла еловым лесом, на севере можно увидеть настоящие песчаные дюны, а на юге вдается в озеро покрытый большими валунами мыс. Он так и называется: Валунный. Весь остров можно неспешно обойти по живописной лесной тропе. Когда мы шли по его западной окраине, с акватопией Псковского озера дул сильный холодный ветер, но стоило нам только завернуть за Валунный мыс, на подветренную сторону, как перед нами предстала спокойная голубая озерная гладь. Захотелось даже окунуться в чистые и прохладные воды озера, благо с восточной стороны на острове есть два удобных песчаных пляжа.

В 1470 году на Верхнем появился Петропавловский мужской

Песчаные дюны
острова Верхний

монастырь. Его основателем был преподобный Досифей, ученик святого Евфросина Псковского. Досифея с тех пор так и стали именовать – Верхнеостровским. Скончался он в 1481 году и был похоронен с северной стороны храма. В начале XX века над могилой соорудили придел; в «пещеру преподобного Досифея» и теперь можно спуститься. В не-

большом пространстве царят таинственный полумрак и тишина, изредка нарушаемая шагами паломников. В 1584 году Верхнеостровская обитель была приписана к Псково-Печерскому монастырю. В 1703-м при нападении на остров шведов она сгорела. По легенде, монахи тогда спаслись, уйдя по подземному ходу на Досифееву горку,

Бюст
В.И. Ленина
на Талабске
заботливо «одет»
в меховую
шапку-ушанку

на которой позже установили поклонный крест. А уже через семь лет обитель была заново отстроена иеромонахом Псково-Печерского монастыря Илларионом. В 1764 году Верхнеостровскую обитель упразднили, а монастырский храм Петра и Павла стал

приходским. Столетие спустя к нему на средства прихожан пристроили притвор и каменную колокольню. В конце XIX века на острове было учреждено церковно-приходское попечительство, а в 1910 году здесь открыли земскую школу, где обучались 50 детей.

Теперь по озерам будут курсировать новые катера

Люпиновое море так и просится на картину

МЕЛЁТОВСКАЯ СТЕНОПИСЬ

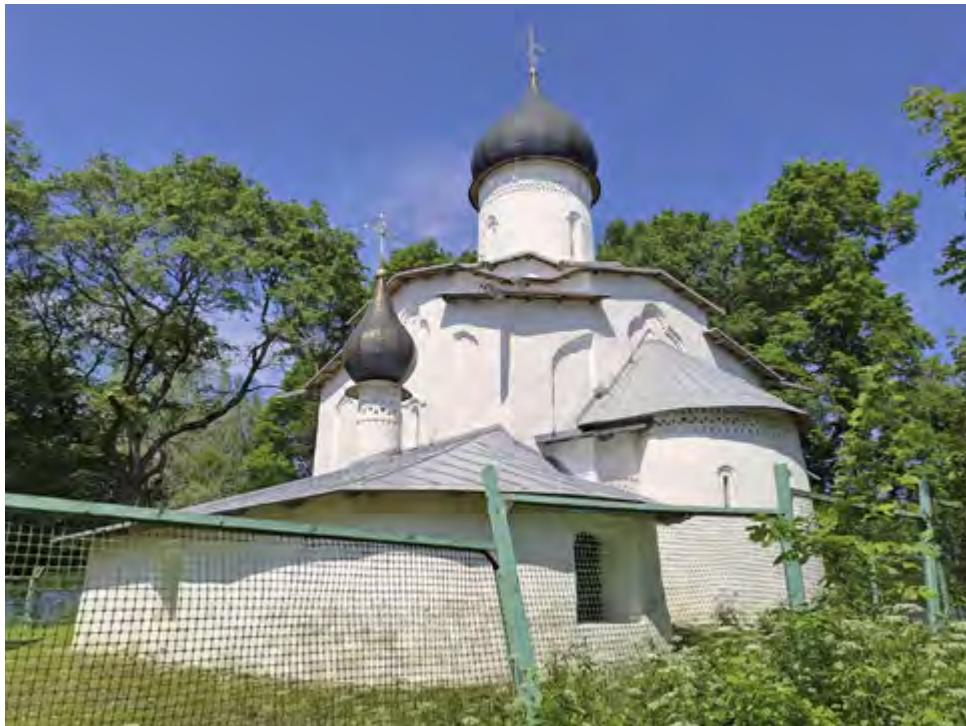
Как только слышишь слова «псковские фрески», первым делом на ум приходит монументальная живопись домонгольского периода, прекрасно сохранившаяся в Спасо-Преображенском соборе Мирожского Завеличского монастыря (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2022 год, статья «У реки Великой»). Или стенопись собора Рождества Богородицы Снетогорской обители (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2022 год, статья «Снетогорское чудо»). Реже вспоминают фрески церкви Успения Пресвятой Богородицы в деревне Мелётово, созданные в середине XV века. А зря. Их стоит увидеть обязательно.

Церковь расположена на высоком берегу речки Мелётовки. Местные жители рассказывают, что когда-то она была вполне полноводной, но теперь обмелела и сегодня больше напоминает небольшой ручеек.

Мы шли к церкви, любуясь видами. По обеим сторонам дороги синели люпины – будто вода расплескалась до горизонта. Не большой порыв ветра, и вот уже

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

пошли гулять по люпиновому морю прихотливые волны... Поднявшись на горку, мы увидели комплекс из двух церквей – Успения Пресвятой Богородицы XV века и Святой Троицы Живоначальной, построенной в 1913 году. В конце XVIII века рядом с древним храмом была сооружена колокольня, но до наших дней она не уцелела.

Церковь Успения Богородицы была построена в 1461–1462 годах, в период расцвета псковской архитектурной школы. Постройка церкви не случайно: именно на Успение 1461 года был подписан мирный договор с Ливонией, в подготовке которого участвовали и ктиторы храма. Также не случаен и выбор места строительства церкви в Мелётово: через деревню шла большая дорога из Пскова в Новгород и Москву, по которой проезжали в том числе и иностранные послы. Псковские земли были в те времена боярской республикой и играли роль своего рода буфера между русскими землями и их западными соседями, а также между Новгородом и Москвой.

По мнению исследователей, церковь Успения строили и расписывали псковские мастера. Это

первый и единственный псковский храм XV века, с сохранившимся сложным 16-скатным покрытием четверика. В псковских летописях под 1461 годом имеется такая запись: «Того же лета заложена бысть церковь камяня Оуспение святые бого родица на Мелётове». К сожалению, имена зодчих история не сохранила, зато храмозданные надписи на внешней стороне западного портала и в основании барабана четверика донесли до нас имена заказчиков. Это псковские посадники и бояре: купеческий староста Иаков Иванович Кротов, Иоанн Захарьин сын Пучков и Зиновий Михай-

Храм Успения
Пресвятой
Богородицы.
XV век

Одна из самых известных фресок Успенской церкви в Мелётово – «Скоморох Ант»

лович. В 1465 году по их же заказу храм был расписан.

Особенность древней стенописи Успенской церкви в том, что она была выполнена по сухой штукатурке, краска на фигурах накладывалась в два-три слоя, что создает дополнительные трудности для современных реставраторов. Судя по характеру фресок, выполнившие их средневековые живописцы хорошо владели не только приемами монументальной живописи, но также техникой иконописи и книжной миниатюры. Многие сцены совсем небольшие по своим размерам, зато отличаются точной проработкой деталей, хорошо видной даже сейчас.

В интерьере церкви сохранилось около ста живописных сюжетов, многие из которых не встречаются в росписях других храмов. Здесь же находится знаменитая фреска «Скоморох Ант» – возможно, первое и единственное до XVII века изображение скомороха в русской живописи. Сюжет фрески позаимствован из сборника рассказов о святых и подвижниках «Лимонарь» («Луг Духовный»). Скоморох Ант богохульствовал, ополчившись на Пресвятую Богородицу, за что был наказан: у него отсохли руки и ноги. Только после искреннего раскаяния Богородица исцелила Анта. Основной комплекс сюжетов росписей храма ожидаемо посвящен прославлению Богоматери. Наиболее значительными и хорошо сохранившимися являются фрески «Служба святых отцов», «Галла Милостивая и апостол Петр», «Чудо о жидовине», «Сретение Господне», «Омовение ног», «Уверение Фомы», «Перенесение Ковчега Завета», «Пророк Илия и жрецы Баала на горе Кармил», «Видение пресвитером Евстафием Богородицы», «Положение во гроб», «Неопалимая Купина». Сейчас над фресками работают реставраторы, туристов в церковь пускают небольшими группами, чтобы не нарушать температурно-влажностный режим, столь важный для сохранности древнего чуда...

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
[**https://rusmir.media**](https://rusmir.media)

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru